

**Национальная академия наук Украины
Институт социологии**

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ**

Киев 2012

ББК 60.5

К 30

К 30 **Качество жизни населения Украины в зеркале социологии /**
Под общей ред. академика НАН Украины В.М.Вороны, докт.
филос. наук, проф. Е.И.Суименко. – К. : Институт социологии
НАН Украины, 2012. – 211 с.

ISBN 978-966-02-6448-9

В монографии рассмотрены изменения качества жизни населения Украины за годы проведения рыночных реформ. В ней нашли отражение различные современные теоретические и методологические подходы к определению и измерению качества жизни. На основании использования большого массива данных национальной и международной статистики, а также результатов социологических опросов исследователи проанализировали качество жизни населения Украины, применяя как интегральные показатели благосостояния общества, так и характеристики различных компонентов качества жизни на основе квалиметрического подхода. Авторы монографии выявили сложные и противоречивые пути формирования качества жизни населения в современной Украине.

The monograph has examined changes of the quality of life in Ukraine during the period of market reforms. It reflects various modern theoretical and methodological approaches to defining and measuring the quality of life. On the basis of a large data set of national and international statistics, as well as the results of sociological surveys, researchers had examined the quality of life of the Ukrainian population, using both integral indicators of social welfare and the characteristics of different components of quality of life through qualimetric approach. The authors of the monograph had revealed complex and contradictory ways of forming the quality of life in modern Ukraine.

ББК 60.5

Научные рецензенты:

И.М.Прибиткова, доктор экономических наук

П.С.Ещенко, доктор экономических наук

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института социологии
НАН Украины (протокол №4 от 27 вересня 2011 года)*

ISBN 978-966-02-6448-9

© Институт социологии НАНУ, 2012

Содержание

Введение	4
-----------------------	----------

Глава первая **КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ**

1.1. Уровень жизни как одна из первых интегральных оценок удовлетворения потребностей населения	8
1.2. Формирование концепта качества жизни	21
1.3. Категория качества жизни: попытки определения в отечественной науке	33
1.4. Оценочные возможности категории качества жизни ...	40
1.4.1. Предметный диапазон исходного понятия: «вертикальная» и «горизонтальная» плоскости анализа	41
1.4.2. Индексы качества жизни в практике международных сравнений	47
1.4.3. Проблема определения «интегрального индекса» качества жизни	53
1.4.4. Квалиметрический подход к оценке качества жизни	64

Глава вторая
ПРОГРАММИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

2.1. Предварительный теоретический анализ качества жизни населения Украины	68
2.2. Уточнение основных понятий	74

Глава третья
СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

3.1. Материальное положение респондентов: реалии и перспективы	77
3.2. Качество трудовой жизни граждан Украины и измерение его детерминант	101
3.3. Состояние здоровья, питания и экологическая среда по самооценкам населения Украины	126
3.4. Духовная жизнь общества: образование, наука, культура	151
3.5. Опасности и риски в жизнедеятельности людей	172
3.6. Региональная специфика качества жизни населения Украины	182
Заключение	202
ЛИТЕРАТУРА	205

Введение

Рубеж XX и XXI веков можно считать тем периодом истории человечества, когда уровень развития производительных сил дает основания рассматривать его как свершившуюся научно-техническую революцию. Современная энергетика и освоение космоса, автоматизация и информатизация производства, нанотехнологии, оперативные телекоммуникации и мобильная связь, геномная инженерия и многое другое являются полным тому подтверждением. Устойчивые и сложившиеся взаимоотношения между людьми, отношения между человеческими группами, государствами и странами в связи с научно-техническим прогрессом подвергаются при этом либо коренным изменениям, либо определенным модификациям. Не секрет ни для кого, что при всей научно-технической новизне, при заметном скачке в развитии производительных сил, в человеческом обществе остаются сверхбогатые и крайне бедные люди, конкурирующие между собой страны и государства, социальные конфликты и войны, классовое расслоение и многое другое, передающееся по наследству от одних поколений к другим. Но, если не быть предвзятым и внимательно присмотреться к социально-экономическим процессам в обществе, нельзя не заметить того, как изменяются *исторические формы* всех названных и других человеческих отношений и связанных с ними проблем. Скажем, такие явления, как голод или материальные лишения, в современный период развития кардинально меняются: если раньше в голодные годы вымирали целые поселения людей, рабочий орудовал своими мышцами с большим напряжением физических сил и ютился в деревянных бараках, то нынешняя цивилизация, сохранив эти беды по существу, сумела во многих случаях и в отдельных странах свести их до уровня определенных *лишений*. На смену голодной смерти при-

шло ухудшение и несистематическое питание, на смену непосильной работе и адскому напряжению физических сил — непосильная занятость и т.д. В развитых капиталистических странах, к примеру, рабочий в случае безработицы уже не обречен — он определенное время получает денежное пособие, также и такие категории людей, как учащиеся, студенты или инвалиды. Иными словами, даже человеческие беды претерпели изменения в условиях социализированности и цивилизованного характера современного мира.

Именно по этой причине в последние годы мы все чаще стали пользоваться такими понятиями, как «качество питания», «качество потребления», «качество обслуживания», «качество трудовой деятельности», «качество досуга». И, наконец, — «качество жизни». В науку и статистический обиход начали активно проникать и изучаться такие составляющие качества жизни — внутренние и внешние, — как материальное положение, занятость, трудовая деятельность, здоровье, продолжительность жизни, природная среда, духовная культура, досуговая деятельность, образование, безопасность и риски, субъективное самочувствие человека и т.д. И, что важно здесь отметить, эти составляющие качества жизни находятся по отношению друг к другу в системной связи. То, что раньше мыслилось как всестороннее и гармоничное развитие личности, сегодня стало перекрываться понятием качества жизни.

При прочих равных условиях качество жизни людей в любой стране в значительной степени зависит от качества политической власти и государственного управления, характера набирающей силу глобализации политической, экономической и социокультурной жизни мирового сообщества.

Естественно, что составляющие качества жизни далеки от сбалансированного и равноценного их развития. Если одни из них явно вырываются вперед, прогрессируют в своем развитии, то другие либо ухудшаются, либо находятся в застойном состоянии. Какие же тенденции в функционировании и развитии этих составляющих наблюдаются в современной Украине? Отвечая на этот довольно нелегкий вопрос, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что первостепенную роль в развитии качества жизни играет экономический фактор. По этой причи-

не социологи отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины взяли за исследование качества жизни украинских граждан, используя для этого данные социологического мониторинга украинского общества за 1992–2010 гг., Европейского социального исследования 2005–2009 гг., всеукраинских опросов общественного мнения 2006 и 2009 годов.

Авторами отдельных глав и параграфов рекомендуемой нами читателям монографии отдела экономической социологии являются: Введение – д.э.н., проф., академик НАН Украины В.М.Ворона; 1.1 – к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела А.Г.Арсенко и аспирантка отдела В.О.Буткалюк; 1.2 – к.с.н., научный сотрудник отдела А.Н.Малюк; 1.3, 1.4.1 – д.ф.н., проф., главный научный сотрудник отдела Е.И.Суименко; 1.4.2 – к.с.н., научный сотрудник отдела Н.В.Толстых; 1.4.3, 1.4.4 – главный научный сотрудник отдела Е.И.Суименко; 2.1 – аспирантка отдела В.О.Буткалюк, д.ф.н., проф., главный научный сотрудник отдела д.ф.н., проф. Е.И.Суименко; 2.2. – д.ф.н., проф., главный научный сотрудник отдела Е.И.Суименко; 3.1 – к.с.н., научный сотрудник отдела Н.В.Толстых; 3.2 – д.с.н., старший научный сотрудник отдела В.С.Резник; 3.3 – д.с.н., и.о. зав. отдела Т.О.Петрушина; 3.4 – д.с.н., главный научный сотрудник отдела В.Е.Пилипенко; 3.5 – к.с.н., старший научный сотрудник отдела И.В.Буров; 3.6 – к.с.н., младший научный сотрудник отдела В.В.Смакота; Заключение д.ф.н., проф. Е.И.Суименко, д.е.н., и.о. зав. отдела Т.О.Петрушина.

Научно-вспомогательную работу в обработке первичной социологической информации и при подготовке монографии к печати выполняла ведущий социолог сотрудник отдела Р.А.Пешая.

Глава первая

КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

1.1. Уровень жизни как одна из первых интегральных оценок удовлетворения потребностей населения

Эволюция теории и практики общественного благосостояния в послевоенные годы повлекла за собой внесение изменений в старые модели общественного благосостояния и научную разработку новых моделей. В результате этого в настоящее время в различных странах действуют следующие четыре основные модели общественного благосостояния. *Традиционная модель* состоит из деятельности и программ, предназначенных для оказания помощи индивидам, группам и общинам, чтобы совладать с их текущими проблемами или же предотвратить возникновение таковых. *Перераспределительная справедливая модель* является попыткой разрешить проблемы индивидов и групп посредством создания более равных экономических и социальных систем, перемещая средства из одного сектора в другой [Macarov, 1995: p. 6]. *Модель социального развития* введена в научный оборот и социально-экономическую практику недавно и поэтому в ней до сих пор остается много неясностей. Первоначально эта модель относилась к развивающимся странам, ее смысл заключался в том, что странам «третьего мира» необходимо помогать в экономическом и социальном отношении для достижения ими более полного развития. *Модель нового мирового порядка* преследует определенную цель — реструктурировать глобальный социальный, политический, экономический и экологический порядок — и делает осо-

бое ударение на максимальном участии людей в своем собственном развитии [*Ibid.*: p. 8].

«Новый мировой порядок», учрежденный американским империализмом после разрушения мировой социалистической системы и СССР, вылился в *глобализацию по-американски*, преследующую цель сделать неолиберальную модель развития альфой и омегой имперской политики США в планетарном масштабе. В результате насаждения этой модели во всех трех мирах – в странах «центра» («ядра»), «полупериферии» и «периферии» – в последние десятилетия значительно расширилось неравенство как между странами «первого», «второго» и «третьего» миров, так и внутри этих стран. Расширение и углубление пропасти между богатыми и бедными охватило все страны мира, в том числе и «золотого миллиарда» планеты, где после развала социализма как альтернативы капитализму, с одной стороны, начался демонтаж «государства благосостояния» и действующих в его рамках многих социальных программ, с другой стороны, стартовала политика «социального реванша» буржуазии, направленная на то, чтобы, во-первых, лишить рабочий класс индустриально развитых капиталистических стран многих уступок, завоеванных профсоюзами в упорной борьбе с капиталом в годы противостояния двух общественных систем, и, во-вторых, нивелировать результаты социальных реформ в пользу трудящихся, на которые сильные мира сего вынуждены были пойти под влиянием успехов реального социализма в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Итогом современной атаки капиталистического государства и монополий на уровень жизни трудового народа стало установление беспрецедентного со времен Великой депрессии 1929–1933 гг. неравенства между богатыми и бедными, имущими и неимущими в западном мире, что послужило одной из главных причин нынешнего глобального финансово-экономического кризиса, а также остается одним из основных препятствий для выхода стран Запада из новой Великой депрессии. Это касается антикризисных мер не только американского правительства, но и аналогичных

мероприятий других западных правительств. Как отмечает американский экономист, профессор Исмаил Хусейн-Заде, нельзя сказать, что «эти правительства не хотят решить задачу экономического роста и создания рабочих мест – они хотят, но они хотят достичь этого на своих собственных (неолиберальных) условиях, посредством проведения неолиберальных политик, которые создавали бы такие рабочие места, которые обеспечивали бы заработную плату на одном уровне с заработной платой рабочих в менее развитых странах» [*Hosseini-Zadeh, s.a.*]. Эта политика получила название «гонки вниз» и преследует цель перекладывания всей тяжести выхода из кризиса на плечи трудового народа и повышения конкурентоспособности западных товаров за счет сверхэксплуатации рабочего класса. Все это способствует падению уровня и качества жизни населения во всем мире и вносит весьма существенные коррективы в идеологию и практику интегративных оценок положения народов различных стран мира в условиях современного глобального финансово-экономического кризиса.

Одной из первых социально-экономических категорий, введенных в научный оборот и практическую деятельность для характеристики или оценки удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей людей, а также для измерения положения индивидов и социальных групп в капиталистическом обществе, стал «уровень жизни». Пальма первенства во введении этого термина в широкий научный оборот принадлежит Карлу Марксу. В своей работе «Заработная плата, цена и прибыль» он подчеркивал влияние «исторических традиций» и «общественных привычек» на жизненный уровень населения каждой страны, исходя из того, что «этот уровень предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются» [*Маркс, 1960: с. 150–155*]. Весомый вклад в разработку аналитических оценок уровня жизни и жизненных стандартов населения внесли известные западные

экономисты и социологи Эрнст Энгель, Вильфредо Парето, Альфред Маршалл, Артур Пигу и др.

В узком значении этого термина *уровень жизни* в интерпретации современной западной экономической науки означает минимум предметов первой необходимости или же предметов роскоши, к использованию которых личность или группа привыкли и стремятся ими владеть [*Sloan, 1970: p. 414*]. Поэтому исторически уровень жизни был одновременно как интегративной оценкой положения индивидов, групп или общин в обществе, так и определенным «ориентиром», к достижению которого следует стремиться для повышения своего уровня потребления и, следовательно, статуса в капиталистическом обществе. В этом контексте американская исследовательница уровня жизни современного «среднего класса» в США Марина Московитц справедливо отмечает: «Уровень жизни не был единицей измерения того, как люди живут в соответствии с тем, что они могут себе позволить, это была единица измерения того, как люди хотели бы жить согласно принятым культурным минимальным нормам. Эти желания опережали их возможности приобретения, создавая постоянно изменяющуюся планку, в соответствии с которой американцы оценивали свое материальное благополучие» [*Moskowitz, 2004: p. 5*].

Сегодня уровень жизни рассматривается как более широкая и достаточно неопределенная концепция, которая касается благосостояния индивида или общества, но не сводится к их доходам. Она принимает во внимание все факторы, которые оказывают влияние на благосостояние индивида, например, потребление товаров и услуг, способ проведения свободного времени, состояние окружающей среды, здоровья и т.д. В рамках названной концепции до сих пор нет согласия по вопросу о том, что должно быть включено в число измерителей уровня жизни и как его различные компоненты должны взвешиваться и оцениваться [*The Harper Dictionary, 1998: p. 807*]. По мнению ряда исследователей, термин «уровень жизни» совмещает в себе экономическое благосостояние с определенными ожиданиями индивида или общества в отношении качества жизни. Несмотря на от-

сутствие консенсуса по вопросу о том, что представляет собой благоразумный уровень жизни, считается, что он в большей мере основывается на желаниях, чем потребностях, которые способствуют повышению благосостояния или благополучия индивида. Также является общепризнанным, что улучшение уровня жизни населения зависит от таких экономических факторов, как повышение производительности труда или реального экономического роста в расчете на душу населения, система перераспределения доходов посредством налогообложения или посредством прямых правительственных расходов, доступность таких общественных услуг, как здравоохранение, образование, транспорт и пр. Вместе с тем в повышении уровня жизни не менее важную роль играют и такие неэкономические факторы, как защита от опасных и неприятных условий труда, возможности карьерного роста на работе, чистая окружающая среда, низкий уровень преступности, свобода слова и господство права [Crane, 1980: p. 318]. В последнее время многие из перечисленных неэкономических факторов приобрели статус важных социальных индикаторов «качества жизни», но они по-прежнему используются экономистами при измерении и описании достигнутого уровня жизни.

Определяющее воздействие на уровень жизни оказывает, с одной стороны, степень развития потребностей людей, с другой стороны, доступность необходимого количества и качества жизненных благ и услуг для удовлетворения потребностей людей. В первые годы после окончания Второй мировой войны этот фактор обычно понимался в сугубо материальных терминах и измерялся количеством товаров и услуг, имеющихся в распоряжении индивида. Это привело к использованию реального ВВП в расчете на душу населения в качестве главного измерителя уровня жизни. Однако такая односторонняя оценка была подвергнута справедливой критике со стороны тех ученых, которые опасались, что «если высокопоставленные политики сосредоточат основное внимание на ВВП в расчете на душу населения, то они будут оказывать чрезмерное влияние на экономический рост как на достижение политической цели, а не

бороться за сбалансированное человеческое развитие» [Easterlin, 2000: p. 8]. Эта явная односторонность была в определенной мере преодолена после введения в научный оборот Индекса человеческого развития (ИЧР), который ежегодно, начиная с 1990 г., рассчитывается и публикуется Программой развития ООН (ПРООН). ИЧР включает в себя ВВП в расчете на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни и образовательный ценз индивида. В наше время ведутся экспериментальные работы, направленные на поиск возможности включить права человека в это широкое определение человеческого развития.

Тем не менее такие важные экономические факторы, как уровень дохода и богатства, продолжают оставаться ключевыми детерминантами благополучия индивида или семьи в капиталистическом мире, а в условиях современного финансово-экономического кризиса значение этих элементов в формировании и измерении уровня жизни еще больше возрастает. В связи с этим в ряде стран в последнее время все чаще используется понятие *экономический уровень жизни*, включающее в себя комплексное сочетание таких важных экономических факторов, как доход, стоимость жизни, размер и состав домохозяйства. В рамках этого понятия также считается, что чем больше процветает экономика страны, тем больше шансов у ее жителей на получение более высокого дохода, приобретение материального имущества и получение доступа к качественному здравоохранению, что в конечном итоге приводит к большей социальной связанности общества, образовательному продвижению индивидов, расширению их возможностей в деле выбора занятости и увеличению продолжительности жизни [Economic Standard of Living, 7, s.a.].

Но, как показывает опыт многих западных индустриально развитых стран, в том числе самой богатой страны капиталистического мира — США, о чем будет сказано ниже, этот вывод далеко не всегда подтверждается действительностью как в последние предкризисные десятилетия, так и особенно в нынешние кризисные годы. В этом контексте американский автор Питер Пассэлл на страницах самой влия-

тельной ежедневной буржуазной газеты в США «Нью-Йорк таймс» еще на исходе XX столетия подчеркивал, что в США «в течение последней четверти века фактически вся щедрость роста шла образованным, предприимчивым и уже богатым» [Passell, 1998]. В связи с этим давний вопрос о социальной справедливости в распределении национального дохода и богатства вновь занимает одно из главных мест в политической повестке дня Соединенных Штатов Америки и других стран мира.

Говоря об уровне жизни, необходимо отметить, что многие исследователи этого показателя в качестве одного из основных индикаторов названной характеристики социального благосостояния используют размер ВВП в расчете на душу населения. Как правило, это обусловлено доступностью статистической информации по данному вопросу на ежегодной или даже ежеквартальной основе почти по всем странам мира, что якобы дает возможность исследователю проследить динамику этого социально-экономического показателя и осуществить сравнительный анализ уровня жизни в различных странах мира. Основной недостаток такого подхода к измерению уровня жизни заключается в том, что ВВП не может быть надежным индикатором в этом отношении, так как он является всего лишь измерителем определенного вида экономической активности в стране и далеко не всегда отражает уровень жизни в ней. Например, страна может экспортировать 100% своей продукции и таким образом иметь очень высокий ВВП и вместе с тем очень низкий уровень жизни [*GDP and standard of living, s.a.*].

Однако было бы неправильно полностью игнорировать размер ВВП при изучении этой проблемы, так как во многих странах мира, особенно в тех, где более справедливо распределяется ВВП в пользу воспроизводства главной производительной силы капиталистического общества — человека труда — уровень жизни имеет тенденцию расти вместе с ростом ВВП в расчете на душу населения.

Существенное влияние на повышение уровня жизни оказывает рост инвестиций и производительности. Рост капиталовложений влечет за собой рост производительности, а

ее повышение ведет к улучшению уровня жизни. По словам лауреата Нобелевской премии (2008), выдающегося американского макроэкономиста, профессора экономики Принстонского университета Пола Кругмана, производительность является единственным наиболее важным фактором, оказывающим влияние на наше экономическое благополучие. Совершенно очевидно, что чем выше уровень жизни, тем больше деньги становятся доступными для инвестиций и потребительских расходов. Падение роста производительности в последние годы объясняется целым рядом причин, прежде всего, изменением состава рабочей силы, деиндустриализацией, недостаточными капиталовложениями в новые технологии, использованием инвестиционных фондов для улучшения качества окружающей среды, приостановкой инвестирования общественной инфраструктуры. Для того чтобы возобновить рост производительности капиталистическому государству и корпорации, необходимо сосредоточить свои инвестиционные усилия на реализации долгосрочных программ [*Investment*], а также более тесно связать рост производительности труда с повышением заработной платы трудящихся, что было одним из основных постулатов фордизма как нового типа промышленного производства в индустриальную эпоху.

Более высокая заработная плата способствует повышению уровня жизни и наоборот. Однако введение в экономическую практику глобального капитализма неolibеральной политики, известной в мире под названиями «рейганизма» и «тэтчеризма», повлекло за собой в последние десятилетия XX в. резкое падение заработной платы во многих западных развитых капиталистических странах, не взирая на значительное повышение производительности труда. Так, например, еще в 2007 г., то есть до сползания экономики США в нынешний финансово-экономический кризис, средний американский рабочий зарабатывал 17,42 долл. в час, что было на 11% меньше, чем в 1972 г., когда он получал 19,34 долл. в час (в долларах 2007 года). Но это, как отмечает профессор экономики и содиректор Политико-экономического исследовательского института Массачусетского уни-

верситета в Амхерсте Роберт Поллин, только половина истории. Вторая ее часть заключается в том, что за тот же 34-летний период падения заработной платы средняя производительность труда в Соединенных Штатах увеличилась на 90%. Это означает, что совокупная корзина товаров и услуг, которую производил средний американский рабочий в 2007 г., была на 90% больше по сравнению с 1972 г. В качестве вознаграждения за производство на 90% больше товаров и услуг в 2007 г. он получил 11-процентное снижение заработной платы [Pollin, 2009], а следовательно, и соответствующее падение экономического уровня жизни.

Признавая особую важность заработной платы в определении уровня жизни, следует учитывать с данной целью и другие детерминанты в этом отношении. Последние включают в себя следующие основные факторы, характеризующие уровень богатства, комфорта, материальных вещей и предметов первой необходимости, доступных определенному индивиду, группе, общине или социальному классу в определенной стране или географическом регионе [Fontinelle]:

- доход;
- качество и доступность занятости;
- классовое неравенство;
- уровень бедности;
- качество и доступность жилья;
- часы работы, необходимые для приобретения предметов первой необходимости;
- валовой внутренний продукт;
- уровень инфляции;
- количество оплачиваемых дней отпуска в году;
- доступность по средствам качественного здравоохранения;
- качество и доступность образования;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- уровень заболеваний;
- стоимость товаров и услуг;
- инфраструктура;
- национальный экономический рост;

- экономическая и политическая стабильность;
- политическая и религиозная свобода;
- качество окружающей среды;
- климат;
- безопасность.

В настоящее время исследователи выделяют четыре уровня жизни населения: *достаток* (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); *нормальный уровень* (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); *бедность* (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы); *нищета* (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддержать жизнеспособность человека) [*Основные показатели*]. Преодоление бедности и нищеты занимает приоритетное место в повестке дня мирового сообщества, в том числе в «Целях тысячелетия», одобренных ООН. К сожалению, намеченные планы в этом отношении остались невыполненными, а нынешний глобальный финансово-экономический кризис ставит под вопрос возможность их реализации в обозримом будущем. Драматизм данной проблемы заключается в том, что сегодня почти половина населения Земли существует на мизерный доход менее 2 долл. США в день.

В современном мировом сообществе широко используется разработанная ООН система показателей уровня жизни, включающая 12 основных групп показателей [*Права человека, 1986*]:

1. Рождаемость, смертность и другие демографические характеристики населения.
2. Санитарно-гигиенические условия жизни.
3. Потребление продовольственных товаров.
4. Жилищные условия.
5. Образование и культура.
6. Условия труда и занятость.
7. Доходы и расходы населения.

8. Стоимость жизни и потребительские цены.
9. Организация отдыха.
10. Транспортные средства.
11. Социальное обеспечение.
12. Свобода личности.

В последние десятилетия широкое распространение и всеобщее признание в среде исследователей уровня и качества жизни получил *индекс человеческого развития*, который, как уже указывалось, рассчитывается ежегодно Программой развития ООН (ПРООН) на основании следующих компонентов ИЧР: 1) средняя ожидаемость продолжительности жизни при рождении; 2) уровень образования населения; 3) уровень жизни (реальный среднедушевой валовой внутренний продукт, рассчитанный с учетом паритета покупательной способности национальной валюты). По данным ПРООН, приведенным на страницах «Доклада о человеческом развитии 2010: реальное богатство наций», Украина на сегодняшний день занимает в рейтинге развития человеческого потенциала 69-е место в мире [Steckel, s.a.].

Дифференциация уровня жизни различных социальных классов, групп и слоев населения, а также домохозяйств и индивидов наглядно, четко и убедительно отражает социально-классовые различия в буржуазном обществе, построенном на примате частной собственности и отношениях эксплуатации человека человеком. В результате этого уровни жизни рабочих и *хозяйской власти* в капиталистическом обществе всегда были диаметрально противоположными. В последнее время пропасть между ними расширилась и углубилась до беспрецедентных размеров. Фактически буржуазия сегодня во всех странах ограничивает уровень жизни трудящихся потребностями воспроизводства рабочей силы, которое поддерживается в состоянии, необходимом всего лишь для производства прибавочной стоимости и накопления капитала. Усиление эксплуатации трудящихся на изломе двух веков привело к относительному и абсолютному ухудшению положения рабочего класса во многих индустриально развитых западных государствах, а также в странах «третьего мира» и с так называемой «переходной

экономикой». Таким образом, глобальный неолиберальный капитализм на пороге XXI в. бросает дерзкий вызов статье 25 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступление старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам», а также статье 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которая гласит: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достойный жизненный уровень для него и членов его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни» [*Права человека, 1986: с. 28, 36*].

Названный вызов касается государств *всех трех миров*, в том числе и самой богатой страны капиталистического мира — США. Вне всякого сомнения, уровень жизни в эпицентре глобального капитализма — Соединенных Штатах — значительно повысился в XIX—XX веках. По уровню жизни США в прошлых столетиях оставило далеко позади другие страны «золотого миллиарда» планеты. С 1820 г. по 1998 г. реальный ВВП в расчете на душу населения вырос в США в 21,7 раз, с 1257 долл. до 27331 долл. Ожидаемая продолжительность жизни удвоилась за последние полтора века — с 38,3 лет в 1850 г. до 76,7 лет в 1998 г. [*Steckel, s.a.*]. В то же самое время значительно сократилась региональная дифференциация в области уровня жизни между различными частями и штатами США. Региональная конвергенция значительно продвинулась вперед в период индустриализации Юга после Второй мировой войны, хотя, как свидетельствует недавнее исследование по данному вопросу, проведенное по инициативе ряда независимых неприбыльных организаций, до полного решения этой проблемы США еще далеко.

«На основании соединения текущей информации с историческими данными наш доклад показывает, что некоторые группы американцев отстают от других на 10, 20 и даже 50 лет в результате вынужденного ограниченного доступа к образованию, хорошо оплачиваемым рабочим местам и адекватному здравоохранению» [*Study Shows, s.a.*], — говорит президент общественной организации «Oxfam America» Рэй Оффенхейзер. Например, люди в штате Миссисипи, занявшем последнее место по уровню жизни в этом исследовании, сегодня живут так, как жили люди 30 лет назад в штате Коннектикут, занявшем первое место в этом исследовании. К этому необходимо добавить, что в последнюю треть XX в. Соединенные Штаты начали сдавать свои позиции в области достигнутого уровня жизни, который в свое время сделал названный многолетний бастион капитализма примером или образцом для подражания во многих странах мира.

Однако падение уровня жизни и покупательной способности населения в США не внушает оптимизма в отношении быстрого выхода с оптимальными потерями мирового капиталистического хозяйства из современного глобального финансово-экономического кризиса, так как американская экономика является главным потребителем товаров и услуг, производимыми сегодня во многих странах мира. Стагнация американской экономики неизбежно повлечет за собой дальнейшее снижение уровня и качества жизни не только в эпицентре глобального капитализма, но и далеко за его пределами, включая страны с так называемой «переходной экономикой». В связи с этим американский профессор И.Хуссейн-Заде справедливо отмечает: «Конечно, неолиберальная стратегия демонтажа государства благоденствия и сведения оплаты труда к рабской заработной плате не ограничивается Соединенными Штатами. Конкуренция, которая тянет зарплату вниз, преследует и другие развитые капиталистические страны. Действительно, конкурентное капиталистическое давление на рентабельность и выживание влечет за собой участие почти всех стран мира в этой

ретрогрессивной (но, с капиталистической точки зрения, рациональной!) гонке вниз» [*Hossein-Zadet, s.a.*].

По признанию американского социолога Джеймса Петраса и канадского социолога Генри Велтмейера: «Сужающийся уровень жизни, измеряемый размером дохода и жизненными условиями, является реальностью в настоящее время для двух третей или более населения, большая часть которого обнаруживает себя в не столь новых, но растущих “планетарных трущобах”, так хорошо описанных Майком Дэвисом (известным американским историком, профессором Калифорнийского университета в Беркли, автором вышедшей в свет в 2006 г. монографии “Планета трущоб”))» [*Petras, Veltmeyer, 2007: p. 188–189*]. В этом контексте исследование динамики уровня и качества жизни в Украине в условиях современного первого в истории человечества глобального финансово-экономического кризиса приобретает особенно актуальное научное и практическое значение.

1.2. Формирование концепта качества жизни

Пытаясь взять под социальный контроль массовое недовольство и стремление людей изменить социальные условия своего существования, правящие классы США сначала избрали своей социально-классовой стратегией продолжение либерально-реформистского курса и провозгласили программу строительства «большого общества» и достижение «новых рубежей». Одним из элементов данной стратегии стала концепция нового качества жизни, которая включала в себя идею необходимости преодолеть ряд отрицательных явлений существующей социально-экономической и политической системы при условии сохранения «американского образа жизни» и соответствующих ему ценностей.

С самого начала категория «качество жизни» была лишь метафорой, которая не имела четкого содержания и использовалась как термин политической публицистики и программных документов либерально-реформистских и социал-демократических партий. Со временем этот термин вошел в общественно-научные дисциплины, где была предприня-

та попытка превратить метафору в научное понятие. Следует отметить, что недостаточная теоретическая и методологическая разработки проблемы качества жизни, неопределенность социального содержания понятия обусловили также неопределенность социальных индикаторов, с помощью которых можно было бы измерять данный сложный феномен. Большинство показателей, используемых социологами, базируются не на теоретически обоснованных выводах, а скорее на здравом смысле и интуиции исследователей, которые нередко используют безграничный и случайный набор показателей. Эти показатели охватывают как экономические, политические или экзистенциальные аспекты жизни людей, так и собственно социальные. Но именно последние и интересуют социологию в первую очередь. Поэтому, чтобы превратить недифференцированное представление о неопределенном качестве жизни в научное понятие социологии, по всей видимости, следует в первую очередь делать акцент на социальном качестве жизни или социальных аспектах качества жизни. Вполне очевидно, что социальные аспекты качества жизни имеют отношение к состоянию социальной сферы определенного общества в данных конкретно-исторических обстоятельствах. Совокупность свойств, которыми в этом пространстве-времени общества характеризуется социальная сфера, составляет социальный аспект качества жизни. К таким свойствам могут относиться такие характеристики социальных отношений, как социальное равенство или неравенство, социальная справедливость или несправедливость, социальное господство и подчинение, свобода, демократичность или тоталитарность социальных отношений, гуманность или наоборот социальная отчужденность, исключение, возможности проявления максимально широкой социальной активности или ее угнетение и, как результат, социальная пассивность населения. Эти свойства характеризуют социальные условия, в которых протекает жизнь людей. Исходя из характера изменений в социальных аспектах качества жизни, то есть из того, каким образом, позитивно или негативно, эти изменения влияют на социальные условия человеческой жизни, способствуют или нет

полноте развития человеческих способностей и удовлетворения человеческих потребностей, возможностей всестороннего развития личности, можно говорить о социальном прогрессе или социальной реакции и деградации в социальном аспекте качества человеческой жизни. Одним из эмпирических показателей здесь могут выступать социальное самочувствие и уровень удовлетворения разнообразных социальных потребностей людей в данных общественных условиях.

Каким же образом так называемая неолиберальная глобализация повлияла на характер социальных отношений и социальные аспекты качества жизни в мире? Отметим, что в отличие от концепций глобализации, которые пытаются натурализовать процесс создания открытого свободного глобального рынка и изобразить его безальтернативность и неотвратимость глобализации, на самом деле она является результатом смены социально-классовой стратегии, верхушкой транснационального монополистического капитала. Дело в том, что на рубеже 70-х годов капиталистическая система вступила в период нового структурного кризиса, который вынудил капиталистические элиты вступить в борьбу за выживание и спасение капиталистической системы. К этому времени был достигнут предел возможностей наступившего после Второй мировой войны периода экономической экспансии капиталистической системы, и капиталистическая экономика испытала кризис перенакопления капитала. В условиях кризиса серьезное давление на процесс накопления капитала в странах центра мировой капиталистической системы начало оказывать утверждение в них после Второй мировой войны кейнсианского социально-классового компромисса и «государства общего благосостояния», осуществлявшего частичное перераспределение общественного продукта в пользу низших социальных слоев. Кейнсианский компромисс был результатом вынужденного поворота атлантического капиталистического класса к реформистской социально-классовой стратегии удержания господства в условиях ослабления капитализма, расширения мировой социалистической системы, усиления

национально-освободительной борьбы на капиталистической периферии и рабочего движения в государствах центра. Перераспределительные механизмы «государства всеобщего благосостояния» стали фундаментом возникновения массового «среднего класса» в странах Запада, они позволили существенно уменьшить социальное неравенство, открыть доступ к общественным благам тем группам и прослойкам, которые раньше были лишены их.

Вместе с тем для концепций качества жизни были характерны преувеличения успехов США в решении социальных проблем, вообще характерных для пропаганды «американского образа жизни». Например, в книге Джона Кеннета Гелбрайта «Общество изобилия» (1958 г.) всерьез утверждалось, что в США разрешены основные проблемы обеспечения благосостояния практически всех социальных групп и слоев населения. Однако не прошло и нескольких лет, как тема бедности и социального неравенства вновь всплыла в общественном сознании США. Получившая большой общественный резонанс книга социолога М.Харрингтона «Другая Америка» заново открыла феномен бедности. По словам автора книги, примерно «20–25% американцев являются бедняками. У них скверные жилищные условия, плохое питание, они не получают необходимого медицинского обслуживания и т.д. С моей точки зрения, число их колеблется от 40 млн. до 50 млн.» [Харрингтон, 1963: с. 201]. В изданных в 1960–1970-х гг. многочисленных работах американских социологов, посвященных проблеме бедности и социального неравенства, аргументировано доказывалось, что «бедность — неискоренимый парадокс Америки».

Тем не менее, рост доступности социальных благ для ряда низших социальных групп благодаря установлению кейнсианского компромисса был вполне реальным. Более того, укрепление социально-экономических позиций рабочего класса, объединенного в политически влиятельные профсоюзы, на замирение которого было направлено государство всеобщего благосостояния, стимулировало его настаивать на дальнейших социальных уступках. Изменения в социальной структуре западных обществ привели к тому, что значи-

тельная часть населения стран Запада стала идентифицировать себя со «средним классом», для которого возрастала значимость так называемых «постматериальных ценностей», являвшихся составной частью понятия качества жизни. Все это нашло отображение в общественных движениях 1960–1970-х гг., выступавших за демократизацию общественной жизни и политико-экономической системы Запада. Последние способствовали распространению идеи, что настоящая и последовательная демократия возможна лишь при условии ограничения или отрицания капитализма. Все эти движения бросали вызов гегемонии буржуазной идеологии, господству капитала над обществом, как на национальном, так и на глобальном уровнях.

В новых исторических обстоятельствах верхушка капиталистических классов и правящие круги стран Запада вынуждены были искать контуры структурного ответа на вызовы капитализму со стороны антисистемных движений. Этот ответ был найден в виде неолиберального проекта, сущность которого состояла в демонтаже ограничений, наложенных на деятельность большого бизнеса структурами кейнсианского социально-классового компромисса, и создании таких новых общественных условий, которые открывали бы верхушке капиталистических классов, транснациональной олигархии, возможность превращать глобальное социально-экономическое пространство в объект неограниченной эксплуатации. В его формулировке, в том числе той его части, которая затрагивала изменение модели социально-классовых отношений, значительный вклад внесли ряд правых интеллектуалов неоконсервативного направления. Примером того, в каком направлении велись ими поиски путей преодоления общественно-политического кризиса капитализма, служат идеи известных американских социологов Д.Белла и С.Хантингтона.

Д.Белл в начале 70-х годов выдвинул тезис о том, что в условиях государства всеобщего благосостояния функционирование капиталистической экономической системы порождает довольно парадоксальное явление разъединения между социальной структурой, технико-экономическими поряд-

ком и культурой, в которой начинает доминировать отрицание буржуазных ценностей. Структуры социального компромисса создают условия, при которых для значительной части населения теряется детерминация культурного стиля и личности ее социальной и экономической позицией, и личность имеет возможности избегать материальных и социально-психологических ограничений собственного социально-экономического положения. Как фордистско-кейнсианская производственно-экономическая система увеличивает размеры «дискреционного дохода», то есть дохода, превышающего затраты на удовлетворение базовых потребностей, и позволяет избирать собственный потребительский стиль, так и расширение высшего образования и создание благоприятной социальной атмосферы увеличивают возможности «дискреционного социального поведения», при котором идиосинкратические аспекты жизни личности (личные качества, особенности телосложения, жизненный опыт) становятся более важными для формирования ее жизненного стиля, чем принадлежность к определенной социальной прослойке или классу. «В той степени, в какой традиционная социальная классовая структура разрушается, все больше индивидов идентифицирует себя не в соответствии с собственным профессиональным базисом (в марксистском смысле), а в соответствии со своими культурными вкусами и жизненными стилями» [Bell, 1976: p. 42]. Это создает, по мнению Белла, определенную опасность для существующего общественного порядка, поскольку высвобождение от классовых ограничений приводит к тому, что общество все больше обращается к модернистской культуре, центральным элементом которой является идея войны свободного творческого духа с ограничивающими его буржуазией и буржуазными ценностями. Эта «враждебная», как называет ее Белл, по отношению к капитализму культура открывает путь требованиям радикальных общественных изменений, которые в итоге могут привести к социализму. «Когда в 1960-х гг. возникли новые политические импульсы, радикализм нашел в ценностях враждебной культуры — атаке на общество посредством

таких тем, как массовое общество, аномия, отчуждение — нить Ариадны, которая позволила ему возродиться в новый радикальный период» [Bell, 1976: p. 45].

Хотя неоконсервативные идеологи видели проблему главным образом в кризисе буржуазной культуры, в то время как на самом деле это был только симптом кризиса моделей социально-классовых отношений. Для нас более важным является то, что из анализа Белла, представлявшего собой диагноз ситуации с точки зрения консервативного элитизма, появилась необходимость для сохранности системы отказаться от дальнейшей ее демократизации, осуществить демонтаж кейнсианского компромисса и его социальных аспектов, а также усилить социальный контроль над поведением членов общества посредством установления более непосредственного доминирования капиталистической логики в их повседневной жизни. Последнее предполагалось осуществить с помощью углубления коммодификации социальных взаимодействий, если воспользоваться терминологией К.Поланьи, или внедрением «микроэкономической рациональности в жизненном цикле каждого индивида» [Pijl, 2006: p. 625], то есть установление контроля над культурными и политическими вкусами и поведением индивидов посредством контроля над доступными экономическими ресурсами. Как образно охарактеризовал этот подход британский ученый К.Ван дер Пил: «Короче говоря, хочешь, обучаясь в университете, выйти на демонстрацию под красным флагом? Давай, но вначале позаботься о том, чтобы получить хороший образовательный заем» [Ibid.]. При таком подходе возможность свободной игры в «стиле жизни» резко ограничивается покупательной способностью каждого отдельного индивида.

Чуть позже аналогичную аргументам Белла совокупность идей развили авторы подготовленного в 1975 г. для недавно созданного планирующего органа транснациональной олигархии Трехсторонней комиссии доклад, носивший название «Кризис демократии». В нем, высказывая пессимизм относительно перспектив сохранения существующей в странах центра мирового капитализма системы политического

господства и «экономических условий», М.Крозье, С.Хантингтон и Дж.Ватануки выделили ряд угроз «западной демократии». Среди последних особое внимание они уделили тем угрозам, которые происходили изнутри социальной структуры западных обществ и были рождены самим процессом их социальной эволюции. По мнению авторов доклада, экономический рост 1960-х гг. и созданное им относительное благосостояние вызвали появление так называемого «синдрома ценностей», то есть перехода от старой системы материалистических трудовых ценностей к новой системе социальных ценностей, делавшей акцент на частной жизни, досуге, потребности в интеллектуальной и эстетической самореализации. Социально-структурным соответствием новой системы ценностей стало возникновение «страты ценностно-ориентированных интеллектуалов», выступавших проводниками «враждебной культуры», о которой упоминал Белл, и были критически настроены к существующему общественному порядку. Их доминирующим ощущением было «отвращение к коррупции, материализму, неэффективности демократии и подчинению демократического управления “монополистическому капитализму”» [Crozier, 1975: p. 8]. Эта социальная группа занималась дискредитацией системы руководства и власти, а также делегитимацией официальных институтов индустриально-развитых капиталистических стран. Как считали авторы доклада возникновение новой антибуржуазной системы ценностей создавало новую проблему для демократического правления с точки зрения его способности мобилизовать граждан, навязывать им дисциплину и требовать от них жертв для достижения социальных и политических целей властвующей элиты. Таким образом, само функционирование и развитие демократии, то есть частичная демократизация политических систем Запада, породило силы и тенденции, которые, если их не взять под контроль извне, в конечном итоге вполне могут привести к разрушению «демократии». Конечно, речь шла не о беспокойстве о демократии как таковой, так как в либеральном дискурсе демократии, возникшем после войны, она является лишь эвфемизмом, обозначающим систему господ-

ства капиталистической элиты посредством использования электоральных процедур, а про нежелательные, с точки зрения правящего класса, тенденции в общественно-политическом развитии западных стран, угрожавших его господствующему положению. Это четко видно из того, что под кризисом демократии понимались именно кризис управляемости западных обществ, кризис системы существующей системы социального контроля и политического управления. Как отмечали авторы доклада, «в последние годы функционировано демократии ... привели к разрушению традиционных средств социального контроля, делегитимации политической и другой форм власти, а также к перегрузке правительства требованиями, которые превышали его способность реагировать на них» [там же]. Общий вывод авторов доклада: «Именно ... распад социальной базы демократии, проявивший себя в подъеме оппозиционных интеллектуалов и появлении углубленной в сферу частной жизни молодежи, а также диспропорции, которые были следствием реального действия демократии, делают управляемость демократии жизненно важной и, на самом деле, настоящей проблемой трехсторонних обществ». Можно сделать вывод, что доклад четко определил угрозы существованию капитализму и положению господствующей элиты, происшедшие от расширения политического участия и социально-экономических прав низших слоев общества, которыми сопровождалось развитие государства общего благосостояния. В конечном итоге, эти «крайности демократии» начали создавать опасность для существующей системы правления. Поскольку источником угрозы считалась «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, которое характеризуется высокой степенью участия» в политической жизни, спасение демократии состояло в отстранении масс от участия в политике.

Западные эксперты фактически признали, что вследствие вынужденного применения реформистской стратегии в государствах центра капитализма возникла новая социальная ситуация и новое социальное качество жизни, которые фактически приходили в противоречие с интересами сохране-

ния капитализма как общественной системы. Отсюда логически следовал вывод о том, что дальнейшее существование капитализма является несовместимым с углублением демократии и требует сокращения последней. Последовательным шагом на этом пути стала атака на принцип равенства. Отождествление демократии с социальным равенством, а также выдвижение равенства как основной цели социальной, экономической и политической жизни С.Хантингтон считал одним из главных факторов неуправляемости западных обществ. Он критически относился даже к либеральной теории справедливости Дж.Роулза, рассматривающей справедливость в терминах равенства. Постановка цели достижения большего равенства или, по крайней мере, уменьшения неравенства способствовали возрастанию расходов на социальные программы, то есть расширению государства общего благосостояния. Вследствие этого, по словам доклада, ранее пассивные и неорганизованные группы населения стали вести борьбу за такие права, возможности, позиции в обществе, вознаграждения и привилегии, на которые раньше не могли претендовать, что усиливало социально-политическую неуправляемость западных обществ [*Ibid.*: p. 61]. Все это указывало на то, что социальные, культурные и духовные потребности населения западных обществ переросли возможности капиталистической цивилизации по их удовлетворению.

Итак, для того чтобы разрешить «кризис управляемости», надо было изменить социальное качество жизни, а для этого – снизить уровень социальных притязаний, уменьшить социальные, духовные, культурные потребности за счет создания искусственных социальных ограничений, и распространение бедности как социального феномена. То есть нужно было создать такое социальное качество жизни, которое бы характеризовалось постоянной нехваткой жизненных средств для удовлетворения разнообразных потребностей и порождало бы социально ограниченную, атомизированную и социально угнетенную личность, неспособную требовать изменения социальной, экономической и политической системы. В свою очередь для этого нужно было пре-

одолеть эгалитаристские тенденции, отвергнуть кейнсианский компромис, по крайней мере, частично демонтировать государство общего благосостояния и повести наступление на социальные достижения трудящихся, результатом которых было возникновение на Западе «среднего класса». Именно это и было сделано в ходе неолиберальной (контр) революции 1980-х гг., начатой М.Тетчер и Р.Рейганом, и неолиберальной глобализации 1990-х гг. Отказ от идеи достижения равенства и необходимости поддержания социально-классового компромисса стал краеугольным камнем новой неолиберальной стратегии удержания господства транснациональной олигархии. При этом важным средством социального контроля, использованным в рамках указанной стратегии, стала частичная в странах Запада, а также почти полная в других частях мира ликвидация «среднего класса», погружение в бедность значительной части населения стран Запада и большей части населения других регионов мира, создание управляемых социальных бедствий с целью связать их с повседневными проблемами, борьбой за выживание, деморализовать и лишить материальных и культурных средств сопротивления доминированию капиталистической логики и таким образом предотвратить социальный взрыв и борьбу за фундаментальное преобразование системы. Как охарактеризовал такое положение один из студенческих лидеров в США: «В 60-е годы было нетрудно быть идеалистичным и выступать за социальные перемены и все такое. Я думаю, что сегодняшние студенты до смерти напуганы своим будущим» [*Кара-Мурза, 2007: с. 372*].

Возможно, именно этим изменением социальных установок в условиях возрастания социальной незащищенности и неопределенности (социальной рискованности) положения и объясняется относительная социальная стабильность в охваченных неолиберальной глобализацией постсоциалистических странах, включая Украину, несмотря на резкое негативное изменение социального качества жизни. Население этих стран придавлено искусственным ухудшением социальных условий существования, что можно рассматривать как социальную технологию, примененную

правлящими классами ради усиления контроля над обществом. Как отмечает главный специалист Всемирного банка Б.Миланович, неолиберальная глобализация «породила правительства плутократов или элитистские правительства, которые не беспокоятся о собственном населении... Складывается нездоровая структура общества, при которой маленький процент населения живет жизнью, которая полностью отличается от образа жизни огромного большинства... Общество в некотором смысле, распалось на две части» [Видоевич, 2010: с. 12]. Эта оценка справедлива для большинства стран, которые пошли путем неолиберальных рыночных реформ, включая Украину.

Таким образом, переход от либерально-реформистской социально-классовой стратегии господства к неолиберальной, осуществленный в условиях структурного кризиса капиталистической системы, привел к существенным изменениям в социальном качестве жизни людей. И эти изменения, учитывая то, что процесс неолиберализации после развала Советского Союза в той или иной мере охватил почти все страны, имели всемирный масштаб. Вследствие неолиберальных рыночных реформ, осуществляемых под надзором МВФ и ВБ, социальные условия стали характеризоваться резкой социальной поляризацией, углублением социального неравенства и социальной несправедливости, сужением возможностей для нормальной жизнедеятельности и развития личности, дегуманизацией социальных отношений. Их следствием стало снижение социальных запросов населения в результате свыкания с бедностью и потери надежды на улучшение жизни. Иначе говоря, искусственное массовое обеднение населения подавило более высокий уровень потребностей в самореализации, социальную и политическую активность народа, принуждая его расходовать физические и душевные силы на жизнеобеспечение своих семей. Именно такое состояние социального качества жизни фиксируется в Украине на основе исследования самочувствия его граждан и оценки удовлетворения их потребностей.

1.3. Категория качества жизни: попытки определения в отечественной науке

Опыт использования в официальной статистике понятия «уровня жизни» показал, что оно, во-первых, обнаружило некоторую двойственность или, может быть, даже неопределенность своего смысла, поскольку в нем, с одной стороны, явно доминирует фактор материального благосостояния, а с другой — предпринимаются попытки многостороннего учета основных сторон жизнедеятельности человека, что нашло свое отражение в ином понятии — в понятии индекса человеческого развития, и, во-вторых, произвело на свет иное, более сложное как в смысловом, так и в количественном отношении, понятие *качества жизни*.

Сейчас это понятие по большому счету призвано отражать в системной форме тот образ жизни людей, который продиктован прежде всего макроуровнем их положения в обществе — господствующим общественным строем. Однако сам по себе общественный строй не гарантирует гражданам той или иной страны равноудаленного их положения. При одной и той же форме правления то, в чем выигрывает один член определенного общества, оказывается проигрышем для другого; одни граждане многосторонне осваивают мир, другие — односторонне; одни обладают возможностями и условиями полного удовлетворения своих потребностей, другие не обладают ими; одни признают общечеловеческие ценности, другие — узкокорпоративные и т.п. Следовательно, оценка человеческой жизни делает возможной *сравнимость* положения людей в различных государствах и странах, что позволяет категории качества жизни претендовать на метрический статус *отдельных сторон* их существования.

Сложность интерпретации качества жизни заключается в том, что, с одной стороны, в этой категории должна быть отражена степень развития макроуровня общественной жизни, прежде всего алгоритм этого макроуровня — социально-экономические (социально-политические) отношения дан-

ного общества, а с другой стороны, эта категория, претендующая на статистическую роль, неизбежно должна отражать многостороннее положение среднестатистического гражданина в этом обществе. Связь же макро- и микроуровня положения граждан, как показывает исторический опыт, крайне противоречива. И эта противоречивость заключается в следующем. *Во-первых*, само по себе общественное устройство не нивелирует положения в нем тех или иных граждан (особенно в условиях социального расслоения); не превращает их в некие «среднеарифметические» существа. В любом обществе, будь оно сословно-феодалным, капиталистическим или социалистическим, граждане отличаются друг от друга по качеству своей жизни и в то же время подчиняются предписанным им нормам и «правилам игры». *Во-вторых*, вхождение общества в категорию развитых еще не означает повышения качества жизни всех его граждан. Можно как угодно «гордиться общественным строем» как передовым, но по уровню, по качеству жизни рядовой гражданин часто проигрывает в своей обыденной жизни своему социальному собрату из прежнего, уходящего строя. И здесь необходимы тонкие и гибкие критерии распознавания качества жизни людей. Одно дело, когда человек идентифицирует себя с макроуровнем общества, с общественным строем в целом, когда развитие и утверждение этого строя становится непосредственным делом каждого и когда жизнь человека является широкомасштабной и всеохватывающей. В данном случае неудачи и пробелы в личной жизни, всяческого рода лишения компенсируются чувством принадлежности к общему процессу, верой в «светлое будущее». Одно дело, когда новый общественный строй в своем развитии отвечает ожиданиям личности и борьба за его совершенствование и восхождение к новым социальным достижениям приносит ощутимые плоды и удовлетворенность. И совсем другое дело, когда ожидания оказываются обманутыми, общественный строй развивается в совершенно ином, непредвиденном направлении и не обещает в перспективе ничего хорошего. В последнем случае человек постепенно перестает идентифицировать себя с существующим

щим обществом и переживает жизненную драму или прибегает к иным идентификациям. По нашему убеждению, качество жизни приобретает свою высшую оценку тогда, когда личные интересы совпадают с общественными, когда микроуровень жизни личности органически вписывается в восходяще развивающийся макроуровень общественной жизни. *В-третьих*, при подходе к трактовке понятия «качества жизни» крайне затруднителен вопрос о его степени, о выборе критерия его интегративной оценки. Улучшилось ли качество жизни людей в эпоху Интернета, компьютеров и мобильных телефонов, если заметно ухудшилась экологическая среда их обитания, в частности «внутренняя экология»? Улучшилось ли качество жизни людей в период расцвета товарного производства, когда заметно снизились художественные вкусы людей и вещизм заметно потеснил духовные их потребности? Вряд ли при таком «многовекторном» подходе можно достичь интегративной оценки качества жизни.

Ко всему сказанному выше следует добавить то, что до сих пор всячески обходили стороной как официальная государственная статистика, так и прибегающие к ней ученые. Речь идет о социально-монистическом подходе к трактовке качества жизни безотносительно к существованию классово-антагонистического деления общества, когда повышение качества жизни одних групп или классов людей неизбежно влекло и влечет за собой понижение этого качества в других группах и классах. Классовые представления людей о качестве жизни всегда различны, как и представления о счастье: для одних групп (классов, партий) повышение качества жизни сводится к улучшению комфортной, сытой и состоятельной жизни, к увеличению прибыли и богатства и всего того, что с ними связано (экология, безопасность и т.д.), для других — к успехам в борьбе за социальное равенство и справедливость, для третьих — к приоритетной роли в общественной жизни духовной культуры. Подобные различия в понимании качества жизни крайне усложняют рабочие функции этой признанной категории.

Казалось бы, введение в обиход статистического понятия «качества жизни» теряет всякий смысл или является преждев-

ременным. Но на самом деле оно, будучи адекватно примененным, может сыграть положительную роль как в общественной науке, так и в социальной практике. Прежде всего в экономически и технически развитых странах наблюдается повышение роли социальных и человеческих факторов, принципиально не сводимых к одному лишь материальному благополучию. При всем при том, что товарное производство, ориентация на прибыль частнособственников продолжают играть определяющую роль в современном мире, возрастает роль и значимость иных, нематериальных ценностей, которые властно заявляют о себе и требуют статистического учета (самоценность трудовой деятельности; связанные с риском и опасностями путешествия; туризм; общественные бесплатные работы и т.д.). Кроме этого, введение в обиход понятия «качества жизни» стимулирует научно-изыскательные, творческие поиски ответов на многие вопросы времени, решение которых выходит за рамки одной лишь статистической учетности этого качества. Неслучайно появление данного понятия в словаре статистики и науки посеяло разнотолки и вызвало сомнение и скепсис ученых. Так, еще в 1970-е гг. высказали свое скептическое мнение о «качестве жизни» такие видные представители науки, как О.Тоффлер, Р.Арон, П.Уголини, Д.Гейбор, Р.Мюллер, А.Тодоров и др. О.Тоффлер, к примеру, писал: «У нас нет никаких единиц измерения для «качества жизни»... У нас нет никаких систематических показателей, которые бы давали ответы на вопросы: стали ли люди более отчужденными друг от друга или, наоборот, они стали ближе; стало ли образование эффективней, наблюдаем ли мы расцвет искусства, музыки, литературы...». Ему вторит итальянский социолог П.Уголини: «Будет вполне справедливо считать, что термин этот (т.е. «качество жизни». — *Авт.*) достаточно неясен и является предметом самых разнообразных интерпретаций». А английский физик, лауреат Нобелевской премии Д.Гейбер без всяких обиняков высказался в адрес новоявленного понятия: «К сожалению, никто не знает, что это означает» [Тодоров, 1980; Маркович, 1998]. Этих и других высказываний достаточно для того, чтобы согласить-

ся с мнениями некоторых российских ученых: «В силу высокого уровня агрегированных исходных переменных качества жизни его содержательная интерпретация весьма затруднительна» [Тавокин, Табатадзе, 2006: с. 26]. На наш взгляд, наука в этом плане переживает ту ситуацию, когда в нее уже вошли новые эмпирии социальной жизни общества, но до сих пор еще не встретили надлежащей их теоретической интерпретации и обобщения. Наконец, — и это, пожалуй, самое главное — категория «качества жизни» призвана соединить в себе и придать системную логическую стройность микроуровневым и макроуровневым явлениям развивающегося человеческого общества. Это значит, что до тех пор пока не будут выяснены в строгом научном плане перспективы общественного развития, пока не будут вскрыты новые тенденции этого развития (к примеру, что будет преобладать в обозримом будущем в человеческом обществе — интеграция или дезинтеграция?), ученые будут ломать копыта по поводу выяснения сущности качества жизни и состоятельности использования этой категории.

И тем не менее, учитывая метрические сложности построения единого интегрального индекса «качества жизни», ученые (экономисты, социологи) сегодня с большой неохотой берутся за разработку данного понятия. По данным А.Алмакаевой только в 10,3% случаях в 2005 г. термин качества жизни употреблялся в трудах ученых-обществоведов и в 89,7% — в публицистическом контексте [Алмакаева, 2006: с. 20]. Преобладание эмпирического подхода к проблемам качества жизни, таким образом, налицо. Это и дает большинству социологов основания для определения категории «качества жизни» в микросубъектном плане. При таком подходе большинство из них пытаются дать мультиплицированное определение: либо выделяют ограниченное количество агрегированных групп признаков (прибегая при этом к различного рода оговоркам), либо пренебрегают их ограничением, нанизывая, как на шампур, «кусочки» социальной действительности до неимоверно огромного их количества. По наблюдениям Л.Беляевой, в первом случае к уровню жизни большинством ученых добавляются такие составляю-

щие, относящиеся к экологической среде обитания, социальному благополучию (в иной трактовке — социальной безопасности — *Авт.*), политическому климату, психологическому комфорту [*Беляева, 2009: с. 34*]. Во втором случае количество ингредиентов возрастает: ООН предлагает 12 показателей, в Японии пользуются 35 и более показателями, в иных случаях подобные эмпирические индикаторы становятся столь дробными, что их количество достигает 405.

Именно метрический характер «качества жизни» усложняет его унифицированное теоретическое определение и статистическую роль, при которой столь необходимо соблюдение принципа единства эмпирической данности с описывающей ее теорией. Только в этом случае теория будет состоятельной и правильной. Иными словами, давая теоретическое определение качеству жизни, мы никак не можем игнорировать ее эмпирические индикаторы, взятые в их структурном единстве, в системной связи. На индивидуальном уровне крайне сложно, фактически невозможно найти эту системную связь. Она способна обнаружиться лишь тогда, когда индивид вписывается в макросоциум, макроуровень общества на определенном социально-историческом этапе их развития. Вот почему дотошные и охлажденные умы ученых в определении сущности качества жизни пытаются обнаружить эту системную связь. Одни видят ее в соответствии жизни индивида существующим социокультурным ценностям, высшей степенью которых является признание самооценности творческого труда. Другие ставят во главу угла развитие человеческих потребностей, и, опять же, высшей степенью качества жизни считают отход от потребительски-приобретательской трактовки этого понятия. Именно такой отход от доминанты потребительства наблюдается в позиции Аурелио Печчеи в его широко известной книге «Человеческие качества», где он писал о том, что «многие источники человеческой неудовлетворенности не перестают существовать, если спрятаться за грудами товаров». Односторонне экономический (потребительски-вещистский) подход был преодолен, начиная с позиций представителей «Римского клуба» и кончая более поздними

концептуальными привнесениями Р.Арона, Д.Уэйджера, Д.Фостера. Революционизирующее значение в теоретической трактовке понятия качества жизни имели теория «X–Y» Д.Макк-Грегора, а также положения продолжателей его дела и учеников, в частности Уэйза, писавшего о том, что «насытив желудок, человек начинает мечтать об удовлетворении потребностей более высокого уровня» (и далее: «Он стремится более ярко выразить свою личность и удовлетворить свое “Я”, насытить которое намного труднее, чем желудок»). Потребностями более высокого уровня Д.Макк-Грегор, Уэйз и многие другие ученые считали и считают потребность в свободной и содержательной трудовой деятельности.

С учетом этих и других положений и высказываний нетрудно заметить, что в теоретической трактовке качества жизни наблюдается *восхождение человека и человечества к более высоким ступеням своего развития*, и что эта ступенчатость имеет исторический характер. В этой связи имеет смысл обратиться к иерархической схеме человеческих потребностей А.Маслоу, к его теории базисных потребностей, представленных им в виде ступенчато-восходящей «пятичленки»:

- первая ступень – *физиологические* потребности;
- вторая ступень – *экзистенциальные* потребности (потребности в жилье, одежде, нормальном ритме жизни, в безопасности, гарантированной защищенности и занятости);
- третья ступень – *социальные* потребности (потребности в социализации, в принадлежности к определенному социуму, в общении с другими людьми, в идентификации себя с определенной группой);
- четвертая ступень – *потребность в социальном престиже* (потребность в желанном статусе, в служебном продвижении, признании со стороны других);
- пятая ступень – *потребность в самовыражении и самореализации* [Маслоу, 1999: с. 366–372].

При всех недостатках и спорностях этих градаций (скажем, трудной различимостью между третьей и четвертой ступенями, между четвертой и пятой) в данной схеме не-

сомненно наблюдается *восходящий* характер человеческих потребностей, а стало быть и способностей. Подобного рода характер дает нам основания считать, что *качество жизни* — это степень возникновения и удовлетворения *восходящих потребностей адекватными им условиями жизни человека (группы или индивида)*. И высшей ступенью качества жизни современных людей, очевидно, следует считать их *переориентацию с потребительно-приобретательских установок и образа жизни на самоценность содержательного труда*.

Согласно теории А. Маслоу, высшие, т.е. социальные *престижные и духовные* потребности имеют характер закономерной последовательности: *только удовлетворение потребностей низшего порядка способно стимулировать появление потребностей высшего порядка*. Такая точка зрения, по нашему мнению, состоятельна только в отношении развития всего общества или больших общностей людей, но не отдельного человека, чья деятельность подвержена значительному стохастическому колебанию: ведь одна личность способна стремиться к удовлетворению высших потребностей, минуя фазу удовлетворения низших потребностей, в то время как другая личность замыкается на удовлетворении сугубо «земных» потребностей — потребностей низшего порядка, хотя для этого уже не существует никаких оснований. Так, скажем, творчески одаренный человек может пренебрегать комфортной жизнью, погоней за званиями и чинами, за высоким жизненным статусом, довольствуясь своей творческой работой, а какой-нибудь сибарит ограничивает круг своих потребностей комфортной жизнью и сохранением своего социального статуса. Именно подобное обстоятельство позволяет нам выявить пеструю и сложную картину качества жизни людей в различных обществах и регионах.

1.4. Оценочные возможности категории качества жизни

Вхождение в обиход новоявленной категории качества жизни и не прекращающаяся вокруг этого полемика так или иначе требуют от социолога выяснения оценочных

возможностей данного понятия. Ведь именно последнее позволяет сравнить положение человеческой личности в украинском обществе с положением личности в развитых странах мира, а также всесторонне рассмотреть положение наших граждан в самом социально и экономически дифференцированном украинском обществе.

**1.4.1. Предметный диапазон исходного понятия:
«вертикальная» и «горизонтальная»
плоскости анализа**

Давая определение категории «качества жизни», мы апеллировали прежде всего к ступенчато-восходящему характеру развития человека и социума, абстрагируясь от метрической стороны этой статистической категории. Но ведь суть и целевое ее назначение заключаются в способности (или возможности) измерения того предметного пространства, которое покрывается *качеством жизни*. В этом отношении необходим ряд уточнений.

Во-первых, теоретическое (философско-научное) и конкретно-социологическое, повседневное понимание качества жизни существенно отличаются друг от друга: если философия рассматривает качество как внутреннюю определенность вещи, тождественную ее бытию и не обладающую какими бы то ни было метрическими характеристиками, то в обыденном понимании, наоборот, качество предполагает его различные метрические градации («высокое качество», «среднее качество», «низкое качество»; «...хорошего качества», «...среднего качества», «...плохого качества» и т.д.). В этом последнем случае понятие качества означает степень достоинства (совершенства) определенного состояния или предмета, и именно этот его смысл положен в основу трактовки качества как метрического явления.

Во-вторых, метричность подобного рода всегда сопряжена с восходящим или нисходящим характером качества жизни, что обязательно предполагает «вертикальную» плоскость оцениваемого предметного пространства.

В-третьих, — что особенно важно подчеркнуть, — кроме ступенчатости, так сказать, «вертикальной» плоскости анализа, учитывающей восходящий характер человеческих потребностей, степень их возвышения, в качестве жизни присутствует еще и «горизонтальная» плоскость, охватывающая собой все составляющие компоненты образа жизни людей. Иными словами, наличие «горизонтальной» предметно разнокачественной плоскости в образе жизни не позволяет однозначно определить оценку качества жизни людей.

Тщетны попытки агрегировать все составляющие разностороннего образа жизни до некоего «интегрального показателя», тем более обнаружить интегрированные его признаки, о чем уже говорилось выше. И несмотря на это, поиски единого *универсального* индикатора продолжаются: одни таким единым эмпирическим показателем качества жизни считают наличие или отсутствие опасности, другие — наличие или отсутствие в доме компьютерной техники, третьи — состояние здоровья людей, четвертые — состояние природной среды, пятые — среднюю продолжительность жизни, шестые — ощущение радости, счастья и т.д. При скрупулезном анализе этих и других «универсальных» индикаторов выявляется их принципиальная несостоятельность. Взять хотя бы последний индикатор — ощущение радости, счастья, приподнятое настроение. Его субъективная независимость от разносторонних возбудителей не только условна, но и обманчива, а то и в корне неверна: ведь одно дело ощущение радости от выигранного поединка, от достижений творческого и плодотворного труда, и другое — болезненная эйфория, приподнятое настроение от бокала вина или от принятой дозы наркотика. И все это предлагают нам почитать за «удовлетворенность жизнью». Но в социальном отношении это далеко не так. Стратифицированный образ жизни различных групп (классов) людей не только формирует в них специфические представления о счастье и несчастье, но и соответствующие им психологические реакции на те или иные жизненные ситуации. Так, скажем, состоятельный человек брезгливо обходит понав-

шуюся ему на дороге брюкву, а у нищего и хронически голодного человека эта находка вызывает прилив радости. Не зря же некрасовские мужики, ищущие ответа на вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?», выслушав заверения встречной старухи о том, что она счастлива, ибо на своей грядке вырастила небывалый урожай репы, сказали ей насмешливо, чтобы она закусила «свое счастье» репой... Попытки выдать психологические реакции на реалии жизни за интегральный показатель ее качества лишены, таким образом, каких-либо серьезных оснований. В лучшем случае критерий удовлетворенности своей жизнью в целом может приблизиться к критерию качества жизни лишь в соотношении с теми социокультурно значимыми факторами, которые вызвали эту удовлетворенность.

Составляющие «горизонтального» пространства качества жизни, по мнению большинства социологов, могут быть представлены тремя группами: компонентами первой являются многосторонние *внешние* (объективные) факторы многогранной жизни людей, компонентами второй – *внутренние* избирательно (субъектные, субъективные) факторы, компонентами третьей – *взаимодействующие* внутренние и внешние факторы. Главными внешними по отношению к личности и социуму факторами их существования являются условия жизни: природное окружение, экономическая среда, городской или сельский ареал, социокультурное окружение и человеческая среда. Главными субъектными и субъективными составляющими жизни людей являются: состояние здоровья, продолжительность жизни, образованность (компетентность), культурность, инновационные и креативные способности, стиль поведения, ощущение удовлетворенности или неудовлетворенности своей жизнедеятельностью. Особо важным субъектным (субъективным) показателем качества жизни является эта последняя из названных составляющих.

По существу ни один из ученых, занимающихся разработкой проблемы качества жизни, не обратил внимания на тот крайне важный момент, что отношения индивидов к окружающей среде, к социуму, в котором протекает их жизнь,

могут быть диаметрально противоположными: одни относятся к ним положительно, другие — резко отрицательно. Дать однозначную оценку позиции этих индивидов невозможно, ибо их положительное или отрицательное отношение к действительности может быть и справедливым, и несправедливым. Так или иначе, но во всех случаях исследователь должен отказаться от филистерских представлений о «благополучной» жизни социума, помня о том, что в ней постоянно происходит борьба, конкуренция, существуют протесты, недовольство и социальное возмущение, наконец, социальная дифференциация, группировки, классы, и что весьма сомнительно все это списывать на «деструктивные» процессы или на «депривацию». Вполне резонно считать, что недовольство или борьба с несправедливым общественным строем, с недостатками в том или ином обществе в *определенных* условиях жизни могут быть приравнены к высокому ее качеству.

Компонентами третьей группы составляющих «горизонтального» пространства являются взаимодействия внешних и внутренних факторов человеческой жизни. Это — трудовая (прежде всего производственная) деятельность, социальная защищенность (безопасность), занятость или незанятость трудом или учебой и ряд других компонентов. Близка к такой интерпретации составляющих качества жизни в «горизонтальной» ее плоскости позиция наших российских коллег, издавших в 2009 г. «*Краткий словарь*» по качеству жизни, в котором они рассматривают три правомерных подхода к трактовке этой категории: 1) объективные составляющие качества жизни человека и общества; 2) субъективные составляющие — оценочные отношения человека к его жизненным условиям; 3) единство объективных и субъективных характеристик, охватывающих человеческую жизнь в целом [*Качество жизни. Краткий словарь, 2009: с. 9–10*].

Названные три группы представляют собой интегрированный слой иерархического строения качества жизни в «горизонтальной» его развертке. Он-то и состоит главным образом из уже названных и других фрагментов, которые в различном их составе, по мнению большинства ученых, и

представляют собой качество жизни. Однако за пределами этого слоя остается тот «вертикальный» слой, который существенно влияет на первый.

Самым сложным в операционализации понятия качества жизни является стыковка (взаимодействие и взаимозависимость) «вертикальной» и «горизонтальной» ее плоскостей. Эти плоскости *не механически* соединяются или дополняют друг друга. *Во-первых*, в социально-историческом процессе целый ряд составляющих качества жизни из «вертикальной» плоскости переходит в «горизонтальную». Дело в том, что потребности людей, от которых зависит отношение их к миру, различны: одно дело *физиологические* потребности (к примеру, потребность в питании) и совершенно другое дело — *социальные (социокультурные)* потребности (например, потребность в содержательном или творческом труде). Первые имеют характер изначального постоянства, вторые — возникают лишь на определенном этапе развития человечества и не являются безусловными. Но, возникнув и реализуясь на практике, новые потребности и их удовлетворение раздвигают границы человеческой всесторонности: восходящие потребности в «вертикальной» плоскости становятся нормативными, приобретают жизненный статус и превращаются в составляющие «горизонтальной» плоскости качества жизни. Так, некоторые составляющие «вертикальной» плоскости со временем способны превращаться в составляющие «горизонтальной» плоскости. *Во-вторых*, все без исключения составляющие «горизонтальной» плоскости в процессе восхождения человеческих потребностей на новые социально-исторические уровни развития человека и социума претерпевают определенные, порой существенные, модификации. Обычные и устойчивые компоненты качества жизни в «горизонтальном» их измерении, неизбежно и закономерно попадая в зависимость от «вертикального» измерения, ведут себя по-разному: одни из них (удовлетворение физиологических и экзистенциальных потребностей) по существу остаются неизменными, меняя лишь формы своего функционирования (скажем, питание всегда остается естественной потребностью,

но способы ее удовлетворения — как и сама потребность — меняются: голод перестает быть алчным и хищным; происходит целенаправленное избрание ассортимента продуктов питания; устанавливаются ограничения, диета; улучшаются свойства пищи; соблюдается режим питания и т.д., то есть происходит повышение качества, культуры питания); другие из них подвергаются существенным изменениям, модификациям, если функции социальной защиты до определенного периода времени выполнялись силовыми способами, затем самим нуждающимся в ней и его ближайшим окружением, то в настоящее время эту функцию выполняют правоохранительные органы, государственные финансовые учреждения путем установления пособий по безработице, повышения размера пенсий, оказания разовой помощи потерпевшим, кредитования, установления субвенций и т.д. или возникают впервые (к примеру, массовая ориентация на самовыражение, приоритетную роль в жизненной программе личности содержательного, творческого труда).

В-третьих, стыковка «вертикальной» и «горизонтальной» плоскостей качества жизни в процессе их эволюции не производит однозначного положительного эффекта, т.е. далеко не всегда восхождение на новую ступень развития человеческих потребностей, как макросоциума в целом, благотворно влияет на те или иные стороны жизни человека. Это наглядно можно видеть в росте наркомании, алкоголизма, преступности на фоне «восходящего» развития человеческого общества. Повышение «культуры питания» также сопряжено с определенными издержками, корень которых находится в закономерном функционировании товарно-рыночных отношений. Становится проблемой качество пищи, всякого рода добавки к ней или использование ГМО с целью продления на определенные сроки пригодности чрезмерно производимого продовольственного «товара». Для так называемых «развитых» стран мира давно уже стали проблемой различного рода болезни, вызываемые чрезмерным и односторонним питанием. В одной только Шотландии, входящей в состав Великой Британии, за последние 3–4 года число даунов среди населения возросло

на 12%. Прогресс в одном отношении связан с регрессом в другом отношении.

Можно констатировать, что все основные компоненты, стороны жизни личности или социума испытывают на себе воздействие макроуровня общественного строя, заданных ему «правил игры» и что степень (уровень) качества жизни людей зависит как от культивирующего их потребности общественного строя, так и от степени модификации этим строем различных устойчивых сторон жизни людей.

1.4.2. Индексы качества жизни в практике международных сравнений

В практике анализа социально-экономических процессов и явлений индексы качества жизни появились в середине 70-х гг. При этом их разработка и использование представляют собой не просто направление научных и научно-прикладных исследований, но и целое научное и общественное движение, а сами они лежат в основе долгосрочных проектов и программ международных организаций. В 1974 г. было основано Международное общество для исследований качества жизни (International Society for Quality-of-Life Studies (ISQOLS)), которое выпускает журнал «Прикладные исследования в области качества жизни» (Applied Research in Quality of Life (ARQOL)) и на сайте которого помещены также материалы журнала «Исследования социальных индикаторов» (Social Indicators Research). Оба этих издания содержат статьи как по отдельным показателям качества жизни, так и по проблемам разработки и применения индексов качества жизни. Особенно широкое распространение индексы качества жизни получили после 1990 г., когда Программа Развития ООН выпустила первый «Доклад о развитии человека», юбилейный выпуск которого вышел в 2010 г.

Предусловием появления индексов качества жизни и их использования в практике международного сравнения стало широкое развитие международного сотрудничества во второй половине XX в. как в рамках отдельных стран (блоков стран), так и в мире в целом. Создание после окончания

Второй мировой войны ООН, призванной предотвратить повторение войн в будущем, заставило по-новому посмотреть на ценность человеческой жизни и вплотную подойти к вопросам выработки общемировых социальных стандартов. Следовательно, были необходимы показатели, которые отражали бы уровень экономического и социального развития разных стран и обеспечивали бы их сравнение по этому уровню. ООН и ее специализированные органы и комитеты могли предоставить возможность сбора статистических данных, которые также требовали своих критериев классификации и упорядочивания. Однако до предложения индекса человеческого развития (ИЧР) должно было пройти немало времени, за которое ООН разработала рекомендации по составным компонентам уровня жизни населения и приоритетам развития.

Начало 70-х гг., когда были практически преодолены разрушительные последствия войны, стало временем обращения к социальным вопросам развития человечества. Массовое производство могло обеспечивать удовлетворение первоочередных потребностей все большей численности людей, правда, происходило это наиболее быстрыми темпами в СССР и развитых странах Запада, и сравнительно медленнее в развивающихся странах. Это развитие требовало оценки и предложения социальных стандартов, которые носили бы всеобщий характер и предполагали смещение акцентов в социально-экономическом развитии стран с обеспечения экономического накопления на его социальную эффективность. Еще одним, но негативным фактором перехода к более социально ориентированным моделям развития была деградация природы вследствие стремительной экспансии хозяйственной деятельности человека. Здоровье, всестороннее человеческое развитие и рациональное щадящее природопользование должны были стать приоритетами развития, а для его планирования и построения моделей потребовались совершенно иные, чем прежние (преимущественно стоимостные) показатели, среди которых интегральным индексам качества жизни отводилось бы особое место. Бурное развитие современных методов моделирования и вычисли-

тельной техники, начавшееся примерно в это же время, сделало технически возможным сбор и обработку большого объема данных в национальном масштабе и сведение их в показатели международной статистики. Попытка «Римского клуба» смоделировать критерии развития общества с учетом экологической ситуации может служить ярким тому примером.

Очевидный провал 80-е годы политики сокращения прав трудящихся и снижения благосостояния населения в странах Запада, связанные с проводимой там политикой экономического неоконсерватизма, сделал актуальной корректировку экономических показателей по их социальному эффекту. Усиление в это же время степени взаимозависимости и взаимовлияния стран мира, замедление темпов экономического роста в социалистических странах и СССР заставило экспертов искать показатели международной статистики, которые одновременно учитывали бы экономические и социальные аспекты развития, обеспечивали международное сравнение и позволяли выявлять тенденции развития мира и отдельных стран. Таким показателем, как было нами уже отмечено, и стал Индекс человеческого развития (ИЧР).

Гипотезой, которую должен был проверить этот индекс, было допущение о том, что при одних и тех же экономических возможностях, выраженных как ВВП на душу населения, достижимы разные социальные результаты. Также благополучие общества зависит не только от темпов экономического роста, который является необходимым, но не достаточным условием прогресса, но и от того, насколько социально эффективно используются экономические результаты. С этой целью был разработан ИЧР, измерявшийся как среднее арифметическое трех компонентов – ВВП на душу населения, показателей здоровья и образования населения.

Преимуществами индексов качества жизни сторонники их широкого использования считают то, что эти индексы учитывают не только стоимостные, но и гуманитарные показатели уровня и качества жизни, расширяют возможность международного сравнения и упрощают его, помогают выявить и наглядно представить основные тенденции социального развития.

Но эти индексы часто и справедливо подвергаются критике за недостатки в методиках их расчета. Главные из них сводятся к ошибкам в измерении и сопоставлении показателей, на которых они строятся, и выбору «весов», с которыми учитывается тот или иной показатель в общем индексе. Также недостатком ИЧР считают то, что, будучи синтетическим показателем, он «скрывает» особенности отдельных стран, и часто уровень и качество жизни в странах, следующих друг за другом в рейтинге ИЧР, но имеющих различный уровень развития социальной и экономической систем, при более близком рассмотрении оказываются качественно различными или же не сопоставимыми, что особенно характерно для группы со средним уровнем ИЧР.

В защиту ИЧР скажем, что наиболее часто используемые индексы качества жизни, в том числе и ИЧР, предлагаемые серьезными международными организациями, являются синтетическими и относительными показателями, но при этом они всегда оформляются и представляются в виде докладов и сопровождаются таблицами, в которых приводятся абсолютные значения показателей, на которых строятся индексы. Кроме того, к замечанию о том, что индексы качества жизни не учитывают многих ее сторон, в том числе и социальных, отметим, что ежегодные «Доклады о человеческом развитии» имеют тематический характер, в них, кроме основных показателей, по которым рассчитываются компоненты ИЧР, рассматривается ряд дополнительных показателей и различные аспекты развития. Например, «Доклад о развитии человека» в 2004 г. был посвящен культурной свободе в современном многообразном мире, в 2007/2008 гг. — изменениям климата на нашей планете, в 2010 г. — реальному богатству стран. Также сторонники широкого использования индексов качества жизни подчеркивают, что они не претендуют на учет и обобщение всех проявлений человеческой жизни, а только тех, которые подлежат управлению.

Относительно того, что индексы качества жизни открывают большие возможности для манипуляций, возразим, что они будут очевидны для вдумчивого исследователя и пользоваться этими индексами нужно грамотно, как и лю-

быми данными. Серьезный исследователь всегда использует ряд индексов, отдельно рассматривает входящие в них абсолютные показатели и данные из альтернативных источников, что дает ему всестороннюю информацию для анализа.

Программа Развития ООН открыта для анализа уровня и качества жизни на национальном уровне. Представительства ООН в разных странах в сотрудничестве с ведущими профильными институтами, общественными организациями и правительственными органами издают «Доклады о человеческом развитии» для отдельных стран, в которых рассматривают их особенности, более детально представляют показатели социально-экономического развития.

Многолетнее изучение динамики социально-экономического развития мира с использованием ИЧР и других индексов качества жизни дает основания говорить о том, что наивысшие показатели здравоохранения и образования достигнуты в странах, в которых также зафиксированы и наивысшие уровни среднедушевого ВВП – экономически развитых странах Запада. Следовательно, уровень экономического развития остается определяющим качеством жизни населения, и, что не так очевидно, положение и вес страны на глобальной арене определяют уровень ее социально-экономического развития. Более того, сегодня не существует единых экономических и социальных стандартов для всего мира. Средние показатели лидеров рейтинговых таблиц по качеству жизни не сопоставимы с аналогичными показателями их аутсайдеров. Эти страны живут в разном историческом времени. Очевидно, что есть основания говорить об отсутствии выравнивающих тенденций в современном мире и отсутствии эффективных механизмов глобального справедливого перераспределения богатства в пользу бедных стран. Существует не только неравенство между странами, но также и углубляющееся неравенство внутри стран, в том числе и экономически развитых стран Запада. Именно поэтому в «Докладе о развитии человека» за 2010 г. была сделана попытка отдельно рассчитать ИЧР для стран с учетом этого неравенства.

Ведущие места в рейтинге стран по ИЧР традиционно занимают экономически развитые страны Запада. В 2010 г.

пятерку лидеров составили Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США и Ирландия. И наоборот, нижние строки таблицы занимают страны развивающегося мира – Мозамбик (165-е место), Бурунди (166-е место), Нигер (167-е место), Демократическая Республика Конго (168-е место) и Зимбабве (169-е место). Согласно данным ООН, по ИЧР Украина в 1994 г. занимала 45-е место в мире [*Human Development Report, 1994*], в 2010 г. – 69-е место [*Human Development Report, 2010*], находясь среди стран с высоким уровнем человеческого развития, но по значению входящих в него показателей отставая от лидеров рейтинговых таблиц.

Еще одним примером индекса качества жизни, отличным от ИЧР, но построенным на данных международной статистики, может служить Индекс качества жизни, предложенный международной организацией «Nation Ranking». Он состоит из шести отдельных индексов: здоровья (с весом 20%), образования (20%), благосостояния (20%), демократии (15%), мира (15%) и состояния окружающей среды (10%). Также как и ИЧР, рассматриваемый здесь Индекс качества жизни представлен и как рейтинговая таблица, и как набор входящих в него индексов.

По данным международной организации «Nation Ranking», Украина в 2011 г. по предложенному ей индексу качества жизни находилась на 49-м месте в мире среди 137 стран. Пятерка лидеров – Исландия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Люксембург. Последние места заняли Судан, Центральная Африка, Чад, Афганистан, Сомали [*Quality of Life Index, 2011*].

В заключение отметим, что разработка и применение индексов качества жизни должны рассматриваться как направления деятельности международных организаций, занимающихся программами развития и управления социальными процессами в современном мире. Возможности международного сравнения и помещения отдельных стран в координаты глобального измерения – это только одно из направлений их использования, носящее скорее конъюнктурный характер. Важнее то, что на основе индексов качества жизни должны быть разработаны минимальные социальные стандарты, а также стандарты достойной человека жизни, единые

для всего мира. Они не должны носить лишь рекомендательный или ориентировочный характер. Их достижение должно стать основным направлением деятельности ООН и других международных организаций.

1.4.3. Проблема определения «интегрального индекса» качества жизни

Отдавая дань методологическим подходам зарубежных статистиков и социологов к определению категории «качества жизни», их практическим разработкам, обратимся теперь к нашему толкованию данной категории.

Если материальное положение людей, уровень их экономической жизни в силу своей фактической одномерности допускает квантификацию, интегральные их показатели, то качество жизни как совокупность различных, принципиально несводимых друг к другу сторон человеческой жизни делает проблематичной его измеряемость. Эта проблематичность дает о себе знать в различных отношениях. Во-первых, измеряемые сами по себе составляющие качества жизни, как внутренние, так и внешние, не способны находиться в единой плоскости из-за принципиального отсутствия таковой. Как, например, состыковать друг с другом экологический фактор, природное окружение с социокультурным статусом людей? Такое сочетание может стать возможным только при конвенциональной оценке этих двух составляющих (скажем, вес или значимость природного окружения оценивается в 2 балла, а социокультурный фактор – в 4 балла). Но конвенциональная значимость при этом довольно условна, если не несостоятельна. Во-вторых, при попытке интегрирования составляющих качества жизни мы так или иначе сталкиваемся с двойственной природой человеческого индивида: с одной стороны, он обладает признаками микросоциума, с другой – макросоциума. И поскольку последний заметно влияет на первый, непозволительно судить о качестве жизни индивидов лишь на основе сходства или кажущегося тождества различных сторон их жизнедеятельности без учета влияния на них различных макросоциумов. Признание единого на все случаи жизни «интегрального индекса» качества жизни возможно лишь при

условии тождества или принципиального сходства всех существующих макросоциумов — государств, стран, общественных строев. Но до подобной ситуации человечество еще не доросло. Поэтому странно звучит следующее утверждение наших российских коллег, написавших «*Краткий словарь*» по качеству жизни. В мировой цивилизации, утверждают они, «начался новый этап развития — продвижение человечества к “эпохе качества”. Смысл нового этапа заключается в том, что качество во всех его аспектах — экономическом, социальном, политическом, технологическом — рассматривается как необходимое условие обеспечения устойчивого развития цивилизации, улучшения среды обитания, совершенствование самого человека. Управление экономикой по критерию качества становится ключевым моментом современного менеджмента. Количественное увеличение отдельных показателей уровня жизни сегодня не решает проблемы. Нужны критерии, которые позволили бы принимать во внимание весь спектр потребностей, интересов и ценностных ориентаций граждан. Именно таким критерием выступает качество жизни» [*Качество жизни. Краткий словарь, 2009: с. 17*]. Если следовать логике написанного, то ставшее статистической категорией качество жизни должно бежать впереди паровоза (то есть объективных законов развития человечества) и указывать направление его гармонического движения. Но так в истории не бывает. Глубоко понятны скептические высказывания в адрес консолидирующих возможностей «качества жизни» именитых западных ученых О.Тоффлера, Д.Гейбера, Р.Арона, которые не отрицают перспективной значимости этой категории и вместе с тем ставят под сомнение ее нынешние измерительные способности*.

* Очевидно, понимая это, российские социологи признают, что «без принятия радикальных мер по улучшению качества жизни всех социальных групп невозможна консолидация населения <...> в единое гражданское общество» (там же, с. 7). Вместе с тем признание этого состояния говорит по существу о невозможности в нынешнее время создать «единое гражданское общество».

Анализируя эти способности, необходимо обратить внимание на практику проведения измерения различных сторон жизни стран и народов, осуществляемой соответствующими институтами ООН. Появившийся впервые в США в 1958 г. термин «качество жизни» вначале носил вспомогательный характер, выступая логической основой трактовки более значимого по тем временам термина «постиндустриальное общество», употребленного Д.Гэлбрейтом в его книге «Общество изобилия». Характерно, что американские ученые не торопились тогда запустить этот термин в статистический обиход. В официальной статистике появился иной термин — «индекс человеческого развития». Наверняка это было связано с предусмотрительностью ученых и неразработанностью самого исходного понятия «качество жизни». Осторожные высказывания в адрес измерительных возможностей данного понятия прозвучали тогда из уст не только американских, но и других ученых. Шведский аналитик Юхансон, к примеру, считал, что следует решительно отказаться от измерения качества жизни путем конструирования какого-либо обобщенного показателя [*Прибыткова, 2003: с. 364*]. И только некоторые российские экономисты и социологи позволили себе поиски «интегральных показателей» этого новоявленного феномена.

Характерным для таких поисков является обилие предлагаемых способов измерения с помощью математических формул. Методика расчета интегрального показателя качества жизни, по мнению некоторых отечественных экономистов, допускает последовательное решение таких поэтапных задач:

- формирование системы показателей (индикаторов);
- определение весовых коэффициентов как оценка «важности», «значимости» отдельных компонентов (или более детально — коэффициентных показателей) в структуре интегрального показателя;
- выбор методики нормирования индикаторов;
- выбор методики расчетов непосредственно интегрального показателя качества жизни [*Людський потенціал, 2008: с. 127*].

Внимательное прочтение этих поэтапных задач заставляет задуматься над тем, каким образом определяются весовые коэффициенты по степени «важности» (или «значимости») и иных далеко отстоящих друг от друга и, можно сказать, несопоставимых друг с другом «отдельных компонентов в структуре интегрального показателя». Ссылки на всемогущество математического аппарата — на факторный анализ, метод анализа иерархий, расчеты экспертных оценок, корреляционный или регрессивный анализы и т.д. — совершенно не проясняют картины, ибо весовые значения каждого из признаков, присутствующие во всех расчетных процедурах, требуют сопоставимой однородности, которая принципиально невозможна при «измерении» качества жизни как такового. Это все равно, если бы у вас спросили: «Что вам больше нравится — шоколад или музыка Штрауса?». В одной ситуации вы бы предпочли первое, в другой — второе. Но практически невозможным оказалось бы присуждение той или иной величины значения этим двум разнородным компонентам. Поэтому формулы Т.Саати и К.Керне, употребляемые в аналитическом планировании, будучи безукоризненными в отвлеченных математических расчетах, но основанные на относительной зависимости (баллах), присуждаемых различным признакам*, фактически дают искаженную количественную картину качества жизни. Кстати, сами статистики, Т.Саати и К.Керне, не занимались измерением качества жизни. Предмет их занятий (планирование) был более однороден, то есть даваемые ими оценки были более состоятельны, поэтому копирование подхода названных авторов вряд ли состоятельно в отношении такой категории, как «качество жизни».

* Шкала парных сравнений Т.Саати связана с присуждением нечетных баллов различным признакам (элементам): 1 — равная важность; 3 — один элемент несколько важнее (?) другого; 5 — существенное и сильное преимущество; 7 — значительное преимущество; 9 — абсолютное преимущество. Четные баллы (2, 4, 6, 8) присуждаются промежуточным оценкам. Субъективизм исследования здесь налицо.

Если некоторые отечественные экономисты и социологи предпринимают попытки перенесения математических формул иностранных авторов в сферу несравнимых, разнокачественных отношений, то большинство российских ученых заняты преимущественно самостоятельными поисками интегральных показателей качества жизни, движения к нему или его динамикой. Авторы словаря считают, что в зависимости от вида и сложности оцениваемых показателей «качества жизни» применяются следующие методы его оценки:

- дифференциальная;
- комплексная;
- целостная (экспресс-метод).

Дифференциальная оценка «качества жизни» представляет собой метод его сценки, заключающийся в использовании только *единичных* показателей, рассчитанных по формуле:

$K_i = f(P_i; P_i^\delta \dots)$, где P_i – значение *i*-го *единичного* показателя «качества жизни»; P_i^0 – базовые значения *i* – единичного показателя.

Комплексный метод оценки «качества жизни» – это метод с использованием оценки обобщенного (комплексного) показателя «качества жизни». Определение значения оценки данного показателя «чаще всего», как пишут авторы, осуществляется с использованием среднеарифметической зависимости как суммы произведений оценок каждого единичного показателя на величину коэффициента весомости соответствующего показателя. *Комплексный* метод применяется также и для оценки интегрального показателя «качества жизни» [*Качество жизни, 2009: с. 92–93*]. Упомянув на математическое мифотворчество, авторы этих формул отодвигают в тень «коэффициент весомости», заведомо зная, что он носит условный характер и что от субъективных оценок значимости разнокачественных, принципиально не квантифицируемых признаков им не уйти. В аналогичную ситуацию попадают и те исследователи, которые, исходя из возрастания социальной (социокультурной) значимости последовательно расположенных в классификационной таблице человеческих потребностей А. Маслоу, пытаются подвести ее под единую квантитативную плоскость анализа.

Стремясь к более солидному и обстоятельному обоснованию возможности «интегральных показателей качества жизни», некоторые авторы классифицируют его по таким основаниям: по различным видам регистрации и измерения; по месту нахождения в иерархически построенной номенклатуре показателей; по виду свойства, которые характеризует показатель; по виду специального назначения показателя. В подобном перечне, можно сказать, «смешались в кучу кони, люди...», то есть показатели отдельных измеряемых составляющих «качества жизни» соседствуют с некими мифическими интеграционными признаками (например, «по месту нахождения в иерархически построенной номенклатуре показателей...», к которым авторы относят «единичные», «комплексные», «целостные» и «обобщенные» показатели). Характерно, что как только речь заходит о целостном или обобщенном показателях, сразу же появляются сомнительные (субъективные) «оценки экспертов», допускающих сравнимость (по социальной значимости) качественно несравнимых данных. Отсюда и путанные определения как «индекса качества жизни», так и самого исходного понятия «качества жизни», нацеленного на его измеряемость.

Российские коллеги пишут: «Индекс качества жизни — это комплексный показатель качества жизни населения, характеризующий количественные изменения (сводную динамику роста или снижения) совокупности значений показателя качества, определенные в разные периоды времени или в разных ситуациях... Универсальность индекса значимости в том, что он характеризует и статистическое состояние общества, и его динамику, поскольку не является просто суммой измерений различных аспектов жизни, а *представляет собой своего рода интегральную оценочную величину, строящуюся на последовательном измерении изменений основных объективных характеристик развития общества, выраженных в процентах*» [Качество жизни, 2009: с. 47] (*Курсив наш — Авт*). В этом определении социологи умалчивают о весовых соотношениях различных составляющих качества жизни, уповая на абстрактную однородность «последова-

тельного измерения изменений основных *объективных* (Авт.) характеристик развития общества, выраженных в процентах». И через несколько страниц авторы словаря (возможно, уже другие) утверждают: «Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью, а также в объективных характеристиках, свойственных человеческой жизни, как биологическому, психическому (духовному) и социальному явлению» [*Ibid.*: с. 49]. Уж что-что, а «удовлетворенность» — вполне «удобное», т.е. «измеряемое» явление! В приведенных определениях теряется грань между объективными и субъективными сторонами человеческой жизни, и, если уж авторы апеллируют к биологической составляющей «качества жизни», то им не преминуло бы знать, что жизнь представляет собой в этом смысле *взаимодействие организма со средой*, объективной по своей природе.

Намного убедительней и привлекательней по сравнению с позицией авторов *словаря* выглядит подход к измерительным возможностям «качества жизни» ученого-статистика из ВНИИТЭ М.Ф.Федорова. Его методология конструирования индекса состоит из таких основных этапов:

- общее количество индикаторов разбивается на несколько групп, каждая из которых представляет отдельную сферу социальных интересов (не менее двух индикаторов в группе);
- процентные изменения вычисляются по каждому индексу в каждой из групп (в определенном фиксированном отрезке времени);
- все изменения индикаторов оцениваются как предпочтительные и как неpreferable в позитивную сторону (от 0 до +50%) и в отрицательную сторону (от 0 до -50%);
- шкала общего индекса представляет собой агрегирование всех изменений за определенный период времени — это общая оценка, деленная на количество индикаторов;
- по каждому индикатору рассматривается индекс — по шкале: +50%...-50%.

Найденный таким образом индекс рассматривается как весовой коэффициент изменения по каждому индикатору. Шкала общего индекса составляется из процентного значе-

ния индекса, умноженного на весовой коэффициент [*Качество жизни, 2009: с. 47–48*].

Поэтапное конструирование общего индекса здесь основано, во-первых, на соотношении его с каждым индикатором, входящим в определенную группу, представляющую отдельную сферу социальных интересов, во-вторых, на противоположных по значимости изменениях (как предпочтительных, так и неpreferchitelnykh) и, наконец, в-третьих, — самое главное — на конвенциональном характере оценки, когда шкала общего индекса составляется из процентного значения индекса, умноженного на весовой коэффициент. Преимущество данного способа оценки, как об этом справедливо говорят авторы Словаря, состоит в том, что он дает возможность количественно охарактеризовать влияние *каждой* сферы жизнедеятельности на общий уровень жизни (качества жизни), выделить самую неблагополучную или, наоборот, самую благополучную сферу определенной жизнедеятельности.

Если создатели российского Словаря по качеству жизни пытаются найти «интегральный показатель» этого явления в математическом мифотворчестве и не всегда считают его возможным, то некоторые социологи идут по линии наименьшего сопротивления, полагаясь на одномерность человеческих субъективных оценок. Так, социолог Л.А.Беляева полагает, что во всех случаях жизни при анкетных опросах мы имеем дело с чисто субъективными показателями, а отсюда следует вывод об одномерном характере получаемой информации. Сведя «субъективные» показатели качества жизни к четырем компонентам — к уровню материального благосостояния, качеству социальной среды, качеству природной среды и, наконец, к социальному самочувствию населения, — она путем сведения этих компонентов к 15 частным индикаторам (размер заработка, удовлетворенность жильем, доступность образования и т.д.) затем свободно определяет интегральный индекс как *среднее арифметическое* общих индексов по частным индикаторам. Происходит подмена общепризнанной субъективности (оценки) социологическим ответом как таковым (то есть ответ на

такой обычный для анкет вопрос, как «Ваш пол?», согласно логике рассуждения социолога, следует отнести к «субъективной» оценке). Конечно же, при таких несостоятельных посылках все дальнейшие математические процедуры выглядят вполне безукоризненно: формула расчета частных индексов равна $(X - Y) + 100$, где X — доля положительных ответов (оценок), Y — доля отрицательных ответов (оценок), а интегральный индекс равен сумме частных индексов (1 част. + 2 част. + N част.), деленных на N . Л.А.Беляеву при этом не смущает то обстоятельство, что исходную категорию, то есть «качество жизни», она определяет посредством набора объективных его составляющих: «*Качество жизни* представляет собой более широкий (в отличие от уровня жизни — *Авт.*) комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также такие составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту» [Беляева, 2009: с. 34].

Необходимо обратить внимание на еще один методологический подход к трактовке «качества жизни», якобы позволяющий агрегировать частные составляющие этого феномена в единый интегральный индекс. В автореферате кандидатской диссертации наша соотечественница Е.Н.Плахова (г. Харьков), взяв на вооружение мировидение западных постиндустриалистов, смело утверждает: «Если в традиционных обществах основным капиталом была земля, в индустриальном — природные ресурсы, а со временем — технологии, то в постиндустриальном все большее значение приобретает социальный, человеческий капитал, качество жизни». Таким образом, согласно ее логике, в эпицентр социально-исторической значимости попадает индивид, человеческая личность, но ни в коем случае не макросоциум, вследствие чего на первый план всех агрегируемых сторон тут же выходит легко поддающийся квантификации «субъективный фактор». Осознавая, однако, роль и значимость макросоциума в жизни человеческой личности, Е.Н.Плахова нашла удобный прием «примирения» личности и общества — ввела в обиход новое понятие «социальное качество

жизни», оставив при этом первенство за индивидами как средоточием субъективных начал.

Более осторожный подход к трактовке названной категории и возможности ее интегральной оценки проявляют А.Петрова, Д.Канушенко, Т.Рукоосуева. В своей статье, опубликованной в № 4 «Философских наук» за 2006 г., «Логические основы формирования индикаторов качества жизни» они пишут: «Существующие в настоящее время подходы к оценке уровня жизни населения (и, очевидно, качества жизни – *Авт.*), применяемые различными международными организациями для проведения сравнительного анализа стран, не позволяет их использовать для проведения сравнительного анализа в полной мере для региональных исследований по причине различий в методике расчета исходных параметров, функционирования экономических систем» [Петрова, Канушенко, Рукоосуева, 2006: с. 125]. Подобную точку зрения высказывает А.Алмакаева, говоря о том, что «теоретическая проработка категории “качество жизни” до сих пор остается на довольно низком уровне», что не позволяет ученым говорить об интегральном ее измерении [Алмакаева, 2006: с. 20]. «На наш взгляд, – пишет она, – необходимо проблематизировать категорию “качество жизни” именно как научного концепта, т.е. дать четкую дефиницию данному понятию и создать инструментарий его оценки. В противном случае все рассуждения об улучшении качества жизни людей не выйдут за рамки популярных идеологических клише» [*Ibid.*: с. 21].

Еще более критическую позицию в этом плане занимают Е.Тавокин и И.Табатадзе. Затрагивая вопрос о правомерности интегрального индекса «качества жизни», они справедливо, на наш взгляд, утверждают: «Характер трудностей легко себе представить, если вспомнить, что приходится соединять такие переменные, как средняя годовая температура данного региона, уровень смертности за определенный период и, к примеру, усредненный уровень ощущения счастья. Это очень напоминает известную проблему упряжки, состоящую из коня и трепетной лани... Таким образом, имеется ряд серьезных аргументов в пользу того, что сама

идея агрегирования множества переменных, характеризующих существенно различные стороны социальных процессов, в один интегральный показатель — это проявление глубоко укорененного в ней технологического подхода к миру» [Тавокин, Табатадзе, 2008: с. 26].

Что касается измерительных, статистических возможностей качества жизни, то на основании практического опыта оценки различных аспектов жизнедеятельности людей можно сделать следующие выводы:

1. Интегральное исчисление «качества жизни» возможно лишь тогда, когда в его основу закладываются *субъективные* оценки различных составляющих данного качества, выраженных в процентах или баллах и позволяющих производить сравнение интегральных индексов. Такой способ исчисления довольно условный и сомнителен в своих оценочных возможностях. Он во многом зависит от того, какой смысл и содержание изначально вкладывается в категорию качества жизни.

2. Весовые значения составляющих качества жизни, рассчитанные на конвенциональной основе или на основании мнений экспертов, не могут служить основанием для построения интегрального индекса.

3. Многообразие различных сторон (составляющих) качества жизни принципиально не позволяет вводить в статистический обиход интегральный его индекс, но позволяет вместе с тем измерять отдельные его стороны и сопоставлять их между собой в случаях тождественности (сходства) между собой тех или иных сравниваемых макросоциумов.

4. В связи с происходящим сейчас процессом интеграции стран и народов резонно предположить, что ее усиление приведет к стиранию граней между ними, что будет способствовать сравнимости между собой их качества жизни.

5. Статистические оценки различных составляющих качества жизни современных стран, государств и регионов должны быть (или могут быть) дополнены качественным (смысловым, содержательным) анализом этих сторон, что означает квалиметрический подход к трактовке качества жизни и дифференцированную оценку данного явления.

1.4.4. Квалиметрический подход к оценке качества жизни

Квалиметрический подход как таковой, по нашему мнению, призван соединить в себе *количественный* и *качественный* методы познания (в нашем случае — социального познания). Если количественные методы уместны в монометрических объектах (в нашем случае — это типичные *составляющие* качества жизни: скажем, чистота воздуха или воды), то качественные методы социального познания выходят на первый план тогда, когда мы, исходя из различных условий жизни, из состояния функционирования объекта и его окружения, из социально-исторических предпосылок появления и развития определенной составляющей качества жизни, наконец, из ментальной или этнической специфики появления и развития этой составляющей, находим *необходимое теоретическое (логическое)* объяснение отставанию или, наоборот, успешному продвижению вперед определенной составляющей качества жизни по сравнению с другими аналогичными составляющими.

С некоторых пор в науке появилось понятие *метода обоснованной теории*, неразрывно связанного с качественным методом познания. Суть «обоснованной теории», по мнению ее авторов, американских ученых Б.Глясера и А.Страусса, состоит в индуктивном ее выведении из изучаемого феномена и в соответствии *четырем* центральным критериям — *адекватности* изучаемой реальности, *пониманию* смысла этой реальности, *способности к обобщениям*, *способности быть контролируемой* [См. Страус, Корбин, 2001. р. 3]. Если метод обоснованной теории (grounded theory) «вписывается» в специфику изучаемого объекта (изучаемой ситуации) и обладает предметно обусловленной теоретической независимостью, то его применение в конкретной исследовательской процедуре зависит уже от личных способностей исследователя, от его умения, от того, что названо учеными «теоретической чувствительностью» (theoretical sensitivity). Благодаря этому, во-первых, быстро и оперативно обнару-

живается обоснованная теория, позволяющая осмыслить объект и его возможные связи, и, во-вторых, она избавляет исследователя от излишних и ненужных поисков истины. Вследствие *теоретической чувствительности и методу обоснованной теории* становится оптимально возможным интегрировать связи между разнородными составляющими качества жизни при квантификации и шкалировании отдельных составляющих в различных регионах и странах.

При исследовании качества жизни людей в современных условиях, как уже было зафиксировано выше, мы сталкиваемся с той познавательной коллизией, когда количественные методы социологического познания неразрывно связываются с качественными методами. И здесь неизбежно всплывает вопрос: можно ли комбинировать эти методы? Можно ли их сочетать? А.Страусс и Дж.Корбин отвечают «да» [*Страусс, Корбин, 2001: с. 17*]. От В.В.Семенович на вопрос «Можно ли сочетать качественный и количественный методы?» мы слышим все тот же ответ: «Да, можно, и это часто делается в исследованиях» [*Семенова, 1998: с. 14*]. По нашему мнению, мы имеем дело с тем явлением, которое можно назвать *квалиметрическим* исследованием. Вместе с тем, далеко не все ученые разделяют подобную точку зрения и считают возможным сочетание количественных методов с качественными. Так, известный социолог З.Бауман отмечает, что количественный и качественный методы «воспроизводят пропасть, разделяющую законодательный и интерпретативный разум», и что вследствие этого их «нельзя примирить» [*Бауман, 1992: с. 14*]. Интерпретативный разум он связывает с количественным методом, в то время как «законодательный», авторитарно-некритический – с качественным. К этой точке зрения склоняются Ж.Габриус, Дж.Холетейн и др. Вторая контрпозиция, менее радикальная, состоит в том, что каждый из методов имеет право на существование, но каждый из них обладает как своими достоинствами, так и недостатками, и превосходство одного метода над другим зависит от специфики и направленности исследования. Эту контрпозицию активно отстаивают П.Монсон, автор довольно оригинальной и интригующей

книги «Лодка на аллеях парка. Введение в социологию». — М., 1975. Третья контрпозиция близка к предыдущей, но более радикально отдающая преимущество количественным методам и позитивистскому (эмпирическому) подходу, т.е. исключает паритетный подход к познанию социальной реальности. Авторы разделяют точку зрения российского социолога А.Готлиб, согласно которой «идея взаимосвязи этих двух парадигм (подходов. — *Авт.*) в едином исследовательском цикле предполагает их *равнозначное* «сосуществование», равный вес и значимость исследовательских задач, которые решаются в их рамках» [Готлиб, 2002: с. 393]. Нам также импонирует развернутая характеристика количественного и качественного методов, их отличие друг от друга, данное В.В.Семеновой в ее довольно интересной книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию»: «При количественном подходе исследователь выходит в поле «вооруженный» концепциями, гипотезами и измерительными инструментами с намерением через этот ракурс «навести порядок» в разрозненной массе объектов и событий. Избирая качественную стратегию, он отправляется в экспедицию «не вооруженный», но подготовленный своим предшествующим социальным опытом, предварительными знаниями по данному кругу проблем, «с открытыми глазами и наостренными ушами», с намерением распознать, что же происходит в действительности, и описать это теоретически» [Семенова, 1998: с. 129].

Из всего сказанного в этом разделе — с учетом специфики предмета нашего внимания, соотношения количественного и качественного методов исследования и использования в нем квалиметрического подхода к нему — можно констатировать следующие положения:

1. Квалиметрия, сопряженная со связью качественного и количественного подходов к характеристике социальной реальности и по этой причине включающая в себя метрическую характеристику, когда «изучаемая совокупность должна быть в определенном смысле однородной» [Анализ нечисловой информации, 1980: с. 13], по существу исключает анализ качества жизни на макроуровне общества и ограничивает-

ся анализом четко определенных составляющих (сторон) этого качества.

2. Применительно к специфике того или иного общества (страны, государства) в разряд горизонтальных составляющих качества жизни должны попадать «уплотненные» и доминирующие в определенном обществе, численно ограниченные и внутренне однородные составляющие качества жизни. В отношении Украины *такими составляющими являются: материальное положение граждан; экологическое окружение; состояние трудовой жизни населения; состояние духовной жизни граждан (образование, наука, культура); опасности и риски в жизнедеятельности людей.*

3. Сравнимость возможна только *по отдельным* показателям: выше — ниже, больше — меньше.

4. Сравнимость также возможна по отдельным регионам, на основании положений которых допустимо составление общей картины качества жизни: а) регионы *с высоким* показателем (%% ответов) *всех составляющих качества жизни*; б) регионы *со средними* показателями; в) регионы *с низкими* показателями; г) регионы *с низкими* показателями одних составляющих и *с высокими* показателями других с объяснениями (по меньшей мере гипотетическими) причин такой картины.

В заключение раздела необходимо отметить, что основным критерием повышения качества жизни людей является перемещение с потребительски-приобретательской мотивации их жизнедеятельности на ее самоценность. Но такое перемещение становится возможным лишь тогда, когда реализуются дополнительные, промежуточные цели — нормальное питание, хорошее здоровье, чистая экологическая среда, надежная социальная защита. Уход от выполнения этих промежуточных целей, волюнтаристский «прорыв в будущее» отдадут донкихотством. Поэтому внимание социологов должно сейчас быть обращено на изучение возможности реализации именно этих целей.

Глава вторая

ПРОГРАММИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

2.1. Предварительный теоретический анализ качества жизни населения Украины

Качество жизни населения Украины зависит от многих причин: и от советского прошлого — его положительных и отрицательных сторон, и от «рыночного пути», по которому движется в неизвестность украинское общество после развала СССР, и, наконец, от вхождения Украины в современный глобализированный мир и т.д. Специфика качества жизни населения украинского общества состоит, очевидно, в весьма заметных диспропорциях развития отдельных его сторон, для определения динамики которых необходимы эмпирические измерения и обстоятельный анализ их результатов. Эти диспропорции частично предсказуемы вследствие известных социально-экономических и социокультурных отличий между отдельными регионами (областями) восточной, западной, северной, южной и центральной части Украины. Традиционно сложились различия между индустриальным Востоком и аграрным Западом, а также ряд областей является индустриально-аграрными, в то время как другая часть — аграрно-индустриальные и, наконец, третья — аграрная. Но чтобы картина до конца прояснилась, необходимы измерения различных сторон жизни населения этих регионов. Поэтому *проблемой нашего исследования* является выяснение тех сложившихся диспропорций в развитии различных сторон качества жизни населения Украины, устранение которых в первую очередь и в перспективе будет спо-

способствовать пропорциональному развитию составляющих качества жизни во всех регионах страны. В соответствии с этим, *объектом исследования* являются опрашиваемые в анкетном опросе граждане разных по уровню своего развития регионов (Украина), которые владеют опытом социально-экономической и социокультурной их жизнедеятельности. *Предмет исследования* – реальное состояние и оценки гражданами Украины объективных и субъективных факторов своей разнообразной жизнедеятельности в современных ее условиях, каковыми (факторами) являются: материальная обеспеченность, состояние здоровья и медицинского обслуживания, экологическое окружение, социокультурная среда, безопасность существования, социальное самочувствие. *Цель исследования* заключается в выявлении в отдельных регионах тех приоритетных ресурсов, способов и направленности деятельности, объективных и субъективных ее факторов, использование которых главным образом способствовало бы развитию и повышению качества жизни граждан этих регионов. Общая цель исследования предполагает решение следующих *задач*:

1. Определение ключевого понятия *качества жизни*, семантика которого лежит на перекрестке «вертикального» и «горизонтального» смыслового его измерений.
2. Определение основных составляющих компонентов «горизонтального» семантического пространства качества жизни и эмпирических индикаторов этих компонентов.
3. Определение и эмпирическая операционализация понятия региональной специфики качества жизни.
4. Измерение составляющих качества жизни в горизонтальной его плоскости в различных областях (регионах) современного украинского общества.
5. Выявление динамики качества жизни населения Украины в различных регионах страны.

Первая, сугубо теоретическая задача, нами уже выполнена в первой главе настоящей монографии. Задачи 4, 5, 6, требующие полевых эмпирических исследований, полностью выполнены в третьей главе монографии на основании проведенных исследований – социологического мониторинга за 2008 г., Социологического омнибуса «Громадська думка

в Україні» за 2009 г. и Социологического мониторинга за 2010 г., а также данных официальной статистики за этот же период. Что касается 2 и 3 задач, то они входят в компетенцию второй главы монографии.

Предварительный теоретический анализ предмета исследования. Качество жизни формируется разнообразными путями и способами у разных народов, в различных странах: у одних оно заметно наблюдается и происходит плавно, у других – зигзагообразно, с диспропорциями и дисбалансами, у третьих – топчется на месте и долгое время не дает о себе знать. Все зависит от исторических особенностей той или иной страны, от ее отдаленности или близости к центру цивилизованного мира и, наконец, от господствующего в ней общественного строя, от установившегося политического режима. На формирование этого жизненно важного феномена в Украине в ее прошлом и настоящем времени сильно повлияли три обстоятельства – внутринациональная напряженность между ее Западом и Востоком, буферное положение среди стран евразийского континента, беспрецедентный случай реставрации капитализма – переход от социалистического образа жизни к капиталистическому. Внутринациональная напряженность свидетельствует об этнической и социальной неоднородности населения Украины, а значит и об отсутствии единого качества жизни, о сложных и противоречивых путях формирования общенародного единства. Буферное положение Украины, с одной стороны, стимулирует патриотические чувства людей, способствует их единению, но с другой, создает стремление дистанцироваться от своего отечества, раствориться в других государствах, что пагубно отражается на национальной самобытности Украины и не способствует повышению качества жизни ее граждан. В мировоззренческом и идеологическом плане население Украины после падения Советского Союза как бы расколосось на три части, одна из которых стремится к советскому прошлому и связывает с ним свои надежды и помыслы, другая – радуется национальной «независимости», приветствует отношения частной собственности, третья – все еще мечется между первым и вторым и не знает, к кому примкнуть.

Считая, что интегральный индекс качества жизни, по крайней мере в настоящее время, принципиально невозможен, мы тем не менее не должны игнорировать данные, полученные с его помощью мировыми институтами и организациями. Тем более это важно знать в отношении места Украины по качеству жизни среди других стран мира.

Согласно результатам исследований качества жизни авторитетной кампанией «Economist Intelligence Unit», самое высокое качество жизни в 2005 г. было в Ирландии, далее следовали Швейцария, Норвегия, Люксембург и Швеция. Украина заняла 98-е место, Республика Беларусь – 100, Россия – 105, после России следовали Узбекистан, Таджикистан, Нигерия, Танзания, Гаити (106-е, 107-е, 1908-е, 109-е и 110-е места соответственно) и последнее место заняла Зимбабве [*The Economist, s.a.: p. 4*].

Интересные исследования качества жизни проводились специалистами аналитического подразделения британского журнала Economist – «The Economist Intelligence Unit». Данной организацией в 2001 г. также определялся рейтинг экологической ситуации в 30 столицах Европы. В результате исследования Киев был признан самым грязным городом Европы, не получив ни одного из 10 возможных баллов по состоянию окружающей среды. Наивысшие оценки по шкале в 10 баллов получили столицы скандинавских стран: Копенгаген, Стокгольм и Осло. Кроме скандинавских стран, в десятку самых экологически чистых столиц Европы вошли Вена, Амстердам, Цюрих, Хельсинки, Берлин, Брюссель и Париж [*Киев признан..., 2011*].

Как свидетельствует исследование Международного центра перспективных исследований, средний балл Украины по качеству жизни в 2007 г. составил 3,24 балла из 5 возможных, и она заняла вместе с Молдовой 57-е место в рейтинге 63 обследованных по этому вопросу стран, опережая в этом отношении только Индию, Казахстан, Македонию и Парагвай [*Борода, 2008: с. 10–11*]. Сравнение результатов бенчмаркинга Украины по качеству жизни в 2007 г. и 2008 г. дает основание говорить как о повышении, так и о деградации качества жизни в нашей стране. С одной стороны, Украина перешла с 57 на 53 место в названном рейтинге

63 стран. С другой стороны, ее средний балл по качеству жизни снизился с 3,24 до 3,17 баллов по пятибалльной шкале оценок. Наибольшее падение рейтинга Украины в первый кризисный год произошло в сфере образования — с 3,67 до 3,17, окружающей среды — с 3,17 до 3,00, здравоохранения — с 2,78 до 2,67 [Борода, 2009: с. 10]. Рейтинг качества жизни регионов нашей страны за 2004 г., построенный в Национальном институте стратегических исследований (НИСИ), базировался на использовании системы показателей, характеризующих три основных блока: уровень демографического развития, использование рабочей силы и уровень доходов населения. Согласно результатам данного исследования, самое высокое качество жизни имели жители столицы Украины — Киева, второе место — г. Севастополь, третье место заняла Днепропетровская область.

Украинские ученые Р.Теслюк и М.Спаскова также провели измерения качества жизни населения Украины в разрезе ее областей. Исследователи использовали для этого статистические показатели человеческого развития за 2008 г. В лидирующей региональной четверке по индексу качества жизни, как и в исследовании НИСИ, оказались г. Киев и г. Севастополь.

Кроме отмеченных факторов, способствующих разорванности украинского общества, существует и множество других. Таким образом, если качество жизни как социальная категория означает единство показателей интенсивного и экстенсивного развития общества, то с подобным определением никак не согласуется образ жизни населения Украины, которая сочетает в себе экономическую отсталость с высоким производственным потенциалом, невостребованность работников промышленности с довольно квалифицированной профессиональной структурой населения, остатки передовой тяжелой индустрии (ракетостроение, кораблестроение) с отсталым аграрным западом, общность государственных интересов с этнической межусобицей и т.д. Именно отмеченные и все другие дисбалансы и противоречия накладывают отпечаток на особенности развития социальной структуры и социального образа жизни людей в современном украинском обществе и делают проблематичным воз-

вышение их качества жизни. И поскольку это возвышение в различных социально-экономических средах может осуществляться по-разному, то для каждой из них (для каждого из регионов) встают специфические задачи первостепенного развития определенных сторон качества жизни их населения.

Сбор и обработка эмпирических данных состояли в использовании данных государственной статистики, а также результатов репрезентативных анкетных опросов населения (социологического мониторинга социальных изменений украинского общества 1992–2010 гг.*, Европейского социального исследования 2005, 2007, 2009 гг.** и данных общенациональных репрезентативных опросов «Общественное мнение в Украине – 2006», «Общественное мнение в Украине – 2009» (N = 1800). Статистические данные касались главным образом таких индикаторов качества жизни, как демографическое положение населения, материальное положение граждан, производство ВВП на душу населения, занятость (количество работающих и безработных), количество собственников и наемных работников, состояние здоровья и средняя продолжительность жизни, состояние экологической среды, количество граждан в индустриальных и аграрных секторах производства. Результаты массовых опросов служили информационной базой субъективного

* В рамках проекта «Украинское общество: мониторинг социальных изменений» ежегодно проводились опросы методом самозаполнения анкет численностью приблизительно 1800 человек. Выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени, пропорционально репрезентирует взрослое (от 18 лет и старше) население 24 областей Украины, АР Крым и г. Киева (генеральный директор проекта В.Ворона, научный руководитель проекта – Н.Панина, авторы программы мониторинга Е.Головаха, Н.Панина, авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов).

** Реализация проекта «Европейское социальное исследование» началась в 2002 г. в 24 странах Европы. В каждой из стран опросы базировались на случайных выборках мужчин и женщин, представляющих взрослое население старше 14 лет. Украина присоединилась ко второй волне исследования в 2004 г. Выборочная совокупность в Украине составляла приблизительно 2 тысячи человек.

состояния людей, в частности такой его составляющей, как социальное самочувствие. Обработка полученной информации предусматривала анализ двумерных распределений, в ряде случаев – использование дисперсионного и кластерного анализов, других математико-статистических процедур. Определяющую роль в анализе полученной информации играл квалиметрический метод.

2.2. Уточнение основных понятий

Определяющую роль в эмпирических процедурах призвано сыграть уточнение основных понятий исследования. Операционализация – смысловое уточнение и нахождение эмпирических индикаторов – коснулось основных, рабочих понятий исследования – *качество жизни; «горизонтальные» составляющие качества жизни; «вертикальные» ступени качества жизни; региональная специфика качества жизни.*

Качество жизни – состояние всесторонней («горизонтальной») и восходяще-ступенчатой («вертикальной») развитости личности или социума, при котором измеряются основные («горизонтальные») стороны качества жизни и основные («вертикальные») его ступени с последующей квалиметрической их сравнимостью.

1. *«Горизонтальные» составляющие качества жизни* – совокупность сторон жизнедеятельности личности или социума, представляющих собой *материальное положение людей, качество трудовой жизни, экологическую среду; состояние здоровья; социокультурную жизнь населения, уровень его образования, опасности и риски в жизнедеятельности людей и их социальное (субъективное) самочувствие.*

Материальное положение людей в проводимом исследовании верифицируются по таким индикаторам, как *размер заработной платы (дохода) на каждого члена семьи, степень удовлетворенности зарплатой (доходами), размер национального ВВП на душу населения.*

Качество трудовой жизни – это, во-первых, характер занятости в сфере общественного, группового или индивидуального труда и производства и, во-вторых, степень

содержательности трудовой деятельности и благоприятных ее условий.

Экологическая среда и состояние здоровья измеряются фиксацией респондентами, во-первых, состояния природного окружения — воздуха, воды, пищи и, во-вторых, связанного с этим состояния здоровья человека и возможностями его эффективного лечения, а также связанного с другими негативно воздействующими на человека факторами.

Состояние социокультурной жизни населения измеряется уровнем образования респондентов, использованием им СМИ, посещением культурно-зрелищных мероприятий, признанием ими того или иного уровня развития культуры в целом в Украине и в их регионе в частности.

Опасности и риски в жизнедеятельности людей — признание респондентами наличия таких опасностей и угроз своему личному благополучию или благополучию их семей, которые возникают либо в спонтанных социально-экономических процессах (приостановка деятельности предприятий, рост безработицы, рост цен на продукты и т.д.), либо являются следствием несправедливых или некомпетентных решений Президента, Верховной Рады, правительства (распад Украины как государства, нападение на Украину внешних врагов, невыплата зарплат, пенсий и т.д.).

Социальное самочувствие — субъективное интегральное настроение людей, являющееся итогом влияния на человека позитивных и негативных для него факторов окружающей его действительности. Эмпирическим индикатором этого субъективного явления является среднестатистический ответ на вопрос «Можете ли Вы сказать, что в данное время живете многогранной и полноценной человеческой жизнью?» с последующими вариантами ответов.

Региональная специфика — группа регионов (областей), близких (в пределах от 1,5% до 3,0%) по цифровым показателям различных составляющих качества жизни, заметно отличающаяся от других групп.

2. «Вертикальные» составляющие качества жизни — сложная для эмпирической верификации составляющая нашей ключевой категории. Сложная по той причине, что она касается макроуровня социума, который неизбежно накладывает

дывается тем или иным образом на жизнь каждого из его составляющих индивидов. Любой человек, принадлежащий к какой-либо группе, зависит от существования целого — определенного алгоритма социума, в котором он выполняет определенные его (социума) функции, определенные социальные роли. Но при этом он осуществляет те роли и те функции, не свойственные другим, а нередко и противоречащие им. И тут необходим диалектический подход к носителям этих ролей и функций: с одной стороны, они репрезентируют собой целое (социум), являются его порождением и выступают активными субъектами развития этого целого, с другой стороны, они по-разному относятся к определенному развитию — одни стоят за его сохранение или совершенствование его функционального алгоритма, другие, наоборот, — за его немедленный слом и за переход к другому функциональному алгоритму. Учитывая суверенность отдельных личностей, их относительную независимость от социума, мы вполне резонно допускаем, что качество жизни напрямую не связано с социально-историческим качеством жизни социума или целого. Та или иная личность способна как «опережать» развитие социума, в котором она неизбежно пребывает, так и «отставать» от его развития.

По этой причине авторы монографии считают, что известная «пятичленка» А. Маслоу о ступенчатой градации человеческих потребностей вполне применима к отдельной личности. Суть этих восходящих потребностей, напомним, состоит в следующем: 1) физические потребности (в пище, воде, сне, отдыхе); 2) потребности в защищенности (в постоянной работе, стабильности существования, жилье, одежде); 3) потребность в социальном развитии (в общении, в чувстве полезности обществу, принадлежности к формальным и неформальным группировкам); 4) потребность в статусе (в уверенности в себе, в уважении со стороны других); 5) потребность в самореализации, самооценности. Все названные ступени фиксируются в социологическом опросе, а некоторые из них — в статистических сборниках.

Глава третья

СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

3.1. Материальное положение респондентов: реалии и перспективы

Исследования уровня и качества жизни населения занимают особое место в общественном сознании. Именно они являются основными критериями эффективности всех преобразований в обществе, причем критериями как экономическими, так и социальными. Оба понятия носят междисциплинарный характер, вращаются вокруг одних и тех же показателей и часто употребляются как синонимы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что их противопоставление или даже простое разделение не перспективны для анализа. Уровень жизни является основой ее качества.

Рыночные реформы стали для Украины, как и других постсоциалистических стран, причиной резкого падения уровня и качества жизни ее населения. За годы реформ была демонтирована система всеобщих социальных гарантий, обеспечивавшая благосостояние людей, а значит, поддержание и развитие трудового и, более широко, человеческого потенциала страны.

По результатам опроса, проведенного Институтом социологии НАН Украины в начале 2010 г. в рамках проекта «Украинское общество: мониторинг социальных изменений», среднедушевые доходы в семьях 46,3% всех опрошенных были ниже официального прожиточного минимума (на момент проведения опроса 839 грн. в месяц на человека).

В семьях еще трети (32,5%) респондентов они превышали указанный социальный стандарт, но были меньше его двойного размера. Отметим, что большую часть этой подгруппы (67,7% ее представителей или 22% всех опрошенных) составляли респонденты, в семьях которых доход на одного человека колебался в пределах 1–1,5 прожиточного минимума. И лишь в семьях 13,1% всех опрошенных он превышал двойной размер официального прожиточного минимума. На вопрос о размере среднедушевого дохода своей семьи не дали ответ 8,1% респондентов.

Размер дохода, который может потратить человек на удовлетворение своих потребностей, в значительной мере определяет степень его удовлетворенности жизнью (*таблица 3.1*). Так, средний балл удовлетворенности жизнью в целом в 2010 г. по пятибалльной шкале (1 – самый низкий балл, 5 – самый высокий балл) составил 2,9. В подгруппе респондентов с доходами ниже прожиточного минимума он был равен 2,7 балла, среди представителей семей, имеющих от 1 до 2 прожиточных минимума – 2,9, среди наиболее обеспеченных респондентов, с доходами выше двойного размера прожиточного минимума – 3,3. Среди опрошенных представителей семей с душевыми доходами ниже официально установленного прожиточного минимума доля неудовлетворенных своей жизнью (46,7%) превышала долю удовлетворенных ею (24,6%). Заметим, что в этой подгруппе каждый седьмой респондент (14,8%) был полностью не удовлетворен своей жизнью. Среди тех респондентов, семьи которых имеют в своем распоряжении более чем двукратный относительно прожиточного минимума доход на человека, это соотношение было противоположным. Здесь доля удовлетворенных своей жизнью достигала половины (50,4%) и превышала долю дававших своей жизни неудовлетворительную оценку (29%). Но даже двойное и более превышение доходом величины прожиточного минимума не гарантирует семье таких возможностей для потребления, которые *существенно* повышали бы удовлетворенность жизнью. В подгруппе опрошенных представителей таких семей часть полностью удовлетворенных своей жизнью составляла всего лишь 3,8%. Это объясняется тем, что, во-первых, даже

двойной размер прожиточного минимума не обеспечивает сегодня высоких жизненных стандартов. И, во-вторых, в условиях широкого распространения связанных с общей малообеспеченностью социальных угроз, таких как высокий уровень преступности, распространения наркомании и опасных заболеваний и т.д., а также при отсутствии эффективной системы государственной социальной защиты существующие в обществе риски и общая неблагоприятная атмосфера настолько негативно влияют на самоощущение чело-

Таблица 3.1

**Самооценки удовлетворенности жизнью в подгруппах
представителей семей с разным уровнем
среднедушевого дохода (2010, %)**

<i>В какой степени Вы удовлетворены своей жизнью в целом?</i>	<i>Размер среднедушевого дохода, грн. на человека в месяц</i>			<i>В целом по массиву</i>
	<i>До 839</i>	<i>840– 1678</i>	<i>Свыше 1679</i>	
Совсем не удовлетворен	14,8	7,4	3,8	10,6
Скорее не удовлетворен	31,9	30,0	20,8	29,1
Трудно сказать, удовлетворен или нет	24,3	25,8	25,0	25,3
Скорее удовлетворен	26,8	35,6	46,6	32,5
Полностью удовлетворен	2,2	1,2	3,8	2,3
Средний балл удовлетво- ренности жизнью в целом (1 – совсем не удовлетворен, 5 – полностью удовлетворен)	2,7	2,9	3,3	2,9
Индекс удовлетворенности*	82,3	99,4	125,8	95,1

*Рассчитанные индексы для групп с различным уровнем среднедушевого дохода показывают, что только в подгруппе опрошенных представителей семей с доходами выше двойного размера прожиточного минимума доля удовлетворенных жизнью в целом превышала долю недовольных ею (индекс 125,8). Значение индекса рассчитывается как разница между долями позитивных и негативных ответов, к которой добавляют 100, чтобы избежать появления отрицательных величин. Значение индекса может изменяться в пределах от 0 до 200: оно равно 200, если все респонденты дают позитивные ответы; индекс равен 100, если количество позитивных и негативных оценок одинаково; если среди респондентов преобладают позитивные оценки, значение индекса превышает 100, а если негативные – оно будет меньше 100.

века, что даже при сравнительно высоких доходах степень его удовлетворенности жизнью оказывается не самой высокой.

В 1994–2010 гг. общая самооценка материального уровня жизни респондентов была невысокой, хотя наметилась тенденция к ее постепенному медленному повышению (*таблица 3.2*). По шкале от 0 (самый низкий) до 10 (самый высокий) баллов средний балл оценки материального уровня жизни колебался от 2,4 баллов (в 1998 г.) до 3,8 баллов (в предкризисном 2008 г.). При этом основные изменения оценки происходили в ее нижнем диапазоне – сокращалась численность выбиравших ее самые низкие значения (0–2 балла) и повышалась численность выбиравших невысокие значения (3–4 балла). В рассматриваемый период доля респондентов, самооценки материального уровня жизни которых находились в пределах 0–2 балла, изменялась от 18,3% (в 2008 г.) до 49,8% (в 1998 г.). Доля респондентов, чьи оценки находились в нижнем диапазоне (0–4 балла), колебалась от 66,1% (в 2008 г.) до 87,5% (в 1998 г.). Процент респондентов, оценивавших материальное положение своей семьи как 5 баллов, возрос с 13,4% в 1994 г. до 19,5% в 2010 г. Внутри этого периода он был максимальным (22,8%) в 2008 г. и минимальным (9,1%) – в 1998 г. Суммарная доля респондентов, оценки которых превышали 5-ти балльную отметку, колебалась от 3% до 10,5% в уже отмеченные выше годы. Процент респондентов, выставивших материальному уровню жизни своей семьи высшие баллы (8–10 баллов), ежегодно граничил со статистической погрешностью и колебался от 0,2% (в 2002 г.) до 1,6% (в 2010 г.).

Балльные самооценки материального уровня жизни семей респондентов заметно отличались в подгруппах с разным размером среднедушевого дохода. Так, в начале 2010 г. в подгруппе представителей семей с доходами ниже прожиточного минимума средний балл оценки составлял 3,2, среди респондентов с доходом от 1 до 2 прожиточных минимумов – 3,9, среди опрошенных из семей с доходами выше двойного размера прожиточного минимума – 4,3. Процент оценивающих материальный уровень жизни своей семьи

Таблица 3.2

**Балльная самооценка респондентами
материального уровня жизни (1994–2010 гг., %)**

Оцените, пожалуйста, материальный уровень жизни Вашей семьи (0 – самый низкий, 10 – самый высокий)	1994	1995	1996	1998	1999	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010
0 – самый низкий	11,3	11,8	17,6	15,7	13,6	12,2	2,4	2,0	4,0	3,4	2,7	3,6
1	8,2	10,7	12,6	14,8	12,8	12,4	3,2	3,3	6,6	4,9	4,3	5,3
2	17,6	17,5	18,2	19,3	21,9	19,8	17,8	15,0	12,3	11,7	11,3	14,1
3	27,9	27,5	25,5	26,6	25,9	26,6	22,6	20,7	30,1	30,6	26,1	27,4
4	16,3	14,5	12,6	11,4	11,8	13,8	26,5	29,2	19,6	20,0	21,7	19,9
5	13,4	13,2	10,2	9,1	10,4	11,2	21,8	22,6	18,6	19,7	22,8	19,3
6	3,3	2,5	1,8	1,8	1,6	1,8	3,7	5,3	4,6	5,3	5,1	5,7
7	1,4	1,5	0,7	0,8	1,1	1,7	0,9	0,9	1,9	2,7	3,9	2,8
8	0,2	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2	0,1	0,3	1,1	0,8	1,3	1,3
9	0,1	0,2	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3
10 – самый высокий	0,3	0,2	0,1	0,1	0,3	0,2	0,1	0,0	0,4	0,3	0,1	-
Не ответили	0,0	0,1	0,2	0,2	0,2	0,0	1,0	0,5	0,8	0,4	0,6	0,3
Средний балл	3,0	2,8	2,5	2,4	2,6	2,7	3,5	3,7	3,5	3,6	3,8	3,6

как низкий (0–2 балла) или невысокий (3–4 балла), в этих подгруппах составлял 80,7%, 63% и 56,7% соответственно. Доля выбиравших 5-ти балльную оценку в этих подгруппах составляла 13,9%, 24,8% и 26,3% соответственно. В верхнем диапазоне (6–10 баллов) располагались оценки 5,5% представителей подгруппы с доходами ниже прожиточного минимума, 12,2% респондентов из семей с доходами 1–2 прожиточных минимума на человека и 16,9% респондентов из семей с доходами выше двойного его размера. Отметим, что абсолютное большинство таких респондентов выбирали оценку 6–7 баллов, а наивысший балл материальному уровню жизни своей семьи не выставил никто из опрошенных.

Низкие средние значения балльной оценки материального уровня жизни отражают невысокий уровень потребления благ и высокую степень физических затрат и морального напряжения, необходимых для его обеспечения. Как видно из *таблицы 3.3*, большинство населения, с небольшими отличиями в подгруппах с разным среднедушевым доходом, в начале 2010 г. имело такие бытовые приборы как цветной телевизор (92,8%), холодильник (95,7%), стиральная машина (82,8%). В определенной степени такая ситуация является результатом насыщения рынка импортной бытовой техникой, цена которой соизмерима с невысокими доходами респондентов и кредитного бума, длившегося до 2008 г. Речь идет о бытовой технике, покупаемой раз в несколько лет и ставшей неотъемлемой частью быта современного человека. Вероятно, что в семьях с низкими доходами ее приобретение могло повлечь за собой временное сокращение средств, которые семья направляла на обеспечение необходимого рациона и необходимой одежды. Кроме того, немаловажную роль сыграла инерция советского времени, когда улучшение условий быта было неотъемлемой частью потребительского поведения населения, поддерживаемого ссудами из общественных фондов и предоставляемой возможностью покупки бытовой техники в рассрочку. Нельзя автоматически делать вывод о высоком уровне потребления семей, имеющих легковой автомобиль (28,7%). Ясно, что большинство населения, попадающего в опросные сети, являются владельцами не самых престижных автомобилей, а купленных в кредит иномарок среднего класса или скромных автомобилей, оставшихся еще с советских времен. Также и наличие садового участка свидетельствует скорее не о высоких доходах его владельцев, а о необходимости иметь свое хозяйство для обеспечения части рациона. Именно наличие садовых участков позволяло многим семьям сводить концы с концами в трудные годы набравших разгон неолиберальных реформ. Дачный дом, требующий значительных средств для его строительства, имеет значительно меньшая численность респондентов, и доля таких респондентов возрастает с ростом доходов семьи.

Таблица 3.3

Наличие предметов быта и досуга в домохозяйствах респондентов с различным уровнем доходов (2010, %)

Отметьте, пожалуйста, что из перечисленного ниже имеет Ваша семья?	Размер среднедушевого дохода, грн. на человека в месяц			В целом по массиву
	До 839	840–1678	Свыше 1679	
Дачный дом	6,8	15,6	21,5	12,0
Садовый участок	36,1	34,4	29,6	34,1
Легковой автомобиль	21,4	31,8	43,3	28,7
Цветной телевизор	92,0	93,7	95,3	92,8
Новая или хорошая мебель	14,8	22,9	36,5	20,9
Библиотека (более 100 книг)	13,0	23,4	28,3	18,4
Стерео и видеоаппаратура	24,6	36,6	54,1	33,7
Магнитофон, радиопроигрыватель	44,4	48,7	57,5	47,2
Спортивное, туристическое снаряжение	3,6	7,7	11,6	6,2
Холодильник	94,0	97,8	97,4	95,7
Стиральная машина	77,6	86,5	91,4	82,8
Швейная машина	33,4	37,4	41,6	35,3
Модная одежда	9,7	18,5	36,5	16,7
Компьютер	23,8	42,2	57,1	34,9
Охотничье, рыболовецкое снаряжение	9,4	13,7	16,7	12,3
Моторная лодка, катер	0,6	1,7	3,0	1,3

Более заметными были отличия в оснащении семей с различными доходами компьютерам и стерео-, видеоаппаратурой. В семьях с доходами выше двойного размера прожиточного минимума их наличие отмечалось более, чем в два раза чаще, чем среди опрошенных представителей семей с доходами ниже указанного социального стандарта. Таким же было и соотношение в этих подгруппах доли респондентов, имеющих дома библиотеку.

По результатам опроса, проведенного в 2009 г., 90,2% опрошенных ответили, что их семья имеет в собственности квартиру (дом), 41,4% – приусадебный участок, 14,6% – дачный земельный участок, 4,1% – акции предприятий, пай

в ЗАО, ОАО, 13,3% – земельные паи, 2,1% – малое предприятие. Вероятно, что в дальнейшем доля респондентов, обладающих недвижимостью и капиталом, будет снижаться. Столь высокий процент собственников жилья стал результатом приватизации домов и квартир, находившихся в пользовании у населения еще с дореформенного времени. Акции предприятий также не будут широко распространяться среди наемных работников, концентрируясь в руках крупных собственников. С началом купли-продажи земли значительная часть собственников земельных наделов будет вынуждена продать их крупным землевладельцам из-за отсутствия средств, необходимых для обработки земли.

Цены на недвижимость в Украине нельзя соотносить с доходами большинства граждан. Жилищными условиями в начале 2010 г. была недовлетворена треть (35,1%) опрошенных. Показатели введения в эксплуатацию жилья сегодня значительно отстают от достигнутых накануне рыночных реформ. По данным Госкомстата, в 2006 г. было введено в эксплуатацию 8628 тыс. м² общей жилой площади, а в 1990 г. – 17447 тыс. м². В пересчете на 1000 человек населения в 2006 г. было введено в эксплуатацию 185 м² общей площади, в 1990 г. – 338 м², а количество построенных квартир составляло: в 2006 г. 1,8, в 1990 г. – 5,6 [*Статистичний щорічник України за 2006 р., 2007 р.: с. 214, 217*].

Как и садовые участки, квартиры – основные виды недвижимости, оставшиеся еще с советского времени, и основное богатство большинства семей. При достигнутом среднем уровне доходов сегодня не представляется возможным улучшение жилищных условий населения Украины. Скорее жилищные условия населения будут ухудшаться вследствие обветшания жилищного фонда, его износа, на восстановление которых у населения нет средств, также как и не будет их в сокращенном до минимума бюджете страны.

Подавляющему большинству людей хватает средств только на самое необходимое для выживания, они не могут быть ни инвесторами крупных проектов, ни участниками долгосрочных кредитных или страховых программ, ни активными

вершителями собственной судьбы. Скорее они – заложники неподвластных им обстоятельств, поскольку не имеют сил и средств им сопротивляться и выстраивать собственную жизненную стратегию.

Как показывают самооценки респондентов материальных условий их жизни, в 2002–2010 гг. благосостояние семей повышалось медленно. За этот период доля респондентов, представляющих семьи, с трудом выживающие в нишете и испытывающие голод, сократилась с 12,7% в 2002 г. до 5,4% в 2010 г. Но каждый двадцатый опрошенный, испытывающий сегодня голод, – это сигнал о неблагополучии в стране, претендующей на статус мирового экспортера продовольствия. Также в 2002–2010 гг. в полтора раза (с 62,0% до 41,8%) сократилась доля представителей семей, потребление которых ограничивается только необходимым рационом. При этом доля сравнительно обеспеченно живущих респондентов возрастала медленно. Численность тех респондентов, чьи семьям хватает в целом на жизнь, возросла с 23,5% в 2002 г. до 38,1% в 2010 г. Еще менее заметным был прирост респондентов из семей, в которых средств хватает на все необходимое, но им не до сбережений, – с 11,6% в 2002 г. до 15,9% в 2010 г. Правда, накануне экономического кризиса, в 2008 г., часть представителей таких семей достигала пятой части опрошенных (20,7%). И совсем уж незначительной на протяжении всего рассматриваемого периода была доля тех, кто отмечал, что их семьям хватает на все необходимое и они делают сбережения, и тех, кто живет в полном достатке (*таблица 3.4*).

Самооценки материального положения отличались в подгруппах представителей семей с различным уровнем среднедушевого дохода. Среди респондентов с доходами ниже прожиточного минимума доля тех, чьи семьи расходуют только на питание все имеющиеся в их распоряжении средства, составляла половину (55,2%). В подгруппе с доходами в диапазоне 1–2 прожиточного минимума она достигала трети (33,1%), среди располагающих более, чем двукратным относительно прожиточного минимума на человека доходом – пятой части (19,2%) респондентов. Суммарная доля

Таблица 3.4

**Самооценка респондентами их материального положения
(2002–2010 гг., %)**

<i>Определите материальное положение Вашей семьи за последние 2–3 месяца</i>	2002	2004	2005	2006	2008	2009	2010
Часто не имеем денег на продукты – иногда нищенствуем	3,1	1,7	1,4	0,5	0,8	0,6	1,5
Часто не хватает продуктов питания – иногда голодаем	9,6	5,9	4,0	4,0	3,0	3,3	3,9
Хватает только на продукты питания	49,3	42,0	41,3	35,5	32,6	35,0	36,4
Хватает в целом на жизнь	23,5	32,4	30,2	36,2	37,9	37,3	38,1
Хватает на все необходимое, но нам не до сбережений	11,6	13,9	14,4	15,7	20,7	18,8	15,9
Хватает на все необходимое, делаем сбережения	2,0	2,1	2,1	3,6	3,8	4,5	3,4
Живем в полном достатке	0,3	0,6	0,3	0,3	0,4	0,6	0,2
Не ответили	0,6	1,4	6,3	4,2	0,7	0,2	0,4

респондентов, которым хватает в целом на жизнь или хватает на все необходимое, но им не до сбережений, составила 43,3% среди представителей семей с доходами ниже прожиточного минимума, 63,7% среди тех, чья семья имеет среднедушевой доход 1–2 прожиточного минимума, и 69,8% в подгруппе респондентов с доходами, более чем в два раза его превышающими. Однако опять напрашивается вывод о том, что даже более чем двукратный относительно прожиточного минимума размер дохода не является сегодня достаточным для всестороннего удовлетворения потребностей. Среди немногочисленной группы опрошенных, семьи которых располагают среднедушевым доходом выше двойного размера прожиточного минимума, только каждый девятый (11,1%) отмечал, что его семье хватает на все необходимое и при этом они делают сбережения или же они живут в полном достатке.

В рассматриваемый период доля респондентов, которые полностью тратили свои средства на текущие расходы, не опускалась ниже 91% и колебалась от 91,3% до 97,1%. При этом численность опрошенных, отмечавших, что им не хватает сбережений, которые поддерживали бы их благосостояние на протяжении по крайней мере года в случае неблагоприятных обстоятельств, ежегодно достигала 3/4 и была минимальной (74,7%) в 2008 г., а максимальной (86,1%) в 2002 г. В начале 2010 г. часть респондентов, которые отмечали недостаток необходимых для выживания в течение года сбережений, составляла 80,2%. При этом даже в сравнительно обеспеченной подгруппе представителей семей с доходами выше двойного размера прожиточного минимума респонденты, отмечавшие недостаток необходимых сбережений, составляли большинство (67,8%). В этой подгруппе необходимых сбережений хватало 12,3% опрошенных и 18,6% отмечали, что им трудно сказать, хватает их или нет. В подгруппе представителей семей с доходами ниже прожиточного минимума соотношение между теми, кому хватает необходимых сбережений и не хватает, составляло 3,1% и 86,1%, а среди занимающих промежуточное положение респондентов – 5,3% и 79,7% соответственно.

Выработав за годы рыночных реформ привычку к частой нехватке средств для удовлетворительного потребления и сократив требования к условиям жизни, большая часть респондентов отмечает, что им хватает возможности приобретать *самые необходимые продукты питания*. В 1995–2010 гг. доля респондентов, которым не хватает возможности приобретать самые необходимые продукты питания, сократилась с 52,8% до 32,4%; относительная численность тех, кто может обеспечивать необходимый рацион, возросла с 24,3% до 47,3%. При этом соотношение тех, кто декларирует нехватку *возможностей питаться соответственно своим вкусам* и их достаточность, сегодня оказалось обратным, хотя и несколько улучшилось за рассматриваемый период. В 1995 г. респондентов, которые не могли реализовать свои предпочтения в питании, среди опрошенных насчитывалось 66,4%, а тех, кто мог себе это позволить – 14,8%; в 2010 г.

рассматриваемое соотношение составляло 49,8% и 26,8% респондентов соответственно.

В этот период улучшились самооценки населения возможностей приобретения как необходимой, так и модной и красивой одежды. Если в 1995 г. на неудовлетворительную возможность приобретения необходимой одежды указывала почти половина (48,3%) опрошенных, то в 2010 г. таких респондентов было вдвое меньше (23,7%). В 2010 г. половина респондентов (52,4%) уже не испытывала недостаток в необходимой одежде, в то время как в 1995 г. респондентов, которым ее хватало, было около трети (29,4%). Но если в отношении необходимой одежды в начале рассматриваемого периода наблюдалось превышение отрицательных оценок возможностей ее приобретения над положительными, а в настоящее время это соотношение поменялось на противоположное, то в отношении модной и красивой одежды ситуация качественно не изменилась. В 1995–2010 гг. сократилась часть респондентов, которые отмечали ее недостаток (с 48,8% до 35,6%), и возросла часть тех, кому ее хватает (с 12,0% до 21,4%), но, как видим, положительные оценки возможности разнообразить свой гардероб среди ответов респондентов сегодня встречаются реже, чем отрицательные.

Практически неизменными в 1995–2010 гг. оставались оценки возможностей полноценного проведения отпуска и полноценного досуга. В 1995 г. на невозможность хорошо отдохнуть во время отпуска указывали 60,1% респондентов, в 2010 г. — 58,8%. Недовольных своим досугом в 1995 г. было 46,5%, в 2010 г. — 45,7%. Самой высокой доля недовольных возможностями проведения отпуска была в 1998 г. (68,0%), самой низкой — в 2005 г. (52,9%). Численность респондентов, недовольных возможностями проведения досуга, была наибольшей в 1996 г. (53,5%), наименьшей — в 2006 г. (41,4%). Часть респондентов, которые были удовлетворены возможностями проведения отпуска в 1995 г., составляла 11,7%, в 2010 г. — 14,8%. Численность положительно оценивающих качество досуга в данный период увеличилась с пятой части опрошенных (20,4%) до четверти (25,4%).

Оценки возможностей удовлетворения как самых необходимых, так и разносторонних потребностей имели заметные отличия в подгруппах с различным уровнем среднедушевого дохода (таблица 3.5). В начале 2010 г. среди представителей семей, имеющих среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, доли тех, кому не хватает возможности приобретать самые необходимые продукты питания (40,9%), и, наоборот, такой возможности хватает (39,0%), были одинаковыми. В подгруппе представителей семей с доходами от 1 до 2 прожиточных минимумов это соотношение составляло 26,2% и 54,6% соответственно, а в подгруппе опрошенных с доходами выше двойного размера прожиточного минимума – 18,2% и 62,7% соответственно. Но эта подгруппа была единственной, в которой доля респондентов, которым хватает возможностей питаться соответственно своим вкусам (38,1%), несколько превышает долю тех, кому таких возможностей не хватает (32,2%). Отметим, что даже в этой подгруппе респонденты, имеющие указанную возможность, не составляли большинство. Представители семей, имеющих в своем распоряжении доходы ниже прожиточного минимума, еще меньше насчитывают в своей подгруппе тех, кто может себе позволить питаться соответственно своим вкусам (19,0%). Не имеющих таких возможностей здесь оказалось 59,1%. Среди респондентов из семей с доходами от 1 до 2 прожиточных минимумов также было больше отмечающих недостаток возможностей разнообразно питаться (43,8%), чем респондентов, которые могли себе это позволить (32,4%).

Вероятно, что и представления о наборе необходимых продуктов питания, и вкусовые предпочтения будут отличаться у представителей разных по доходу групп. Но общей может быть боязнь приобретения некачественных продуктов, которыми заполнен рынок продуктов питания Украины. Сегодня государство просто не имеет возможности контролировать качество продуктов питания, в которых все больше места занимают импортные продукты. Содержание вредных добавок, истекший срок годности продуктов – далеко не единственная опасность, исходящая от большей части

Таблица 3.5

**Самооценка условий жизни респондентами из семей
с различным уровнем среднедушевого дохода (2010, %)**

Хватает ли Вам?	Среднедушевой размер дохода, грн. в месяц на человека			В целом по массиву
	До 839	840–1678	Свыше 1679	
<i>Возможности приобрести самые необходимые продукты питания</i>				
Не хватает	40,9	26,2	18,2	32,4
Трудно сказать, хватает или нет	17,8	17,8	15,3	17,8
Хватает	39,0	54,6	62,7	47,3
Не интересует	2,3	1,4	3,8	2,3
Индекс*	98,1	128,4	144,5	114,8
<i>Возможности питаться в соответствии со своими вкусами</i>				
Не хватает	59,1	43,8	32,2	49,8
Трудно сказать, хватает или нет	18,9	22,4	26,3	20,8
Хватает	19,0	32,4	38,1	26,8
Не интересует	3,0	1,4	3,4	2,4
Индекс*	59,9	88,6	105,9	77
<i>Необходимой одежды</i>				
Не хватает	28,3	21,4	15,7	23,7
Трудно сказать, хватает или нет	17,8	15,6	19,1	17,4

*В подгруппе респондентов из семей с доходами ниже официального прожиточного минимума значения индексов для всех, за исключением необходимой одежды, рассматриваемых условий жизни были меньше 100, т.е. проценты отрицательно оценивающих возможности удовлетворения соответствующих потребностей были выше процентов оценивающих их положительно респондентов. В подгруппе опрошенных из семей с доходами 1–2 прожиточных минимума индексы для минимальных стандартов были выше 100 (возможность приобретения необходимых продуктов питания, необходимой одежды), а для соответствующих всестороннему удовлетворению потребностей компонентов (возможности питаться соответственно своим вкусам, носить модную и красивую одежду, полноценно проводить досуг и отпуск) не достигали 100. Рассчитанные для подгруппы респондентов из семей с доходами выше двойного размера официального прожиточного минимума индексы по всем компонентам, за исключением возможности полноценно проводить отпуск, были выше 100.

Продолжение таблицы 3.5

Хватает ли Вам?	Среднедушевой размер дохода, грн. в месяц на человека			В целом по массиву
	До 839	840–1678	Свыше 1679	
Хватает	46,3	57,4	59,7	52,4
Не интересует	7,6	5,6	5,5	6,4
Индекс*	118	136	144	118,7
<i>Модной и красивой одежды</i>				
Не хватает	40,9	32,0	26,4	35,6
Трудно сказать, хватает или нет	13,9	17,8	21,7	16,7
Хватает	16,4	24,5	30,6	21,4
Не интересует	28,7	25,7	21,3	26,2
Индекс*	75,5	92,5	104,2	85,8
<i>Полноценного досуга</i>				
Не хватает	50,8	42,5	37,7	45,7
Трудно сказать, хватает или нет	22,3	22,6	18,6	22,1
Хватает	19,2	27,6	39,8	25,2
Не интересует	7,7	7,4	3,8	6,8
Индекс*	68,4	85,1	102,1	79,5
<i>Возможности полноценно проводить отпуск</i>				
Не хватает	62,5	56,9	49,6	58,8
Трудно сказать, хватает или нет	12,6	15,9	19,9	14,9
Хватает	10,4	17,1	24,2	14,8
Не интересует	14,4	10,1	6,4	11,4
Индекс*	47,9	60,2	74,6	56

продовольствия в магазинах и на рынках страны, в которой основным фактором, определяющим потребление продуктов, является низкая цена. Также большую опасность представляют собой и продукты питания, содержащие генетически модифицированные организмы. Только богатая страна может позволить себе законодательное запрещение производства и импорта таких продуктов, последствия долгосрочного потребления которых мало изучены, а проведенные исследования недвусмысленно свидетельствуют об их опасности для здоровья человека.

Возможности приобрести самую необходимую одежду во всех подгруппах, выделенных по уровню доходов, чаще оценивались положительно, чем отрицательно. В подгруппе с доходами ниже прожиточного минимума эту возможность как достаточную рассматривают 46,3% респондентов, в подгруппе с доходами 1–2 прожиточных минимума – 57,4%, среди опрошенных из семей с доходами выше его двойного размера – 59,7%. Модной и красивой одежды хватает значительно меньшей части представителей этих подгрупп. Достаточной в этих подгруппах ее считают 16,4%, 24,5% и 30,6% респондентов соответственно. И только в подгруппе опрошенных представителей семей с доходами выше двойного размера прожиточного минимума доля респондентов, удовлетворенных возможностью покупать модную и красивую одежду, хотя и не составляла большинства, но все же несколько превышала численность оценивающих ее как недостаточную (26,4%).

Оценка возможностей проведения полноценного досуга среди респондентов из семей с различным уровнем среднедушевого дохода также была различной. В наименее обеспеченной подгруппе половина (50,8%) респондентов были неудовлетворены ими, в то время как только пятая часть (19,2%) респондентов считала, что им таких возможностей хватает. Также и среди респондентов, представлявших семьи, в которых среднедушевые доходы колебались от 1 до 2 прожиточных минимумов, доля неудовлетворенных возможностями проведения досуга (42,5%) превышала долю удовлетворенных ими (27,6%). В подгруппе респондентов с доходами выше двойного размера прожиточного минимума части удовлетворенных (39,8%) и неудовлетворенных (37,7%) возможностями полноценного отдыха были одинаковыми.

Возможности полноценно проводить отпуск во всех рассматриваемых подгруппах чаще оценивались как недостаточные. Даже в наиболее обеспеченной подгруппе, состоящей из представителей семей с доходами более двух прожиточных минимумов на человека в месяц, доля отмечавших, что им не хватает возможностей полноценно проводить отпуск (49,6%), в два раза превышала долю тех, кому такой

возможности хватает (24,2%). Среди респондентов, имеющих доход ниже прожиточного минимума, это соотношение составило 62,5% и 10,4% соответственно, в подгруппе с доходом от 1 до 2 прожиточных минимумов – 56,9% и 17,1% соответственно. Отметим, что в 2009 г. по путевке на территории Украины отдыхали 2,4% всех опрошенных, в курортной местности, но без путевки 9,6% респондентов, за границей отдыхали 1,2% всех опрошенных. В наиболее обеспеченной из рассматриваемых нами групп эти показатели составили 10,2%, 15,7% и 3,4% респондентов соответственно.

Невысокий уровень потребления необходимых товаров, отсутствие средств на полноценное физиологическое и эмоциональное восстановление, длительное нахождение в состоянии постоянных апатии и стресса, которые сопутствуют малообеспеченности, неблагоприятно сказывается на здоровье населения. Отсутствие средств на профилактику и лечение эпидемий, причины которых во многом социально обусловлены, также повышают риск заболеваемости людей. Нехватку необходимой медицинской помощи в начале 2010 г. отмечали половина (52,1%) респондентов, в то время как 22,9% всех опрошенных отмечали, что им ее хватает.

Малообеспеченность большинства населения Украины стала основной причиной снижения способности общества реагировать на технические изменения в мире. В 2002–2010 гг. постепенно возрастал процент респондентов, использующих современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) (таблица 3.6). Наиболее быстрыми темпами увеличивалась группа пользователей мобильных телефонов – с 5,6% в 2002 г. до 78,9% в 2010 г. Отметим, что начиная с 2008 г. доля пользователей мобильных телефонов превышала долю пользователей стационарных телефонов. Гораздо в меньшей степени среди населения сегодня распространены практики пользования компьютером и Интернетом. В 2002–2010 гг. численность респондентов, имеющих навыки работы на компьютере, увеличилась с 17,7% до 44,7%, но, как видим, сейчас она все еще не достигает половины опрошенных. Только треть имеющих компьютерные навыки респондентов (или 15,2% всех опрошенных) использует компьютер в

работе постоянно. За рассматриваемый период увеличилась доля респондентов, обращающихся к ПК в свободное время — с 5,3% в 2002 г. до 20,3% в 2010 г. Процент пользователей Интернетом среди опрошенных составляет сегодня

Таблица 3.6
Использование респондентами современных ИКТ
(2002–2010, %)

<i>Практики использования современных ИКТ</i>	2002	2004	2005	2006	2008	2010
Пользование стационарным телефоном (на протяжении 30 дней перед опросом)	64,3	69,1	65,0	64,0	60,3	58,6
Пользование мобильным телефоном (на протяжении 30 дней перед опросом)	5,6	15,3	29,0	47,9	68,5	78,9
Пользование Интернет (на протяжении 30 дней перед опросом)	2,6	4,4	4,8	8,0	13,5	21,4
Пользование Интернет дома	1,1	2,5	3,4	6,9	13,2	21,4
Наличие навыков работы с компьютером	17,7	24,1	27,8	34,2	42,2	44,7
Постоянное использование компьютера в работе	4,4	6,3	6,8	9,0	13,8	15,2
Занятия с компьютером в свободное время (на протяжении 7 дней перед опросом)	5,3	7,4	10,8	15,6	18,4	20,3

пятую часть (21,4%) и столько же насчитывается тех, кто пользуется Всемирной сетью дома (21,4%).

Различие в степени распространения ИКТ среди опрошенных представителей различных типов поселения дает основания говорить о том, что они имеют двоякое воздействие на степень информационного неравенства в украинском обществе. С одной стороны, рост численности пользователей мобильных телефонов как в городах, так и сельской местности, увеличивает возможности информационного

обмена. Особенно это важно для сельской местности. Если в городах, как крупных, так и небольших, доля пользователей мобильных телефонов лишь незначительно превышает количество пользователей телефонов стационарных, то в сельской местности мобильные телефоны, которыми на протяжении предшествовавших опросу 30 дней пользовались 73,7% проживающих здесь респондентов, в значительной степени компенсировали недостаточный доступ к традиционной телефонной связи (39,9%). Однако отметим, что доля пользователей мобильных телефонов в городах (84,8%) несколько превышает долю их пользователей среди проживающих в сельской местности респондентов. С другой стороны, совсем иным оказывается отличие в относительной численности пользователей Интернетом среди проживающих в городах и сельской местности. Часть пользователей среди проживающих в городах респондентов составила 29,4%, в сельской местности – 6,0%.

Социальная инфраструктура сельской местности сегодня находится в упадке. Оплата труда в селах отстает от зарплаток в городе, также как и возможностей найти работу в городе сравнительно больше. Информационное неравенство между различными типами поселения усиливает экономическое неравенство между ними и ведет к расширению материального неравенства через асимметрию обменов.

Отличия в использовании современными ИКТ является еще одной иллюстрацией определяющего влияния материального положения человека на другие сферы его жизни. Так, Интернетом пользуются дома 12,5% респондентов из семей с доходами ниже прожиточного минимума, 25,3% тех, чьи семьи имеют 1–2 прожиточных минимума на человека, и 41,3% опрошенных представителей домохозяйств с доходами, превышающими его двукратный размер. Мобильная связь оказалась более демократичной – доля ее пользователей в этих подгруппах составила 76,2%, 84,1% и 90,2% респондентов соответственно.

Дифференцирующее влияние материальной обеспеченности проявляется и в распространении ИКТ среди молодежи, т.е. в возрастной подгруппе, наиболее восприимчи-

вой к инновациям. Среди опрошенных в возрасте до 30 лет пользователями домашней Глобальной сети оказались 25,8% представителей домохозяйств со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума, 47,7% в подгруппе с доходами от 1 до 2 прожиточных минимумов и 72,7% среди тех, в чьих семьях доходы в два и более раза превышают указанный социальный стандарт. Доля респондентов, имеющих навыки работы на компьютере, в этих подгруппах имела меньшие отличия и составила 69,8%, 88,3% и 95,5% соответственно. Еще меньшими были отличия в численности пользователей мобильных телефонов, которая составила 88,7%, 97,3% и 97,7% представителей данных подгрупп.

Здесь мы сталкиваемся с новой конфигурацией социально-экономического неравенства, в основе которой лежит традиционное неравенство в материальном положении людей. Наибольшие различия в использовании современных ИКТ между молодыми респондентами, представляющими семьи с различным уровнем среднедушевых доходов, наблюдались в домашнем использовании Интернета, т.е. в том аспекте, который требовал значительных материальных затрат (покупка компьютера, его постоянное обновление, оплата услуг провайдера). В то же время различия между этими группами в навыках работы с компьютером, т.е. в прикладных знаниях, позволяющих пользоваться Интернетом дома, были меньшими. Но вероятно, что именно низкие доходы не позволяют значительной части респондентов из малообеспеченных семей пользоваться им дома. Также с высокой степенью вероятности можно предположить, что, несмотря на небольшие отличия в доле пользователей мобильных телефонов среди молодых респондентов из семей с различным уровнем среднедушевого дохода, интенсивность их использования и набор используемых услуг будут отличаться. Иными словами, неравенство в доступе к новым технологиям и их использовании даже при наличии у человека необходимых знаний и навыков продолжает в значительной степени определяться его материальными возможностями.

Глобальные технические изменения, на которые Украина сегодня еще способна реагировать, выдвигают на первый

план возможность страны предлагать нестандартные решения. Если в рассматриваемый нами период времени основным барьером для широкого и быстрого распространения современных ИКТ было не образование, а малообеспеченность большинства населения, то в будущем вероятен сценарий, по которому страна не сможет воспринимать инновации из-за низкого уровня образования своих граждан. В условиях сворачивания производства, которое еще не восстановилось в дореформенных размерах, отсутствия средств на его оснащение молодым специалистам, даже если они получили высшее образование, просто негде приобрести практический опыт. Более того, стимулы получения технического образования при массовой безработице и низкой оплате в случае устройства на работу по полученной специальности будут оставаться недействительными.

Неустойчивое материальное положение, отсутствие гарантий занятости и государственной защиты от снижения уровня жизни объясняют высокую долю (63,8%) респондентов, признающих, что им не хватает уверенности в собственном будущем. Тех, кому такой уверенности хватает, среди опрошенных оказалось в 5 раз меньше – 11,8%. Даже в подгруппе опрошенных представителей семей с доходами выше двукратного размера прожиточного минимума процент неуверенных в своем будущем респондентов достигал половины (50,8%), а, наоборот, уверенных в нем – составлял лишь пятую часть (19,9%). Среди респондентов со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума это соотношение составляло 69,4% и 8,5% соответственно.

В опросах постоянно фиксируется высокая группа респондентов, которые, несмотря на кризисы и жизненные неурядицы, продолжают верить и надеяться на лучшее. Но мы не должны подменять присущим человеку жизненным оптимизмом его неуверенность в будущем. Большинству респондентов, как это следует из их ответов, не хватает уверенности в будущем и это наиболее четко выражено в малообеспеченных подгруппах. Неуверенность сравнительно обеспеченных респондентов можно считать двухступенчатой. Это такая же неуверенность, как у малообеспеченных,

в том, что удастся сохранить благосостояние хотя бы на достигнутом уровне, и неуверенность в том, что удастся избежать участи малообеспеченных. В условиях отсутствия государственной социальной поддержки оказаться без индивидуально обеспечиваемых средств означает попасть в условия хронического неблагополучия.

Разразившийся глобальный финансово-экономический кризис повлек за собой обвальное снижение производства в Украине. По данным представленного летом 2010 г. Всемирным Банком доклада «Global Economic Prospects Summer 2010» [*Global Economic, 2010*], снижение ВВП Украины в рыночных ценах (-15%) в 2009 г. было одним из самых значительных в Европе. Как результат влияния нынешнего экономического кризиса, в начале 2010 г. половина (51,3%) всех опрошенных отмечали, что в их семьях произошло сокращение потребления продуктов питания и 64,8% респондентов – сокращение покупок одежды, обуви, других вещей. Также более половины (58,8%) опрошенных отмечали, что за предшествующие опросу 12 месяцев материальное положение их семей ухудшилось. Его улучшение отмечал только один из двадцати (5,5%) опрошиваемых и треть (35,4%) респондентов отмечали, что оно осталось таким же, как и было раньше.

По самым оптимистическим прогнозам, в ближайшие годы возобновится рост мировой экономики и улучшится положение во всех странах. Однако даже если эти прогнозы станут реальностью, социальная ситуация начнет улучшаться еще не скоро. Но более вероятно иное развитие событий. На фоне возможного незначительного улучшения глобального экономического положения и невысоких темпов экономического роста мир будет переживать перманентный экономический кризис и вызванные им социальные потрясения. Основная причина данного кризиса, равного которому, по мнению многих международных экспертов, мир еще не знал и конца которого еще не видно, лежит в современной глобальной системе производства и накопления. Сегодня не действуют механизмы перераспределения ни в отдельных странах, ни в мире в целом. На фоне массовой

безработицы и снижения уровня жизни как в бедных, так и в богатых странах не разрабатываются действенные программы помощи простым гражданам, в то время как основные средства направляются на поддержание банковского сектора, в котором аккумулируются кризисные явления.

Вызывает недоумение, что респонденты при ответе на вопрос о размере дохода, соответствующего, по их мнению, прожиточному минимуму, называли невысокие цифры. Так, каждый седьмой опрошенный (14,7%) считал, что прожиточному минимуму сегодня соответствует доход ниже официально установленного его размера. Почти половина (47,4%) респондентов называли сумму, которая попадала в диапазон 1–2 официально установленных прожиточных минимума. Размер дохода, который двукратно превышал бы официально установленный прожиточный минимум, но не выходил за его пятикратное значение, называли 31,1% всех опрошенных.

Прослеживается взаимосвязь между размером наличных доходов и притязаниями респондентов. Так, сумму ниже официально установленного прожиточного минимума в качестве такового считали достаточным 18,2% представителей семей с доходом ниже прожиточного минимума, 12,7% опрошенных представителей домохозяйств, в которых среднедушевой доход колебался в пределах 1–2 официальных прожиточных минимума, и 8,6% респондентов из семей с доходом выше двукратного размера указанного социального стандарта. Доход от 1 до 2 официально установленных прожиточных минимума рассматривали в качестве достаточного для данного социального стандарта в выделенных подгруппах 58%, 41,8% и 32,6% респондентов соответственно. И наоборот, сравнительно высокий доход в качестве прожиточного минимума, который колебался от 3 до 5 значений его официально установленного размера, в этих подгруппах называли 21%, 41,5% и 50,2% респондентов соответственно.

Долгосрочное пребывание в нищете или в малообеспеченности влечет за собой изменения в сторону сокращения притязаний человека. Иными словами, недостаток жизнен-

ных средств ведет не к росту претензий, компенсирующих их недостаток, а к отказу от удовлетворения части потребностей, к их деградации. В долгосрочной перспективе такие явления закрепляются и становятся новыми стандартами. Также человек может оставаться безучастным к снижению уровня жизни, если таковое продолжается длительное время, хотя на начальном этапе может активно протестовать против ухудшения условий жизни.

Данные опросов показывают нам, что существующие сегодня в Украине социальные стандарты, в частности прожиточный минимум, не обеспечивают человеку всестороннее удовлетворение потребностей. Но в то же время даже незначительное увеличение доходов граждан ведет к улучшению потребления. Это говорит о той сложной ситуации, когда официальные социальные стандарты являются невысокими, а достигнутый реальный уровень жизни низкий и не отвечает этим стандартам. Следует также сказать и о социальной цене обеспечения человеком своего благосостояния. Это и отказ от работы по специальности, и отказ от постоянного повышения своей квалификации, которые при благоприятных условиях развивают личность и делают работника конкурентоспособным на рынке труда. Отказ вынужденный, с осознанием того, что иного варианта для выживания нет.

Материальное положение преобладающей части населения Украины, как показывают результаты его анализа, значительно снизилось за годы неolibеральных экономических реформ и не сегодняшний день не обеспечивает всестороннего развития человека. Повышение качества жизни в Украине, о котором сегодня можно говорить в вероятностной форме, будет зависеть от способности страны преодолеть негативные тенденции в области благосостояния. Для этого необходима выработка государственной политики обеспечения экономического роста при условии справедливого распределения его результатов и приоритетного финансирования социальной сферы.

3.2. Качество трудовой жизни граждан Украины и изменение его детерминант

Одной из составляющих качества жизни является качество трудовой жизни – совокупность материальных, технологических, информационных, статусных, поведенческих и культурных свойств трудовой сферы жизнедеятельности индивида, составляющих ее сущностную определенность и различающихся по степени проявления в социальном пространстве и времени. Отечественные социологи исследуют различные аспекты проблематики качества трудовой жизни. В частности, Л.Хижняк анализировала эволюцию научных и международных правовых взглядов относительно качества трудовой жизни, его состояние и перспективы в постсоветских странах, влияния на него социетальных и глобальных процессов экономических преобразований [*Якість життя, 2008: с. 84–136*]. Исходя из этих наработок, необходимо эмпирически исследовать особенности дифференциации и детерминации качества трудовой жизни граждан в украинском обществе за последние годы.

В Украине на качество трудовой жизни ее граждан отразилась реструктуризация социально-экономической среды в ходе коренных общественных преобразований 1990–2000-х гг. Реинституционализация частной собственности, частного предпринимательства и свободного рынка рабочей силы существенно изменила институциональную архитектуру экономики и структуру занятости населения [*Резнік, 2010: с. 396–406*]. Эти изменения, в свою очередь, обусловили изменения качественной неоднородности трудовой жизни. В то же время на качество трудовой жизни украинских граждан неизбежно влияли глобальные социально-экономические тенденции. Среди последних – генезис исторически новой, информационной разновидности капитализма, проявлением которой М.Кастельс считает структурную реорганизацию производственных отношений на принципах ин-

формационной экономики: «...Ключевые виды деятельности во всех сферах человеческой практики основываются на информационных технологиях и глобально организованы в информационные сети и сосредоточены вокруг обработки информации (символов)» [*Кастельс, Химанен, 2006: с. 1*].

Технологической основой новейшей экономики определены микроэлектроника и телекоммуникации, что технически делает возможной глобальность сетей производства, менеджмента и дистрибуции. Главными источниками производительности служат инновации, а главными материалами новейших производственных процессов — знания и информация. Социотехнические преобразования мировой экономической системы охватывают процессы производства, распределения, обмена и потребления, модификации капитала и труда. Соответственно, новое качество труда и трудовой жизни работников в значительной мере определяется надлежащим уровнем образования, а новые, важнейшие производители информационной экономики идентифицируются как производители новых знаний и обработчики информации.

Впрочем, существенные социальные преобразования производственных отношений не лишили их капиталистической природы, но она проявляется особым образом. Несмотря на глобальность, информационная экономическая система действует избирательно: перспективные в информационно-производственном, научном, технологическом и экономическом отношении регионы, страны и континенты она привлекает, а остальные изымает или игнорирует: «Глобальная тенденция информационной экономики — подключать к своей сети тех участников, которые являются для нее ценными (и дополнительно увеличивать их стоимость), но исключать бесполезных участников (и, таким образом, ослаблять для них шанс приобрести какую-либо дополнительную стоимость). Это приводит к увеличению социальной несправедливости в форме неравномерности доходов, поляризации и бедности» [*Кастельс, Химанен, 2006: с. 7*].

Способность каждой группы, организации, учреждения, общества или региона работать в рамках новой экономики

определяет их качество трудовой жизни, благополучие и перспективы. Вместе с тем неспособность найти собственное место в глобальных сетях равнозначно неспособности изменить свою судьбу. Это прежде всего касается непосредственно работников. В частности, структурным последствием развития информационного капитализма является углубление социального расслоения рабочей силы на самопрограммированную рабочую силу и общую рабочую силу. По поводу самопрограммированной рабочей силы Кастельс отмечает: «Такая рабочая сила должна быть высокообразованной и инициативной. Компании, большие или малые, зависят от качества и автономности работников. Качество измеряется не только годами, потраченными на образование, но и типом образования. Работник в Интернет-экономике должен быть способным сам себя репрограммировать относительно навыков, знаний и образа мышления, которые определяются изменениями задач в постоянно развивающейся бизнес-среде. Кадры, способные к самопрограммированию, требуют особого типа образования, в котором запас знаний и информации, накопленный в памяти работника, может увеличиваться и видоизменяться в течение его трудовой жизни. Это имеет чрезвычайные последствия для требований, предъявляемых к системе образования, как во время базового обучения, так и при постоянной переподготовке и повышении квалификации, которые длятся всю взрослую жизнь» [Кастельс, 2007: с. 90–91].

При этом речь также идет и об Интернет-обучении, в ходе которого работники должны прежде всего «научиться учиться» в условиях ускорения изменения и старения информации. Это обусловлено необходимостью «иметь возможность преобразовывать информацию, полученную в процессе обучения, в конкретное знание» в режиме он-лайн. Среди признаков самопрограммированной рабочей силы не только сложные навыки в области ИТ и аналитической обработки информации (символов), но и организованность в виде информационной сети. Через сеть работники собираются вокруг работодателя и привлекаются им к работе на условиях временной и частичной занятости, самозанятости

в рамках определенных рабочих проектов. Вследствие технических возможностей работы он-лайн распространяется гибкая модель занятости, признаками которой также являются субподряды, консалтинг, неофициальность трудовой деятельности. Кастельс констатирует «историческое возрождение автономии работников после бюрократизации индустриальной эпохи» [Кастельс, 2007: с. 92]. Вместе с тем оценка положения общей рабочей силы кардинально отличается от прежних критериев ее оценки: «Общая рабочая сила представлена теми работниками, которые не имеют специальных навыков или особой способности приобретать навыки в процессе производства, отличающиеся от являющихся необходимыми для выполнения указаний руководства. Общую рабочую силу можно заменить машинами или общей рабочей силой везде в мире, а точное совмещение машин, количества работников на месте и количества удаленных работников зависит от предыдущих коммерческих расчетов. Разумеется, принадлежность к общей рабочей силе не зависит от личных качеств человека. Это результат недостаточных социальных и личных инвестиций в интеллектуальный капитал этого отдельного индивидуума» [Кастельс, 2007: с. 94].

По своей производственной значимости носитель общей рабочей силы в условиях информационного капитализма приравнен к машинам. Такой работник не может быть успешным самостоятельно, поскольку полностью зависим от носителя самопрограммированной рабочей силы и своего работодателя. Следовательно, образование, благодаря которому приобретает способность постоянно менять необходимые навыки для решения текущих профессиональных задач и обращаться к источникам для овладения такими навыками, фрагментирует совокупность носителей рабочей силы на информационных производителей и переменных низкоквалифицированных работников.

Исходя из изложенных теоретических предпосылок, необходимо эмпирически верифицировать гипотетические предположения о влиянии рыночной реструктуризации украинской экономики и глобальной информатизации на состояние и дифференциацию качества трудовой жизни

граждан Украины. Для этого прежде всего необходимо определиться с теоретическими основаниями эмпирической операционализации концепта «качество трудовой жизни». Поскольку качество трудовой жизни связано со структурными характеристиками труда, уместно рассмотреть концептуальную модель структуры труда, которой пользовались в своих исследованиях М.Кон и его сотрудники. Одним из критериев структурирования в ней является то, с чем приходится работать работникам – информация, вещи и люди [Соціальні структури та особистість, 2007: с. 476–480]. Под информацией понимаются данные, знания, понятия, идеи, устные высказывания, числа, слова и символы, полученные в результате наблюдения, исследования, интерпретации, визуализации, умственного продуцирования. Работа с информацией предполагает чтение инструкций, сравнение, копирование, расчеты, компиляцию, анализ, координацию, синтезирование. Под вещами понимаются материальные неодушевленные предметы, отличные от человеческих существ, субстанции или материалы, механизмы, орудия, снаряжение и продукты с присущими им объемом, формой и другими физическими характеристиками. Работа с вещами сводится к оперированию, загрузке-выгрузке, надзору, манипулированию, вождению-управлению, управлению-контролю, прецизионной работе и наладке. Под людьми понимаются человеческие существа, а также подразумеваются и животные, с которыми работают индивидуально как с людьми. Работа с людьми предполагает обслуживание, получение инструкций-содействие, речь-оповещение, убеждение, размышление, надзор, инструктирование, ведение переговоров, наставление. По общей сложности работа дифференцирована на рутинный труд, труд с минимальным мышлением, применение практических и технических знаний, решение проблем с непредсказуемыми параметрами, комплексное решение задач с помощью интуиции и рассуждений, продуцирование сложных систем анализа/синтеза.

Кроме содержательной сложности труда ее важными характеристиками являются: 1) плотность надзора, то есть объем свободы, предоставляемой работнику его непосредст-

венным руководителем, а также способ осуществления последним надзорного контроля; 2) рутинность или сложность организации труда, т.е. степень повторяемости/разнообразия и предсказуемости/непредсказуемости выполняемых задач и применяемых подходов, их структурированности [*Соціальні структури та особистість, 2007: с. 58–59, 78*]. В совокупности содержательная сложность труда, плотность надзора и рутинность рассматриваются М. Коном и его коллегами как условия профессиональной самостоятельности, способствующие или препятствующие применению в работе инициативы, мышления и независимых суждений. Содержательное усложнение и ослабление рутинности труда расширяет, а уплотнение надзора соответственно ограничивает профессиональную самостоятельность, то есть применимость инициативы, самостоятельность мышления и независимость решений.

Среди других характеристик труда исследователи также рассматривают: 1) позицию работника в организационной структуре: а) наличие или отсутствие у него прав собственности на предприятие, б) степень бюрократизации фирмы/организации (выразительность и разветвленность подразделения труда, число формальных уровней подчиненности и руководства); в) место в должностной иерархии контроля; 2) давление работы: а) частоту давления времени (темп работы), б) тяжесть труда, в) грязность работы; 3) неопределенности в работе, касающиеся возможности потенциально угрожающих изменений в существующей ситуации труда: а) вероятность внезапных и драматических изменений дохода, репутации или позиции, б) частоту ответственности за неподконтрольные вещи, в) риск потерять работу или бизнес; 4) другие аспекты: уровень конкуренции, гарантии занятости, размер и управленческую структуру фирмы или организации, продолжительность работы (количество рабочих часов в неделю), доход от работы [*Соціальні структури та особистість, 2007: с. 63–64, 78, 79–80, 159–162*]. Принадлежность к категории владельцев, бюрократизация фирмы и повышение позиции в должностной иерархии конт-

роля содержательно усложняют труд, облегчают его физически, ослабляют его рутинность и плотность внешнего надзора. В целом приведенную модель структуры труда, его предметных, технологических, функциональных, социальных и других характеристик, многократно верифицированную М.Коном и его сотрудниками в ходе многолетних кросс-секционных и лонгитюдных исследований в США, а также кросскультурных исследований, можно рассматривать как концептуальный образец при операционализации качества трудовой жизни.

Исходя из этих теретических предпосылок, концепт качества трудовой жизни операционализирован посредством первичных показателей*, которые непосредственно фиксируют отдельные ее наблюдаемые внешне проявления дифференцированности в социально-экономической среде. Эти показатели очерчивают «пространство свойств» (по П.Лазарсфельду) исследуемого феномена, достижимых для непосредственного наблюдения и анализа. Для обеспечения порядкового уровня измерения и сопоставления шкалы первичных показателей были преобразованы так, чтобы фиксировать значение каждой отдельной характеристики качества трудовой жизни по мере их роста.

Три первичных показателя — «Контроль со стороны работодателя», «Самостоятельность определение задач и работ» и «Свободный график работы» — количественно отражают разные аспекты трудовой самостоятельности опрашиваемых (таблица 3.7).

* Показатели общенационального опроса, проведенного в марте-апреле 2010 г. в ходе осуществления социологического мониторинга Института социологии НАН (руководитель проекта — В.Ворона, автор программы проекта — Н.Панина). Методом самозаполнения анкет опрошено 1800 человек. Выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени, пропорционально репрезентирует взрослое (старше 18 лет) население 24 областей Украины, АР Крым и г. Киева (авторы выборки — Н.Панина и Н.Чурилов).

Таблица 3.7

**Контроль со стороны работодателя, самостоятельность
определения задач и работ и свободный график работы (%)**

<i>В таблице ниже приведен ряд утверждений по поводу работы. Насколько эти утверждения соответствуют Вашей ситуации на нынешнем месте работы (на последнем месте работы)?</i>	<i>N = 1800</i>
Мой руководитель (работодатель) контролирует качество и скорость моей работы в течение дня	
Полностью соответствует моей ситуации на работе	25,3
Скорее соответствует	34,5
Трудно сказать	7,1
Скорее не соответствует	16,3
Абсолютно не соответствует моей ситуации на работе	16,7
Я самостоятельно определяю конкретные задания и виды работ, которые я выполняю в течение дня	
Абсолютно не соответствует моей ситуации на работе	44,9
Скорее не соответствует	20,0
Трудно сказать	5,4
Скорее соответствует	19,2
Полностью соответствует моей ситуации на работе	10,6
Я самостоятельно решаю (официально или неофициально) когда приходить и уходить с работы	
Абсолютно не соответствует моей ситуации на работе	61,7
Скорее не соответствует	19,0
Трудно сказать	5,1
Скорее соответствует	7,0
Полностью соответствует моей ситуации на работе	7,3

Показатель «Контроль со стороны работодателя» фиксирует наличие надзора руководителя (работодателя) за качеством и скоростью работы подчиненного работника в целях обеспечения ожидаемой производительности труда и нормы выработки последнего. Опосредственно этот показатель отражает: а) степень свободы работника; б) содержание и сложность выполняемой им работы: чем содержательнее и сложнее работа, тем меньше поддаются контролю ее ход и текущее качество, промежуточные результаты и т.д.; в) степень доверия в производственных отношениях, отно-

шениях руководства-подчинения. Вместе с тем параметр «Самостоятельность определение задач и работ» фиксирует меру возможностей самостоятельного определения конкретных задач и видов работ, которые опрашиваемый выполняет в течение рабочего дня. Здесь непрямо измеряется текущая производственная самостоятельность работника, определяющая оптимальное (с точки зрения его интересов) приложение им трудовых усилий к предмету труда. Одновременно графа «Свободный график работы» указывает меру возможности опрашиваемого самостоятельно официально или неофициально решать, когда ему приходится на работу (появляться на рабочем месте) и уходить с нее, то есть покидать рабочее место. В этом случае показатель опосредованно отражает степень регламентированности распорядка трудового дня или рабочего времени работника, то есть его трудовую свободу. Между всеми этими тремя факторами наличествуют значимые корреляции в пределах от 0,2 до 0,6 (коэффициент Kendall's tau b). Исходя из предполагаемой взаимосвязи явлений, измеряемых этими тремя показателями, а также из сопоставимости 5-бальных порядковых шкал последних, на их основе создан агрегированный показатель «Трудовая самостоятельность». Он являет собой аддитивный индекс, образованный сочетанием значений упомянутых показателей и делением их суммы на 3 (вариация значений индекса – от 1 до 5, $M = 2,247$, $S = 1,058$, $N = 1695$).

Первичный показатель «Санкционированное влияние на принятие решений» фиксирует меру санкционирования руководством влияния опрашиваемого на принятие решений относительно деятельности предприятия/организации, в которой он работает (см. табл. 3.8).

Этот показатель измеряет степень санкционированного соучастия респондентов в менеджменте, а именно, в планировании, организации, координации и контроле производственной деятельности предприятия (учреждения), где они работают. Такое соучастие может исходить из собственно должностных обязанностей управленца, высокой квалификации специалиста-эксперта или положения совладельца-акционера предприятия. То есть речь идет об определенной

Таблица 3.8

Санкционированное влияние на принятие решений (%)

<i>Скажите, пожалуйста, насколько Ваше руководство позволяет (позволяло) Вам влиять на принятие решений о деятельности предприятия/организации, в которой Вы работаете?</i>	<i>N = 1800</i>
0 – У меня нет/не было на это никакого влияния	52,3
1	6,4
2	3,7
3	4,3
4	3,1
5 – Трудно сказать	15,9
6	1,8
7	2,5
8	1,9
9	1,2
10 – Это полностью зависит/зависело от меня	6,9

власти, которая может основываться на административном ресурсе, компетентности или экономическом капитале. В любом случае эта власть как возможность осуществлять свою волю в трудовых отношениях с другими независимо от их воли – орудие воплощения трудовых интересов личности, другими словами, ее направленности на объекты, значимые для нее в плане удовлетворения ее трудовых потребностей.

Аналогичную порядковую шкалу имеет первичный показатель «Санкционированная самоорганизация повседневной работы», фиксирующий меру санкционированных руководством возможностей опрашиваемых самостоятельно решать, как организовать свою повседневную работу (см. табл. 3.9).

Здесь измеряется мера фактического делегирования руководством предприятия (организации) своим подчиненным полномочий самостоятельно организовывать, согласовывать, устанавливать последовательность собственных действий в структуре повседневной трудовой деятельности, а также, вероятно, определять ее цели, средства и ожидаемые результаты. Степень полноты указанных полномочий тоже отра-

Таблица 3.9
Санкционированная самоорганизация повседневной работы (%)

<i>Скажите, пожалуйста, насколько Ваше руководство позволяет (позволяло) Вам самостоятельно решать, как организовать свою повседневную работу?</i>	<i>N = 1800</i>
0 – У меня нет/не было на это никакого влияния	39,8
1	4,6
2	3,8
3	4,4
4	3,8
5 – Трудно сказать	16,9
6	2,6
7	3,6
8	2,7
9	2,1
10 – Это полностью зависит/зависело от меня	15,7

жает меру качества трудовой жизни опрашиваемого в плане его возможностей работать согласно своим желаниям, потребностям, интересам, целям, своему текущему настроению и самочувствию. Этот показатель (таблица 3.9) значительно коррелирует с показателем «Санкционированное влияние на принятие решений» (см. табл. 3.8): коэффициент Kendall's tau b равен 0,6. На основании предполагаемой взаимосвязи явлений, измеряемых этими двумя показателями, а также идентичности 11-бальных порядковых шкал последних, они агрегированы в общий показатель «Организационные полномочия». Последний является аддитивным индексом, образованным сочетанием значений двух упомянутых первичных показателей и делением их суммы на 2 (вариация значений индекса – от 0 до 11, M = 3,022, S = 3,176, N = 1693).

Первичный показатель «Квалификационный уровень работы» фиксирует требования текущего рабочего места опрашиваемого относительно вида и степени профессиональной подготовленности и обученности, необходимых для выполнения им соответствующей работы (см. табл. 3.10).

Таблица 3.10

Квалификационный уровень работы (%)

Какая подготовка / квалификация необходима для выполнения Вашей работы?	N = 1800
Никакая или очень небольшая	26,4
Несколько недель/месяцев обучения	24,9
Профессионально-техническое образование (ПТУ) или несколько лет опыта работы	15,7
Затрудняюсь ответить	6,9
Среднее специальное образование (техникум, колледж)	14,2
Базовое высшее образование (бакалавр)	3,5
Полное высшее образование (специалист, магистр), научная степень (кандидат наук, доктор наук)	8,5

Речь идет об измерении квалификационных требований относительно объема и сложности систематизированных профессиональных навыков, умений и знаний, приобретаемых опрашиваемым самостоятельно или в течении организованного обучения в соответствующих учебных заведениях. Собственно квалификационный уровень исполняемой работы определяет ее содержание и качество трудовой жизни работника в целом. Как правило, это влияние прямо пропорционально: чем выше квалификационный уровень исполняемой работы, тем выше качество трудовой жизни.

Осуществляемая работа также различается по интенсивности повышения квалификации работников. Первичный показатель «Интенсивность повышения квалификации» фиксирует количество случаев повышения квалификации опрашиваемым за счет его текущего или бывшего работодателя (см. табл. 3.11).

Этот показатель отражает такие особенности трудовой жизни, как: а) необходимость приспособляемости к быстро меняющимся производственным обстоятельствам, в частности, технологическим нововведениям, обновлению правовой и вообще нормативной базы, изменениям предметного поля деятельности (специализации); б) широкие

Таблица 3.11

Интенсивность повышения квалификации (%)

<i>Как часто Вы повышаете свою квалификацию (участвуете в тренингах, семинарах, конференциях, курсах повышения квалификации) за счет организации/предприятия, где Вы работаете (работали)?</i>	<i>N = 1800</i>
Ни одного раза	68,5
Один раз после устройства на работу	9,8
Раз в несколько лет	11,8
Один раз в год	5,9
2–3 раза в год	2,2
3–5 раз в год или больше	1,8

возможности для профессионального самосовершенствования и роста; в) сложность и важность выполняемой работы; г) качество производственных отношений между опрашиваемым и его работодателем, в частности, доверие последнего к работнику, признание его профессиональных и деловых качеств, готовность инвестировать в его рабочую силу.

Первичный показатель «Шансы карьерного продвижения» фиксирует самооценку опрашиваемым собственных перспектив карьерного роста (*таблица 3.12*).

Таблица 3.12

Шансы карьерного продвижения (%)

<i>Допустим, что Вы захотели продвинуться по карьерной лестнице. Как Вы считаете, какие у Вас шансы на продвижение на нынешнем месте работы?</i>	<i>N = 1800</i>
Никаких шансов	44,9
Низкие шансы	26,5
Пятьдесят на пятьдесят	23,2
Высокие шансы	4,3
Очень высокие	1,2

С помощью данной шкалы измеряются перспективы карьеры работника — его восходящего продвижения по «лестнице» профессиональной и должностной иерархии, удостоверяющего его личную успешность и плодотворность в производственной, служебной или иной профессиональной деятельности. По мере повышения профессионального и должностного статуса растет материальное вознаграждение, улучшаются условия труда, увеличиваются возможности творческого самовыражения и самореализации в труде, ведь увеличивается объем лично контролируемых производственных ресурсов (материальных, временных, технологических, человеческих и др.), что делает возможным воплощение собственных идей, замыслов и амбиций. Благодаря успешной карьере трудовая деятельность содержательно становится более свободной, а значимость самого работника, его компетенция и в конечном итоге — качество его трудовой жизни и качество жизни в целом растет.

Поиск структуры в пределах пространства непосредственно наблюдаемых первичных и агрегированных признаков качества трудовой жизни осуществлен при помощи факторного анализа. Вследствие анализа этих непосредственно наблюдаемых первичных признаков выделены факторы, соответствующие непосредственно ненаблюдаемым структурным составляющим качества трудовой жизни. Извлечение факторов осуществлено методом анализа главных компонент и вращением их методом Varimax с нормализацией Кайзера. Извлечены и подвергнуты вращению два фактора с собственными значениями, превышающими единицу (см. табл. 3.13).

Объясненная ими совокупная дисперсия составляет 68,2%. По критерию структурной выразительности эта 2-факторная модель более предпочтительна по сравнению с другими моделями, полученными целенаправленным извлечением и вращением иного количества факторов.

Первый фактор (доля дисперсии — 47,6%) сильно скоррелирован с тремя исходными первичными переменными. В первую очередь это переменная интенсивности повышения квалификации, которая в современных условиях ускоряющегося глобального технологического обновления за-

Таблица 3.13

**Структура качества трудовой жизни
(матрица факторных нагрузок после вращения)***

Исходные переменные	Факторы	
	1	2
Интенсивность повышения квалификации	0,815	0,033
Шансы карьерного продвижения	0,732	0,183
Квалификационный уровень работы	0,702	0,278
Трудовая самостоятельность	0,074	0,905
Организационные полномочия	0,297	0,831

*Вращение осуществлено за 3 итерации.

частую приобретает характер квалификационного «репрограммирования» (термин М.Кастельса). Квалификационный уровень выполняемой или перспективной работы требует повышения квалификации (квалификационного репрограммирования), которая определяет шансы карьерного продвижения. Учитывая такие содержательные особенности структуры первого фактора, его смысл можно охарактеризовать выражением «Репрограммирование».

Второй фактор (доля дисперсии – 20,6%) выделяется весьма сильными корреляциями с исходными агрегированными переменными, являющимися показателями мер трудовой самостоятельности и организационных полномочий, причем в числе последних – санкционированная самоорганизация повседневной работы (см. табл. 3.9). По существу, этот фактор сильно коррелирует с признаками гибкой модели занятости или «автономии работников» (выражение М.Кастельса). Соответственно, второй фактор можно определить как «Автономность».

В целом итоги факторного анализа не являются концептуально противоречивыми. Концепт качества трудовой жизни разложен на две определяемые структурные составляющие. Эта 2-факторная модель структуры является измерительным инструментом, с помощью которого можно анализировать качество трудовой жизни граждан Украины, выделяя ее два измерения:

1) «Репрограммирование» работника в трудовой среде, т.е. мера его приспособляемости к технологическим и квалификационным требованиям в ней, определяющая его карьерные перспективы;

2) «Автономность» работника в трудовой среде, т.е. степень его производственного обособления, самостоятельности и самоорганизации.

Факторный анализ показал наличие латентных детерминант качества трудовой жизни. Идентифицировать эти детерминанты, а также более содержательно интерпретировать концептуальную модель структуры и составляющих качества трудовой жизни, соответствующую извлеченным факторам, можно с помощью регрессионного анализа. При осуществлении последнего составляющие качества трудовой жизни заданы как зависимые переменные в уравнениях множественной линейной регрессии. Одновременно в качестве независимых переменных (т.е. возможных явных детерминант, обуславливающих изменение составляющих качества трудовой жизни) выступают показатели:

1) структурной локализации опрошенных в социальной среде:

а) «Возраст»: измерен как количество полных лет жизни (вариация значений переменной от 18 до 94 лет, $M = 45,8$, $S = 17,0$, $N = 1800$);

б) «Образование»: с возможными вариантами ответа «1 – начальное, неполное среднее, 2 – среднее общее, 3 – среднее специальное (техникум, училище, колледж), 4 – первая степень высшего образования (бакалавр), 5 – полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень)»;

2) структурной локализации опрошенных в экономической среде:

а) «Умственный труд»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто определил тип собственной занятости (работы) в момент опроса как профессиональный политик, руководящий работник госаппарата, руководитель (заместитель руководителя) пред-

приятия, учреждения, сельхозпредприятия, служащий госаппарата (должностное лицо), специалист технического профиля (с высшим или средним специальным образованием), специалист в области науки, культуры, здравоохранения, образования, дошкольного воспитания (с высшим или средним специальным образованием), работник правоохранительных органов, военнослужащий, предприниматель в крупном или среднем бизнесе, человек, занимающийся мелким бизнесом, индивидуальным предпринимательством, служащий из числа вспомогательного персонала, фермер и т.д., и значение 0 – для остальных опрошенных;

б) «Физический труд»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил тип собственной занятости (работы) в момент опроса как квалифицированный рабочий, разнорабочий, подсобный рабочий, работник сельхозпредприятия, и значение 0 – для остальных опрошенных;

в) «Дефицитность профессии»: измеряемая на основании вопроса «В таблице ниже приведен ряд утверждений по поводу работы. Насколько эти утверждения соответствуют Вашей ситуации на нынешнем месте работы (на последнем месте работы)? Если я решу уволиться с работы, мой руководитель (работодатель) сможет легко найти человека с моим уровнем квалификации и профессиональных навыков (Напротив каждого из утверждений обведите один ответ)» с возможными вариантами ответа «1 – полностью соответствует моей ситуации на работе, 2 – скорее соответствует, 3 – трудно сказать, 4 – скорее не соответствует, 5 – абсолютно не соответствует моей ситуации на работе»;

г) «Частный сектор экономики»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил, что работает в частном секторе экономики или одновременно в ее государственном и частном секторах, и значение 0 – для остальных опрошенных;

д) «Руководящая функция»: зафиксирована на основании вопроса «На Вашей основной работе, приходится (приходилось) ли Вам руководить сотрудниками и отвечать за

их работу?» с возможными вариантами ответа «1 – нет, 2 – трудно сказать, 3 – да»;

е) «Предприниматели»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил свой статус занятости на работе как работодатель (владелец, использующий наемный труд других) или самозанятый (индивидуальная трудовая деятельность, представитель свободной профессии), и значение 0 – для остальных опрошенных;

3) вознаграждения за труд:

а) «Месячный доход»: фиксирует денежную сумму в гривнах, полученную респондентом в качестве зарплаты, стипендии, пенсии в течении месяца;

б) «Оплата сверхурочного труда»: измеряемая на основании вопроса «Получаете (получали) ли Вы дополнительную оплату за работу в нерабочее (сверхнормированное) время?» с возможными вариантами ответа «1 – да, 0 – нет»;

в) «Процент от прибыли»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил, что его работа оплачивается (оплачивалась) получением процента от прибыли, и значение 0 – для остальных опрошенных;

г) «Надбавка к зарплате за стаж работы»: дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил, что на его нынешней работе (на его последней работе) существует шкала повышения заработной платы в зависимости от стажа работы, и значение 0 – для остальных опрошенных;

д) «Корпоративные привилегии»: аддитивный индекс, образованный сочетанием значений семи фиктивных дихотомических переменных и делением полученной суммы на 7 (вариация значений индекса – от 0 до 0,86, $M = 0,180$, $S = 0,157$, $N = 1800$). Каждая из этих семи исходных фиктивных дихотомических переменных принимает значение 1 для тех, кто отметил, что организация/предприятие, где он работает (работал), обеспечивает (обеспечивала) одну определенную социальную льготу (оплачиваемый больнич-

ный, оплачиваемый отпуск до 2-х недель, оплачиваемый отпуск от 2-х недель и больше, медицинская страховка за счет организации/предприятия, занятие спортом за счет организации/предприятия, бесплатные обеды для сотрудников, микро-кредиты), и значение 0 – для остальных опрошенных;

4) работы с источниками и средствами обработки информации:

а) «Изучение литературы по специальности»: фиктивная дихотомическая переменная, которая принимает значение 1 для тех, кто отметил, что в свободное от основной и домашней работы время хотя бы однажды за последние 7 дней (вместе с выходными) занимался изучением литературы по специальности, и значение 0 – для остальных опрошенных, которые не указали такого занятия;

б) «Пользование компьютером»: измеряемая на основании вопроса «Умеете ли Вы пользоваться компьютером?» с возможными вариантами ответа «1 – не умею и никогда не пользуюсь, 2 – умею работать на компьютере, иногда пользуюсь, 3 – умею и постоянно использую в работе»;

в) «Пользование Интернетом»: аддитивный индекс, образованный сочетанием значений трех фиктивных дихотомических переменных и делением полученной суммы на 3 (вариация значений индекса – от 0 до 1, $M = 0,100$, $S = 0,218$, $N = 1800$). Каждая из этих трех исходных фиктивных дихотомических переменных принимает значение 1 для тех, кто отметил, что использует Интернет с одной определенной целью (поиск информации для учебы или повышения квалификации, поиск информации, нужной для выполнения профессиональных обязанностей, посещение сайтов государственных и общественных структур), и значение 0 – для остальных опрошенных.

Меры обуславливания каждой составляющей качества трудовой жизни этими структурными, экономическими и поведенческими факторами определены с помощью использования модели множественной линейной регрессии (см. табл. 3.14 и 3.15).

Таблица 3.14

**Множественная линейная регрессия: зависимая переменная –
«Репрограммирование» (фактор 1)**

Независимые переменные	Коэффициенты B	Стандартная погрешность	Стандартизированные коэффициенты регрессии beta	t	Значимость
(Константа)	-1,452	0,117	-	-12,364	0,000
Возраст	-0,001	0,001	-0,017	-0,709	0,478
Образование	0,219	0,019	0,271	11,648	0,000
Умственный труд	0,229	0,061	0,099	3,759	0,000
Физический труд	0,047	0,056	0,020	0,843	0,399
Дефицитность профессии	-0,001	0,015	-0,002	-0,096	0,924
Частный сектор экономики	-0,122	0,052	-0,058	-2,351	0,019
Руководящая функция	0,146	0,026	0,119	5,686	0,000
Предприниматели	0,022	0,086	0,006	0,260	0,795
Месячный доход	3,04E-005*	0,000	0,033	1,452	0,147
Оплата сверхурочного труда	0,180	0,043	0,083	4,171	0,000
Процент от прибыли	-0,134	0,100	-0,027	-1,331	0,183
Надбавка к зарплате за стаж работы	0,425	0,048	0,184	8,822	0,000
Корпоративные привилегии	0,829	0,139	0,129	5,962	0,000
Изучение литературы по специальности	0,267	0,088	0,064	3,026	0,003
Пользование компьютером	0,214	0,039	0,157	5,500	0,000
Пользование Интернетом	0,364	0,116	0,079	3,127	0,002
R ² = 0,443	R ² Adjusted = 0,437	F – критерий Фишера: 75,478 при значимости 0,000			

*Здесь и далее в таблицах малые значения коэффициента регрессии B приведены в E-формате, свойственном среде языка программирования Фортран (Fortran) и окнам вывода результатов расчетов SPSS.

Таблица 3.15

Множественная линейная регрессия: зависимая переменная –
«Автономность» (фактор 2)

Независимые переменные	Коэффициенты В	Стандартная погрешность	Стандартизированные коэффициенты регрессии beta	t	Значимость
(Константа)	-1,161	0,123	-	-9,418	0,000
Возраст	0,004	0,002	0,073	2,815	0,005
Образование	0,053	0,020	0,066	2,682	0,007
Умственный труд	0,142	0,064	0,062	2,218	0,027
Физический труд	-0,226	0,058	-0,099	-3,867	0,000
Дефицитность профессии	0,160	0,016	0,214	9,886	0,000
Частный сектор экономики	0,125	0,055	0,060	2,293	0,022
Руководящая функция	0,222	0,027	0,182	8,252	0,000
Предприниматели	0,919	0,090	0,240	10,233	0,000
Месячный доход	6,52E-005*	0,000	0,071	2,966	0,003
Оплата сверхурочного труда	-0,108	0,045	-0,050	-2,376	0,018
Процент от прибыли	0,439	0,105	0,090	4,173	0,000
Надбавка к зарплате за стаж работы	-0,106	0,050	-0,046	-2,091	0,037
Корпоративные привилегии	-0,836	0,146	-0,131	-5,731	0,000
Изучение литературы по специальности	-0,033	0,092	-0,008	-0,354	0,724
Пользование компьютером	0,075	0,041	0,055	1,832	0,067
Пользование Интернетом	-0,057	0,122	-0,012	-0,464	0,642
R ² = 0,378	R ² Adjusted = 0,371	F – критерий Фишера: 57,654 при значимости 0,000			

*Здесь малое значение коэффициента регрессии В приведено в E-формате, свойственном среде языка программирования Фортран (Fortran) и окнам вывода результатов расчетов SPSS.

Таблица 3.16

Статистически значимые детерминанты составляющих качества трудовой жизни граждан Украины, "beta"
(стандартизированный коэффициент регрессии)

Группы независимых переменных	Составляющие качества трудовой жизни	
	«Репрограммирование» (фактор 1)	«Автономность» (фактор 2)
Структурная локализация опрошенных в социальной среде	Образование (0,271)	Возраст (0,073) Образование (0,066)
Структурная локализация опрошенных в экономической среде	Руководящая функция (0,119) Умственный труд (0,099) Частный сектор экономики (-0,058)	Предприниматели (0,240) Дефицитность профессии (0,214) Руководящая функция (0,182) Умственный труд (0,062) Частный сектор экономики (0,060) Физический труд (-0,099)
Вознаграждение за труд	Надбавка к зарплате за стаж работы (0,184) Корпоративные привилегии (0,129) Оплата сверхурочного труда (0,083)	Процент от прибыли (0,090) Месячный доход (0,071) Надбавка к зарплате за стаж работы (-0,046) Оплата сверхурочного труда (-0,050) Корпоративные привилегии (-0,131)
Работа с источниками и средствами обработки информации	Пользование компьютером (0,157) Пользование Интернетом (0,079) Изучение литературы по специальности (0,064)	
R ²	0,443	0,378
R ² Adjusted	0,437	0,371

Для наглядности и удобства интерпретации указанных мер (стандартизированный коэффициент регрессии “beta”) в сравнительном контексте* статистически значимые из них сведены в одну таблицу (см. табл. 3.16).

Первое уравнение регрессии в прогностическом смысле несколько сильнее по сравнению со вторым уравнением. Вариация «Репрограммирования» работника в трудовой среде зависит от вовлеченных в уравнение детерминант на 44% и на 56% – от других, неизвестных детерминант (невыясненных и неоперационализованных). Вариация «Автономности» во втором уравнении объясняется почти на 38%. Сравнительный контекст достаточно информативен и может быть корректно истолкован: 1) каждая составляющая качества трудовой жизни значимо обуславливается рядом детерминант, влияние которых на другую составляющую последней статистически незначимо; 2) отдельные детерминанты весомо, но по-разному влияют на обе составляющие указанного качества (на одну составляющую такое влияние является положительным, а на другую – отрицательным); 3) в случаях, когда составляющие качества трудовой жизни имеют общие детерминанты с положительным влиянием, мера этого влияния различна. В итоге исходные гипотетические предположения в основном подтвердились.

О влиянии рыночной реструктуризации украинской экономики на качество трудовой жизни граждан свидетельствуют особенности детерминации «Автономности» как составляющей последнего. Трудовая «Автономность» работников в наибольшей степени детерминирована их структурной локализацией в рамках социальной категории предпринимателей, дефицитностью их профессии на свободном рынке труда, а также выполнением ими руководящей функции преимущественно в частном секторе экономики. На ее повышение также влияет получение работниками процента от прибыли и рост их месячного дохода, то есть явления,

* Имеется в виду сравнение наличия и направленности значимого влияния детерминант в пределах двух уравнений. В то же время сравнение величины значений стандартизированных коэффициентов “beta” – исключительно в рамках отдельного уравнения.

преимущественно имеющие место в частном секторе экономики. Расширение личностной «Автономности» в социально-трудовой среде предопределяет возраст работника как предпосылка накопления им практического опыта, необходимого для успешной предпринимательской деятельности. Большинство упомянутых детерминант — принадлежность к социальной прослойке частных предпринимателей, свободный рынок труда, частный сектор экономики — являются следствием рыночных преобразований экономики Украины. Наличие корпоративных привилегий, оплаты сверхурочной работы и надбавки к зарплате за стаж работы негативно влияет на «Автономность» работников, поскольку ставит их в большую зависимость от работодателя. Ведь оплата сверхурочной работы предусматривает, как правило, строгий учет ее работодателем, то есть более плотный контроль с его стороны, вряд ли совместимый с «Автономностью» работников. Все эти виды вознаграждения за труд, негативно влияющие на трудовую «Автономность», характерны для государственного сектора экономики, в котором работодателем выступает государство.

Влияние глобальной информатизации на качество трудовой жизни украинских граждан проявилось в некоторых особенностях детерминации «Репрограммирования» как составляющей последнего. Квалификационное «Репрограммирование» работников в значительной мере детерминировано уровнем их образования, практиками пользования компьютером и Интернетом, изучением литературы по специальности в свободное от основной и домашней работы время. Поскольку современные информационные технологии имеют преимущественно зарубежное происхождение, вовлечение в пользование ими предопределено глобально, втягиванием Украины в глобальное социально-экономическое пространство. Одновременно детерминантами «Репрограммирования» являются надбавка к зарплате за стаж работы, корпоративные привилегии, оплата сверхурочного труда — явные признаки занятости работника преимущественно в государственном секторе экономики. Зато негативное влияние на указанную составляющую качества трудовой жизни осуществляет занятость в частном секторе

экономики. Вероятно частные работодатели в меньшей степени, чем государство как работодатель, склонны инвестировать часть своего капитала в трудовой, в частности, профессиональный, потенциал наемных работников и создавать им возможности квалификационного репрограммирования и карьерного роста. Важными предпосылками освоения работником указанных инвестиций и использования им указанных возможностей карьерного роста являются уже упомянутые практики пользования компьютером, Интернетом и изучение специальной литературы.

В целом структурная и экономико-структурная обусловленность качества трудовой жизни проявляется прежде всего занятостью работников преимущественно умственным и незанятостью физическим трудом, повышенным образовательным статусом, выполнением ими руководящей функции. В деталях эта обусловленность различна: «Автономность» работника как составляющая качества трудовой жизни имеет возможности для развития преимущественно в рамках частного сектора экономики и занятия предпринимательством, а квалификационному «Репрограммированию» работника более благоприятствует его занятость в государственном секторе экономики, который по мере осуществления приватизации государственной и коммунальной собственности сокращается.

Завершение приватизации малых и средних предприятий сузило возможности восходящей социальной мобильности и существенного повышения качества трудовой жизни и качества жизни в целом для новых поколений граждан Украины. Надежды на внезапное обогащение посредством обладания приватизированной собственностью в современных условиях уже не имеют под собой ресурсных оснований. При этом обстоятельстве большинству людей приходится полагаться лишь на собственные усилия как личностный ресурс социального роста. Отсутствие общественных предпосылок последнего и исчезновение надежд на воплощение жизненных притязаний в отношении приемлемого качества трудовой жизни и качества жизни в целом может обусловить массовую озабоченность проблемами социальной справедливости и справедливого перераспределения частной собственности. Для предотвращения угроз социальных про-

тивостояний государству и частным собственникам необходимо обеспечить не только трудовую занятость населения, но и перспективы роста качества трудовой жизни (и качества жизни в целом) предприимчивых, энергичных и одаренных сотрудников.

3.3. Состояние здоровья, питание и экологическая среда по самооценкам населения Украины

Взаимосвязь различных факторов развития человеческой жизни обусловлена многогранностью самой жизни, взаимозависимостью ее отдельных сторон. Поэтому системный социологический подход к анализу качества жизни, понимаемого как сложный, многокомпонентный конструкт, зависящий как от объективных факторов, и прежде всего, возможности удовлетворения человеческих потребностей в определенных социально-экономических условиях, так и от разнообразных субъективных факторов, представлений и оценок людей по поводу своей жизни, предполагает проведение относительно самостоятельного изучения состояния отдельных, наиболее важных, аспектов жизни людей. Мы сознательно рассматриваем здоровье, питание и экологические условия жизни в одном смысловом блоке, поскольку, с одной стороны, эти факторы человеческого благополучия, благосостояния общества в целом являются важнейшими составляющими качества жизни населения, а, с другой стороны, именно питание и экологические условия в значительной мере влияют на здоровье людей, а значит – и на их социальную и трудовую деятельность. По мнению специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье человека на 50% зависит от условий, образа жизни и питания, на 20% – от наследственности, на 20% – от состояния окружающей среды и на 10% – от системы здравоохранения [*Здоровый образ жизни, s.a.*]. Согласно определению ВОЗ, зафиксированному в уставе этой организации, «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [*Психическое здоровье, s.a.*]. Следовательно, оценки здоровья, давае-

мые населением, можно рассматривать как кумулятивные социальные индикаторы качества жизни общества в целом. При всей важности объективных статистических показателей полную картину социальной реальности невозможно представить без субъективных самооценок самих людей. Ведь как подчеркивал американский исследователь А.Кемпбел, качество жизни нужно увидеть глазами очевидца (субъекта).

Неудовлетворительное состояние здоровья наших сограждан сегодня признается на самом высоком государственном уровне. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Украине составляет 67,5 лет, что существенно меньше, чем в экономически развитых и социально благополучных европейских государствах [*Под председательством Президента ...*]. При этом если за последние 20 лет в мире и экономически благополучных регионах ожидаемая продолжительность жизни при рождении росла, то в Украине падала. В 2008 г. по сравнению с 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в мире в целом увеличилась с 64 до 68 лет, в т.ч. с 62 до 66 лет у мужчин и с 66 до 70 лет у женщин, в странах с высоким уровнем доходов — с 76 до 80 лет, в т.ч. с 72 до 77 лет у мужчин и с 79 до 83 лет у женщин, в Европейском регионе — с 72 до 75 лет, в т.ч. с 68 до 71 года у мужчин и с 75 до 79 лет у женщин. В Украине за это время ожидаемая продолжительность жизни упала с 70 до 68 лет, в т.ч. с 65 до 62 лет у мужчин и с 75 до 74 лет у женщин [*Мировая статистика, 2010*]. Средняя продолжительность жизни в Украине на 11 лет меньше, чем в странах Европы, и на 8 лет меньше, чем в соседней Польше [*Продолжительность жизни в Украине..., 2008*]. За годы независимости население нашей страны сократилось более чем на 6 млн. и на сегодняшний день составляет 45,7 млн. человек [*Population Reference Bureau*]. Исходя из существующих показателей рождаемости и смертности, эксперты Population Reference Bureau прогнозируют дальнейшее сокращение населения Украины до 41,7 млн. в 2025 г. и до 33,4 млн. — в 2050 г. [*Шантала, 2003*].

Распространенность ВИЧ-инфекции среди взрослого населения в возрасте 15–49 лет в Украине в 2007 г. достигла 1,6%, что является наихудшим показателем в Европе, где

средний уровень распространенности ВИЧ-инфекции составляет 0,5%, для сравнения, в России 1,1% [*Мировая статистика, 2010*]. Угрожающей сохраняется и ситуация с туберкулезом. Несмотря на медленное уменьшение показателей заболеваемости и смертности от туберкулеза в Украине, фиксируемое с 2006 г., они остаются на эпидемическом уровне. Около 86% больных туберкулезом составляют лица работоспособного и репродуктивного возраста. Украина отнесена к 27-ми странам мира, в которых сосредоточено 85% всего груза мультирезистентного туберкулеза, и занимает четвертое место в мире по его распространенности среди больных с новыми случаями туберкулеза [*Уровень заболеваемости, 2010*]. По данным мировой статистики здравоохранения в 2008 г. на Украину пришлось 13,9% всех зарегистрированных случаев туберкулеза в европейском регионе [*Мировая статистика, 2010*].

Неслучайно среди социальных фобий украинских граждан боязнь заражения туберкулезом, СПИДом и другими опасными для жизни инфекциями находится на третьем месте (37,3%) рядом с опасениями роста преступности (43,2%), остановки предприятий (43,2%) и голода (34,7%), после социальных фобий роста цен (84,2%), опасений безработицы (80,1%) и невыплаты зарплат и пенсий (73,8%)*.

О неблагоприятном положении в сфере охраны здоровья в Украине свидетельствуют не только показатели динамики заболеваемости населения (хотя по некоторым группам болезней Госкомстат Украины фиксирует определенное улучшение ситуации (*табл. 3.17*), но и состояние финансирования отрасли здравоохранения. В 1996 г. расходы на охрану здоровья составляли 4,1% от ВВП, в 1998 г. — 3,5% [*Шантала, 2003: с. 67*], в 2001 г. — 3,2%. Затем, хотя и наблюдался определенный рост объемов финансирования органов здравоохранения, относительный уровень расходов на эти цели в процентах от ВВП оставался практически на одном

* Здесь и далее приводятся исключительно статистически значимые различия процентов.

** Хотя по данным мировой статистики здравоохранения общие расходы на охрану здоровья в 2007 г. составили 6,9% от ВВП (в 2000 г. — 5,9%) [*Мировая статистика, 2010*].

уровне – 3,5%** [Положенко, 2010: с. 9]. Для сравнения: расходы на охрану здоровья в 2007 г. в развитых странах мира в процентах от ВВП составляли: США – 15,7%, Германия – 10,4%, Япония – 8,0%, Португалия – 10,05%, Великобритания – 8,4%. При этом следует учитывать несравнимые по размерам объемы ВВП на душу населения в экономически развитых странах и Украине (ВВП на душу населения в 2007 г. в Украине был равен 7015 международным долларам по паритету покупательной способности, в Норвегии – 53285 межд. дол., в Германии – 34065 межд. дол., в Великой Британии – 35046 межд. дол., в США – 45759 межд. дол.) [GDP (per capita (most recent) by country, s.a.)]. Кроме того, специалисты ВОЗ считают, что при расходах на охрану здоровья ниже 5% от ВВП отрасль становится неэффективной [Шантала, 2003: с. 67]. Помимо средств госбюджета органы здравоохранения финансируются также за счет средств так называемого добровольного страхования и больничных касс, объем которых в 2009 г. составил, соответственно, 400 и 600 млн. гривен. Однако имеющегося финансирования для

Таблица 3.17

Динамика заболеваемости в Украине по некоторым болезням на 100 тыс. населения* (количество впервые в жизни зарегистрированных случаев заболеваемости)

Все заболевания, в т.ч.:	1990	1995	2000	2005	2008
		62335	63474	67966	70138
Заболевания крови и кроветворных органов, отдельные нарушения с вовлечением иммунного механизма	221	373	499	506	495
Заболевания системы кровообращения	2225	2710	4747	5179	5377
Заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани	2661	2761	3191	3411	3401
Заболевания мочеполовой системы	2370	3012	3937	4655	4635
Новообразования	601	639	776	870	882
Активный туберкулез	31,9	41,8	60,4	84,4	78,0
ВИЧ-инфицированные, среди них:					
больные СПИДом	–	2,9	12,9	29,4	41,2
	–	0,1	1,3	9,0	9,5

* Источник: [Статистичний щорічник України за 2008 р., 2009 р.: с. 468, 469, 472].

оказания медицинских услуг катастрофически не хватает — при потребности 56 млрд гривен отрасль обеспечена финансовыми ресурсами только на 60% [Положенко, 2010: с. 9].

Далеко не все граждане Украины интересуются подобной статистикой. Зато они очень остро ощущают на себе состояние системы охраны здоровья в стране. По данным второй, третьей и четвертой волн Европейского социального исследования (ESS), в которых Украина приняла участие (2005, 2007, 2009), состояние системы здравоохранения получило самую низкую оценку среди европейских стран и имело тенденцию к ухудшению. Если в 2005 г. (N = 2031) граждане Украины оценили состояние системы здравоохранения в 2,8 балла (по 11-балльной шкале, где «0» означает очень плохой уровень, а «10» — очень хороший), в 2007 г. (N = 2002) — в 2,6 балла, то в 2009 г. (N = 1845) — в 2,4 балла. Подавляющее большинство населения (71,5%) оценивает нынешнее состояние здравоохранения как плохое и очень плохое, каждый пятый (22,0%) — как посредственное и всего лишь 3,4% — как хорошее и очень хорошее. При этом хуже всего систему здравоохранения оценивают жители с плохим состоянием здоровья, т.е. те, кто вынужден чаще к ней обращаться. Весьма красноречиво ситуацию в здравоохранении характеризуют следующие данные. В отличие от всех европейских стран, где по результатам опроса 2005 г. от 41,3% населения в Португалии до 95,5% в Бельгии имели достаточно вариантов при выборе участкового/семейного врача, в Украине такой выбор имели только 18,7%, а абсолютное большинство граждан (81,3%) были его лишены. Хуже, чем в других странах Европы, у жителей Украины и условия, способные в определенной мере компенсировать или смягчить трудности ежедневной жизни, порожденные имеющимися заболеваниями. Если в целом в европейском регионе более 72% населения не ощущает каких-либо трудностей или ограничений в повседневной жизни, вызванных хроническими заболеваниями, инвалидностью, физическими недостатками и т.п., то в Украине их ощущают от 53,9% в 2005 г. до 55,5% в 2009 г.

Несмотря на присущий большинству наших сограждан оптимизм в оценках разных жизненных ситуаций, прогнозы

будущего положения дел в системе здравоохранения весьма пессимистичны. По данным четвертой волны ESS только пятая часть населения (21,1%) верит, что в Украине через 10 лет повысится уровень государственной системы здравоохранения. Более половины считают, что украинское государство в лучшем случае будет в состоянии обеспечить нынешний уровень государственной системы здравоохранения, но не сможет его улучшить (30,8%) или не сможет обеспечить даже нынешний уровень (27,1%). Следует также отметить, что на фоне преобладающих в экономическом сознании граждан патерналистских ценностей 94,0% опрошенного населения считают, что обеспечение необходимой медицинской помощью больных должно быть обязанностью государства (в т.ч. 74,2% – полностью обязанностью государства). В Конституции Украины провозглашается, что каждый гражданин имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование (статья 49), оценка реальной ситуации далека от задекларированных норм. Почти две трети населения (62,6%) считали в 2008 г. вероятным и очень вероятным, что в течение последующих 12 месяцев им не будет оказана необходимая медицинская помощь в случае болезни.

Таблица 3.18

**Динамика изменений
в медицинском обслуживании населения (%)**

<i>Изменения по сравнению с предыдущим годом</i>	1994 (N = 1807)	1996 (N = 1810)	1998 (N = 1810)	2000 (N = 1810)	2002 (N = 1799)	2004 (N = 1800)	2006 (N = 1800)	2008 (N = 1801)	2010 (N = 1800)
Значительно ухудшилось	53,8	45,5	49,3	44,1	25,7	17,2	14,2	14,6	19,1
Немного ухудшилось	21,0	21,8	21,8	20,8	17,8	19,9	16,2	18,8	20,9
Осталось неизменным	20,7	30,1	26,2	32,3	51,8	57,0	65,2	61,7	56,3
Немного улучшилось	1,1	1,8	1,8	2,0	3,3	4,6	4,1	4,7	2,7
Значительно улучшилось	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,2	0,3	0,1	0,6

По данным национального мониторинга, доля населения, которой не хватает необходимой медицинской помощи, хотя и уменьшилась за 1995–2010 гг. с 69,2% до 52,3%, все равно остается очень весомой.

По оценкам граждан, медицинское обслуживание из года в год ухудшается (*табл. 3.18*). И хотя темпы этого ухудшения вплоть до кризисного 2008 г. постепенно замедлялись, доля тех, кто негативно оценивает изменения, произошедшие в медицинском обслуживании за последний год, постоянно и существенно превышает долю тех, кто дал позитивную оценку произошедшим переменам. То есть темпы ухудшения замедлялись, но кумулятивное ухудшение нарастало. Начавшийся в 2008 г. финансово-экономический кризис заметно усугубил ситуацию. Следует подчеркнуть, что это происходит на фоне очень посредственного состояния здоровья граждан Украины. Так, по данным ESS, хуже всех состояние своего здоровья оценили именно жители Украины (3,0 балла в 2005 г., 3,1 – в 2007 и 2009 гг. (по 5-бальной системе)). Для сравнения, жители Австрии, Греции, Дании, Ирландии, Норвегии, Швейцарии и ряда других стран оценивают состояние своего здоровья на 4 балла и выше [*Головаха, Горбачик, 2010: с. 74*]. По результатам опроса «Общественное мнение в Украине – 2007» (N = 1800) состояние здоровья граждан Украины по сравнению с состоянием здоровья их родителей, когда им было столько же лет, ухудшилось: по крайней мере так считал 51,2% опрошенных. Лишь один из десяти (10,7%) отметил, что состояние его здоровья улучшилось. Согласно опросу «Общественное мнение в Украине – 2009» (N = 1800) разочарования среди населения за последние 5 лет по поводу укрепления своего здоровья абсолютно преобладают над осуществленными надеждами (47,2% и 18,9% соответственно).

Граждане Украины достаточно устойчиво оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное: за все годы мониторинговых наблюдений средний балл состояния здоровья населения составлял 2,8–2,9 баллов, в 2008–2010 гг. он достиг 3,0 баллов. В 2010 г. больше половины населения состояние своего здоровья считало удовлетворительным

(57,8%), каждый пятый (21,6%) – плохим (в том числе 3,1% – очень плохим), 20,6% – хорошим и отличным (в том числе 2,8% – отличным). Каждый второй житель Украины (52,3%) отметил, что ему не хватает здоровья. Видимо, ряд людей, к сожалению, не беспокоится по поводу посредственного состояния своего здоровья. На фоне того, что 79,4% населения оценивает свое здоровье как удовлетворительное и плохое, не может не тревожить тот факт, что на медицинском учете находится лишь 19,1% (из них 14,2% – на диспансерном учете, 4,9% – на инвалидности). Каждый второй (52,1%) среди граждан с плохим и очень плохим состоянием здоровья на медицинском учете не находится. Такая недопустимая с точки зрения будущего здоровья нации и оценки качества жизни в Украине ситуация является следствием многих факторов, прежде всего перманентного кризиса в экономике и тяжелого материального положения большинства населения. О каком качестве жизни и эффективности лечения людей можно вести речь, если каждому второму из тех, кто имеет плохое и очень плохое состояние здоровья (49,0%), не хватает возможности покупать самые необходимые продукты?!

Крепкое здоровье по данным опроса–2009 является одной из наиболее приоритетных ценностей украинских граждан – оно очень важно для 87,0% опрошенных и скорее важно для 11,1%. Состояние здоровья имеет даже большую значимость среди разных сторон жизни людей, чем их материально-финансовое положение (87,2% и 81,8% соответственно). Менее пятой части населения (15,1%) хорошо заботится о состоянии своего здоровья, каждый пятый (19,5%) – плохо, больше половины (57,5%) – посредственно. В случае болезни только каждый второй житель Украины обращается в поликлиники, больницы (47,2%) или в частные клиники (2,3%), каждый третий (34,5%) занимается самолечением, 13,6% прибегает к народной медицине. Переориентация наших соотечественников на здоровый образ жизни и формирование у каждого по-настоящему ответственного отношения к своему здоровью, здоровью окружающих как высочайшей ценности сегодня рассматривается украинской

властью в качестве одной из первоочередных задач государственной политики [*Под председательством Президента ...*]. На сегодня в массовом сознании наблюдается паритет в оценках того, будет ли большинство людей в нашей стране через 10 лет придерживаться здорового образа жизни или нет: 46,7% опрошенных в 2009 г. считают это вероятным и очень вероятным, 45,6% – маловероятным. На первом месте среди наиболее эффективных способов для поддержания здорового образа жизни люди считают оптимальный режим труда и отдыха (50,5%), на втором – активный отдых на природе (48,6%) и разумные ограничения в еде и потреблении алкоголя (40,3%), на третьем – народные методы оздоровления и закаливание (28,4% и 21,7% соответственно). Реалии образа жизни украинских граждан таковы, что большинство населения (62,6%), по данным этого же опроса, хотя бы один раз на протяжении последнего месяца ощущали усталость, нехватку энергии, 41,6% – напряжение, 29,5% – бессонницу, 25,8% – депрессию, 22,6% – бессилие, истощение.

Вместе с тем анализ самооценок украинских граждан, полученных за все годы мониторинговых наблюдений, показывает некоторую тенденцию улучшения состояния здоровья людей и сокращения имеющихся хронических заболеваний. Существенное ухудшение физического самочувствия населения было зафиксировано в первые годы независимости Украины. Если в 1992 г. доля людей, положительно оценивающих состояние своего здоровья, преобладала над долей лиц с негативной оценкой (29,0% и 17,3%), то уже в 1994 г. доля лиц, которые негативно оценивали состояние своего здоровья, в два раза превысила численность жителей с позитивной самооценкой здоровья (соответственно 41,6% и 20,6%). В 1998 г. были зафиксированы наиболее неблагоприятные показатели состояния здоровья населения: лишь каждый пятый (19,4%) чувствовал себя отлично и хорошо, каждый третий (34,1%) – плохо и очень плохо, остальные (46,6%) – удовлетворительно. Затем началось постепенное увеличение численности тех, кто чувствовал себя удовлетворительно, и уменьшение численности

лиц с плохим самочувствием. В 2008 г. впервые часть граждан с хорошим состоянием здоровья практически сравнялась с частью граждан с плохим самочувствием (22,9% и 20,4%). По оценкам населения за годы независимости сократилось и число людей, которые страдают хроническими заболеваниями: с 54,0% в 1992 г. до 40,1% в 2010 г.

Самооценка людьми состояния своего здоровья зависит от многих объективных и субъективных факторов генетического, психологического, экологического, демографического, социального характера и т.д. Наиболее существенным демографическим фактором здоровья человека, безусловно, является возраст. Среди молодежи до 30 лет по сравнению с людьми среднего, а тем более старшего возраста, естественно, значительно меньше тех, кто оценивает состояние своего здоровья как плохое, и больше тех, кто считает его хорошим. Однако даже среди молодежи отличное состояние здоровья имеют, по результатам мониторинга 2010 г., лишь 8,1%, а каждый второй молодой человек свое здоро-

Таблица 3.19

Состояние здоровья граждан Украины в зависимости от их возраста, пола и дохода (2010, N = 1800, %)

Самооценка состояния здоровья	Возрастные группы			Пол		Размер совокупного дохода на одного члена семьи в месяц, грн			В целом по выборке
	Молодежь до 30 лет	30–54	55 лет и старше	мужской	женский	До 840*	840–1678	Больше 1678	
Очень плохое	0,6	1,6	7,0	2,6	3,4	4,4	1,4	2,1	3,1
Плохое	4,2	12,5	37,1	13,9	22,3	23,1	15,2	13,1	18,5
Удовлетворительное	54,8	64,7	48,9	57,2	58,3	56,8	59,8	58,9	57,8
Хорошее	32,3	18,9	7,0	22,5	14,1	13,8	20,4	21,2	17,8
Отличное	8,1	2,4	0,0	3,8	1,9	1,8	3,3	4,7	2,8

* На момент опроса (апрель 2010 г.) прожиточный минимум в Украине составлял 839 грн.

вье оценивает как удовлетворительное (*табл. 3.19*). Статистически значимые отличия между разными возрастными группами населения наблюдаются и относительно наличия хронических заболеваний: среди молодежи их не имеет 78,7%, среди людей среднего возраста – 65,1%, а среди граждан преклонных лет – 39,4%.

Женщины оценивают состояние своего здоровья ниже, чем мужчины. Среди них значимо больше тех, кто считает свое здоровье плохим и меньше тех, кто оценивает его как хорошее. Женщины чаще, чем мужчины, отмечают наличие у них хронических заболеваний – почти каждая вторая (47,1%) имеет одно или несколько хронических заболеваний, среди мужчин их наличие отметил каждый третий (32,7%). На медицинском учете также находится значимо больше представителей женского пола, чем мужского. Видимо, это объясняется рядом гендерных факторов, в том числе психологическими особенностями женщин и мужчин, изначально заложенным в женщину чувством большей ответственности за собственное состояние здоровья и здоровье своих близких. Определенная зависимость в оценках наблюдается и в зависимости от размера дохода людей. Среди граждан, у которых совокупный доход на одного члена семьи в месяц ниже прожиточного минимума, значимо больше тех, кто дает негативные оценки своему состоянию здоровья, по сравнению с теми, кто имеет доход, превышающий официально установленный прожиточный минимум. Следует отметить, что согласно исследованиям Н.Паниной, размер дохода занимает третье место среди социальных факторов здоровья, после возраста и удовлетворения потребностей в медицинской помощи [*Панина, 2008: с. 126*]. Как справедливо указывают харьковские исследователи качества жизни населения Украины, «бедность усиливает фактор заболеваемости, ведет к сокращению продолжительности жизни. Бедность способствует апатии и усталости, порождает разочарование и отчаяние, приводит к такому душевному состоянию, которое не только может вызывать психические и соматические заболевания, но и подталкивать к девиантным поступкам» [*Якість життя, 2008: с. 72*]. Недостаток средств

к жизни большинства украинских граждан существенно ограничивает их возможности в медицинском обслуживании, проведении регулярных медицинских обследований, приобретении необходимых лекарств и т.д. Так, по результатам исследовательского проекта «Living Conditions, Lifestyles and Health», в котором приняли участие 8 стран СНГ (Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия и Украина), на момент проведения исследования (2000–2003 гг.) чаще других в медицинском обслуживании и приобретении лекарственных препаратов себя ограничивали жители Армении и Украины. В Украине в медицинском обслуживании себя постоянно ограничивали 25% населения, иногда – 37%, в приобретении лекарств – соответственно, 27,4% и 37,9% [там же, с. 74].

Важным показателем состояния здоровья граждан и одновременно фактором, влияющим на их самооценки своего здоровья, является психологическое состояние людей. В качестве одного из показателей психического здоровья населения в мониторинге используется показатель тревожности. Он измеряется по шкале Спилбергера и имеет диапазон от 20 до 80 баллов. Значения до 30 баллов свидетельствуют о сниженной тревожности, от 31 до 46 – нормальной, от 47 до 50 – повышенной, от 51 до 60 – высокой и свыше 60 баллов – гипертревожности. По данным мониторинга 2010 г. низкая тревожность, означающая снижение уровня активности человека и свидетельствующая об определенных расстройствах его психоэмоционального состояния, свойственна незначительному количеству населения (3,4%). Нормальная тревожность характерна для половины населения (50,0%), повышенная – для 16,3%. Каждый четвертый-пятый гражданин имеет высокую степень тревожности (22,4%), что является сигналом попадания людей в группу риска. Гипертревожность, требующая медицинской помощи, присуща 4,9% граждан. Этот показатель близок к данным, характеризующим распространенность лиц с клинической тревогой в разных странах, например, в Великобритании он составляет 6,4%, в Швейцарии – 1,5% [Українське суспільство, 2005: с. 571]. Наивысший уровень тревожности

населения в Украине был зафиксирован в 1998 г. — ее индекс был на грани повышенной и высокой тревожности (50,7 баллов). За последующие годы наблюдений он снизился и впервые в 2008 г. достиг уровня 1992 г. (45,4 баллов), то есть верхнего предела диапазона значений нормального уровня тревожности.

Статистически значимые отличия в уровнях тревожности наблюдаются между группами населения, имеющими разный доход. Чем доход выше, тем ниже уровень тревожности. Зафиксирована корреляционная связь между уровнем тревожности и удовлетворенностью людьми своей жизнью в целом (коэффициент корреляции Пирсона равняется -0,4, что говорит о существовании достаточно сильной обратной связи между этими признаками). Удовлетворенности жизнью населения соответствует преимущественно нормальный уровень тревожности, а полной неудовлетворенности — повышенный и высокий. Значимые отличия наблюдаются между уровнями тревожности населения в зависимости от их оценки своего здоровья. Чем ниже граждане оценивают состояние своего здоровья, тем значимо больше среди них тех, кто имеет высокий и повышенный уровни тревожности, и меньше лиц с нормальным уровнем тревожности. Так, среди лиц с хорошим состоянием здоровья нормальный уровень тревожности зафиксирован у 68,1% опрошенных, а высокий уровень — у 12,9%; среди граждан с удовлетворительным состоянием здоровья — соответственно, у 54,9% и 21,1%; с плохим состоянием здоровья — у 28,9% и 38,5%. Эти зависимости свидетельствуют о системном характере качества жизни, общая оценка которого зависит от многих составляющих, при этом изменение одних составляющих влияет на изменение других.

Что же, по мнению украинских граждан, больше всего влияет на состояние их здоровья? Согласно опросу «Общественное мнение в Украине — 2009» наиболее негативное влияние на здоровье респондентов оказывают следующие факторы: состояние окружающей среды (52,0%), неправильное питание (47,8%) и психологическое напряжение (41,9%). Вредные привычки, условия труда и наследственность входят

во вторую по значимости группу факторов, оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье людей (26,6%, 20,6% и 11,7% соответственно). Первоочередное влияние питания и окружающей среды как факторов здоровья/нездоровья подтверждают и ответы респондентов на вопрос, что наиболее вредно воздействует на состояние здоровья людей там, где они проживают. Большинство опрошенных (60,9%) указали на некачественные продукты питания. Далее ответы распределились следующим образом:

- выбросы и отходы промышленности – 39,6%;
- последствия Чернобыльской катастрофы – 23,8%;
- выбросы авиа- и автотранспорта – 21,0%;
- загрязнение окружающей среды химическими удобрениями – 20,6%;
- природный радиационный фон – 11,8%;
- сантехнические канализационные отводы – 11,8%;
- выбросы и отходы действующих АЭС – 11,2%.

Прежде чем перейти к более детальному анализу экологической составляющей качества жизни, весьма существенно влияющей на здоровье людей, остановимся на актуальных проблемах питания населения Украины.

Если за годы советской власти удалось добиться заметного улучшения потребления основных продуктов питания, особенно мясных, молочных и яиц, увеличить потребление рыбы, растительных жиров и овощей за счет уменьшения в рационе картофеля и хлебопродуктов, то начавшийся в 90-е годы в Украине глубокий кризис во всех сферах общественной жизни, в том числе экономической, весьма ощутимо снизил уровень жизни большинства населения, вызвал заметное сокращение потребления основных продуктов питания [Рівень життя населення України, 2006: с. 80–81]. После переломного для Украины 2000 г., когда сдвиги в общественной динамике в сторону постепенного институционального и ментального приспособления украинского общества к проникновению рынка, формальных институтов демократии и новых ценностей совпали с впервые произошедшем в экономике за весь период постсоветских реформ небольшим ростом реального ВВП (на 5,9%) и не-

которым улучшением социального самочувствия людей, зафиксированным в многолетнем мониторинге, стала изменяться к лучшему и ситуация с уровнем жизни. С 2002 г. начали происходить заметные позитивные перемены в ситуации с бедностью: уменьшились масштабы абсолютной бедности, начал постепенно снижаться уровень бедности по структурному международному критерию (когда расходы на питание превышают 60% совокупных расходов домохозяйств) и критерию калорийности питания (суточный рацион питания в среднем на одного человека в домохозяйстве составляет менее 2100 ккал) [там же, с. 82].

Начавшееся некоторое оживление экономики (о росте в условиях продолжающегося трансформационного спада говорить безосновательно) на фоне ее предыдущего обескровливания и массового обнищания населения, естественно, было весьма чувствительным и в материальном плане, и в психологическом восприятии людей. Удельный вес затрат на питание в структуре совокупных затрат домохозяйств начался несколько снижаться: в 2005 г. он составил 61,0%, в 2006 г. — 57,5%, в 2007 г. — 55,8%, в 2008 г. — 53,0% [Соціальні індикатори, 2009: с. 122]. Кроме того, наметилась тенденция к улучшению количественных показателей питания: люди стали потреблять больше молочных, мясных и рыбных продуктов, фруктов. Однако определенный дисбаланс в потреблении украинскими гражданами основных продуктов питания остается (дефицит белков, углеводов, витаминов и микроэлементов, чрезмерное количество жиров и т.д.), особенно заметен он в многодетных домохозяйствах и семьях пенсионеров. Низкий уровень жизни приводит к потреблению более дешевых и не всегда качественных продуктов. Этому способствует не только недостаточный уровень потребительских возможностей, но и, к сожалению, низкая культура потребления населения. В отличие от потребителей развитых стран, жители Украины невнимательно относятся к наличию в продуктах всевозможных пищевых добавок — консервантов, красителей, ароматизаторов и т.п. «Именно из-за нераспространенности среди рядовых граждан «привычки» интересоваться содержимым приобретен-

ного товара, невзирая на яркую рекламу, почти «слепое» доверие производителю и ... просто из-за отсутствия на упаковке необходимой, доступной и достоверной информации здоровье населения Украины ухудшается» [там же, с. 138].

Важную информацию в плане состояния и динамики потребления населения дают ответы людей относительно разнообразных благ, недостаток которых они ощущают. Согласно данным мониторинга социальных изменений за 1995–2010 гг. на втором месте по темпам позитивных изменений, после улучшения в обеспечении людей необходимой одеждой, находится приобретение *самых необходимых* продуктов. Если до 2000 г. более половины населения ощущало их недостаток (55,9%), то с 2006 г. возможности покупать самые необходимые продукты недостает только трети (в 2006 г. – 35,7%, в 2008 г. – 32,2%, в 2010 г. – 32,4%). По данным проекта «Living Conditions, Lifestyles and Health» (2000–2003 гг.) более половины населения Украины употребляли «крайне редко» или «изредка» (1 раз в неделю) следующие продукты: мясо (соответственно 39,8% и 26,8%), рыбу (50,6% и 32,2%), сыр (42,8% и 22,2%), сметану (33,9% и 24,5%) [Якість життя, 2008: с. 70]. И на этом фоне в условиях развернувшегося глобального финансово-экономического кризиса каждый второй житель Украины (51,4%) вынужден сокращать потребление продуктов питания!

Особого внимания заслуживает показатель «*возможности питаться в соответствии со своими вкусами*», ведь «именно он в наибольшей мере коррелирует с интегральным индексом социального самочувствия и играет ключевую роль в понимании того, какие блага в первую очередь определяют самочувствие людей в украинском обществе» [Головаха, Паніна, 2006: с. 204]. Пик недостатка возможности питаться в соответствии со своими вкусами приходится на 1998 год (77,2%). Заметные улучшения этого показателя фиксируются после 2002 г. Однако замеры 2008–2010 гг. показывают, что почти половина населения (48,9% в 2008 г. и 49,8% в 2010 г.) такой возможности не имеет.

Основные продукты питания граждане Украины, по результатам мониторингового исследования 2004 г., покупают на организованных продуктовых (сельскохозяйственных)

рынках (66,3%) и в небольших гастрономах и кулинариях (44,9%). Определенная часть населения пользуется стихийными рынками (22,6%) и специализированными киосками-палатками (28,6%). В больших супермаркетах типа «Фуршет», «Билла», «Велика Кишеня» покупает продуктовые товары менее пятой части населения (14,3%). Примерно столько же граждан (13,3%) стараются покупать продукты по низким ценам в селе.

Согласно данным опроса—2006, подавляющее большинство населения покупает продукты питания преимущественно отечественного производства (76,4%) и мизерная часть (4,8%) — зарубежного. Чуть меньше пятой части населения (17,6%) покупают продукты питания отечественного и зарубежного производства в равной степени. Новые возможности, появившиеся в сфере потребления продуктов питания (приобретение экзотических продуктов, посещение ресторанов быстрого питания) доступны ограниченной части населения. Так, в ресторане «Макдональдс» никогда не были 67,8% граждан. Пятая часть населения (21,1%) посещает их раз в год, и только каждый десятый — чаще (8,3% — раз в несколько месяцев, 2,6% — трижды в месяц). Половина населения (51,9%) никогда не употребляла никаких экзотических овощей и фруктов. Треть (30,7%) пробует авокадо, ананасы или кокосы раз в году. Небольшая часть граждан (13,1%) потребляет их раз в несколько месяцев и лишь некоторые (4,3%) — трижды в месяц. К этому следует добавить и тот факт, что, несмотря на расширение ассортимента продуктовых товаров, их качество не улучшилось, а значительно ухудшилось как из-за всевозможных искусственных «добавок» к естественным продуктам питания, так и за счет превышения срока их употребления или вторичной обработки в условиях диктата товарного производства. Именно об этом свидетельствует статистика желудочно-кишечных и других заболеваний населения.

Как уже отмечалось, здоровье людей, по оценкам ВОЗ, зависит на 50% от условий, образа жизни и питания, а на 20% — от состояния окружающей среды. Состояние последней, по мнению граждан Украины, из года в год ухудшается

Таблица 3.20

**Динамика изменений экологической ситуации
по оценкам граждан (%)**

<i>Изменения по сравнению с предыдущим годом</i>	<i>1994 (N = 1807)</i>	<i>1996 (N = 1810)</i>	<i>1998 (N = 1810)</i>	<i>2000 (N = 1810)</i>	<i>2002 (N = 1799)</i>	<i>2004 (N = 1800)</i>	<i>2006 (N = 1800)</i>	<i>2008 (N = 1801)</i>	<i>2010 (N = 1800)</i>
Значительно ухудшилась	57,0	48,6	47,0	31,3	28,0	17,9	17,6	20,3	20,3
Немного ухудшилась	20,9	23,9	23,8	27,8	25,6	24,3	24,2	27,2	24,8
Не изменилась	16,3	24,2	25,0	37,1	43,0	51,6	54,2	48,5	51,4
Немного улучшилась	1,4	1,9	2,8	2,7	1,8	4,5	3,4	2,9	2,6
Значительно улучшилась	0,7	0,8	0,6	0,3	0,5	0,6	0,6	0,7	0,5

(см. табл. 3.20). Если в 1994 г. подавляющее большинство населения (77,9%) отмечало в большей или меньшей степени ухудшение экологической ситуации, то в 2010 г. так считало почти в 2 раза меньше опрошенных (45,1%). И хотя темпы этого ухудшения, как и в ситуации с медицинским обслуживанием, постепенно замедлялись, число тех, кто негативно оценивает произошедшие изменения, по-прежнему несоизмеримо превышает количество тех, кто воспринимает эти перемены позитивно.

Начиная с 2004 г. каждый второй житель Украины полагает, что никаких изменений в экологической ситуации не происходит. Этому соответствует и характеристика гражданами экологической ситуации по месту их проживания (см. табл. 3.21). Степень негативизма в оценках состояния окружающей среды за период 2002–2010 гг. значительно уменьшилась, количество позитивных и негативных оценок населения сегодняшней экологической ситуации практически одинаково.

В целом же экологическая ситуация на территории Украины остается крайне напряженной. В последнее время

Таблица 3.21

**Оценка населением экологической ситуации
по месту жительства (%)**

Оценка экологической ситуации	2002 (N = 1799)	2004 (N = 1800)	2006 (N = 1800)	2008 (N = 1801)	2010 (N = 1800)
Крайне неблагоприятная	19,2	10,8	11,3	13,0	10,2
Неблагополучная	40,0	36,8	35,1	33,6	30,9
Трудно сказать, благополучная или нет	22,1	24,2	23,2	15,6	21,3
Относительно благополучная	17,3	25,8	28,1	32,4	33,4
Полностью благополучная	1,3	2,3	1,9	5,2	4,1
Индекс удовлетворенности*	59,4	80,5	83,6	91,0	96,4

* Методику расчета индекса см. в примечании к таблице 3.1. (стр. 79).

налицо тенденция усиления экологических угроз для здоровья и жизни людей вследствие негативного влияния техногенной деятельности и различных природных катаклизмов. Неслучайно по данным опроса «Общественное мнение в Украине – 2009» 8 из 10 жителей Украины считают вероятным (48,7%) и весьма вероятным (31,5%) в ближайшее десятилетие необратимое разрушение экологии в нашей стране. Многократно меньшее число жителей такой сценарий рассматривают как маловероятный (16,5%) или вовсе не вероятный (2,7%). Среди основных причин нынешней неудовлетворительной экологической ситуации следует назвать прежде всего устаревшие технологии и изношенность основных фондов существующих предприятий, низкий уровень культуры производства, низкую эффективность очистительных сооружений и ограниченные финансовые возможности предприятий по проведению природоохранных мероприятий, высокий уровень концентрации небезопасных пред-

Таблица 3.22

Восприятие украинскими гражданами факторов загрязнения окружающей среды в месте их проживания (%)

<i>Факторы загрязнения экологической ситуации</i>	<i>2002 (N = 1799)</i>	<i>2004 (N = 1800)</i>	<i>2006 (N = 1800)</i>	<i>2008 (N = 1801)</i>	<i>2010 (N = 1800)</i>
Загрязнение воздуха химическими веществами и отходами производства	47,3	34,7	33,3	32,3	31,4
Загрязнение воздуха автотранспортом	48,0	41,9	42,5	42,3	43,7
Загрязнение воды химическими веществами и отходами производства	46,1	32,6	29,8	29,3	28,1
Загрязнение грунта химическими веществами и отходами производства	32,4	21,6	17,8	20,2	21,7
Загрязнение территории проживания мусором и другой грязью	54,8	46,7	51,1	48,5	48,5
Радиационное загрязнение	35,7	28,5	26,2	22,0	19,9
Повышенный уровень шума	16,7	13,2	16,1	17,7	15,8
Повышенное содержание вредных веществ в продуктах питания	40,4	28,6	29,1	36,1	37,9
Ничто не вызывает серьезного беспокойства	9,7	12,4	13,2	14,2	16,1

приятый, накопление опасных отходов и т.п. Последнее стало одним из наиболее существенных факторов загрязнения окружающей среды. Об этом красноречиво свидетельствуют и оценки населением основных источников загрязнения окружающей среды по месту их жительства (*табл. 3.22*).

Если загрязнение воздуха, воды и грунта химическими веществами и отходами производства за период 2002–2010 гг. заметно уменьшилось, что связано прежде всего со значительным сокращением в Украине производственных мощностей, уменьшением количества действующих предприятий, то степень загрязнения территории проживания

населения мусором за годы мониторинговых наблюдений изменилась незначительно и остается по-прежнему, по мнению людей, наиболее весомым источником загрязнения окружающей среды. У значительной части населения (37,9%) серьезное беспокойство вызывает повышенное содержание вредных веществ в продуктах питания. Радиационное загрязнение беспокоит каждого пятого жителя Украины (19,9%), что заметно меньше чем в 2002 г. Аналогично, по данным мониторинга 2010 г., только 16,6% украинских граждан считают, что больше всего сегодня люди боятся последствий катастрофы на ЧАЭС, что значительно слабее основных социальных фобий населения и находится примерно на одном уровне со страхами людей по поводу возможного холода в квартире, массовых уличных беспорядков, распада Украины как государства (соответственно 17,5%, 15,9% и 16,7%). Это полностью совпадает и с динамикой восприятия населением влияния последствий чернобыльской катастрофы на состояние здоровья людей (табл. 3.23). Если в 1994 г. последствия аварии на ЧАЭС считали основным экологическим фактором ухудшения здоровья четверо из десяти жителей Украины, в 2000–2002 гг. – каждый третий, то впоследствии – лишь каждый седьмой. Более трети населения на сегодняшний день признают эти последствия в качестве серьезной причины ухудшения здоровья, существующей, однако, наряду с другими факторами загрязнения окружающей среды, негативно влияющими на здоровье людей. Каждый пятый опрошенный именно другие экологические факторы считает наиболее влияющими на свое здоровье.

Основными угрозами экологической безопасности в украинском обществе наряду с негативными социально-экологическими последствиями Чернобыльской катастрофы являются: усиливающиеся риски возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера; нерациональное, истощающее использование возобновляемых и невозобновляемых минерально-сырьевых природных ресурсов; ухудшение экологического состояния водных бассейнов и снижение качества воды; небезопасное техногенное состояние гидротехнических сооружений днеп-

Таблица 3.23
Динамика влияния последствий аварии на ЧАЭС
на здоровье украинских граждан по их самооценкам (%)

Степень влияния	1994 (N = 1807)	1996 (N = 1810)	1998 (N = 1810)	2000 (N = 1810)	2002 (N = 1799)	2004 (N = 1800)	2006 (N = 1800)	2008 (N = 1801)	2010 (N = 1800)
Это основной экологический фактор ухудшения здоровья	40,7	37,7	37,0	29,6	29,4	14,8	17,2	15,2	14,5
Это существенный фактор, однако он повлиял на здоровье не более, чем остальные факторы загрязнения окружающей среды	26,9	31,6	33,0	35,6	31,5	39,8	40,2	37,8	36,1
На состояние здоровья в большей степени влияют другие экологические факторы	9,6	12,1	10,7	10,8	11,0	16,5	16,8	21,0	21,8
Трудно сказать	22,2	18,6	19,2	23,9	25,5	23,9	25,3	25,5	27,2

ровских водохранилищ; неконтролируемый ввоз в Украину экологически опасных технологий, материалов, возбудителей болезней, использование генетически измененных растений, организмов и пр. Люди, чувствуя эти проблемы в своей ежедневной жизни, испытывают существенный дефицит экологической безопасности: последней не хватало в 2001 г. 75,1% населения, в 2006 г. – 71,3%, что заметно превышает дефицит важнейших базовых потребностей (необходимой медицинской помощи, возможности покупать самые необходимые продукты и т.п.) и находится на одном уровне с восприятием населением дефицита стабильности в государстве и обществе (77,6% в 2001 году и 72,2% в 2006 г.).

Состояние окружающей среды заметно сказывается на удовлетворенности людьми жизнью в своем населенном пункте. Если удовлетворенность жизнью в своем населен-

ном пункте у населения Украины несколько превышает неудовлетворенность, удовлетворенность и неудовлетворенность благоустройством, санитарным состоянием здания и двора практически уравнивают друг друга, то в оценке

Таблица 3.24

Удовлетворенность населения жизнью в своем населенном пункте, благоустройством и санитарным состоянием места жительства (2010, N = 1800)

Степень удовлетворенности	Удовлетворенность...			
	Жизнью в своем населенном пункте*	Благоустройством и санитарным состоянием здания	Благоустройством и санитарным состоянием двора	Благоустройством и санитарным состоянием улиц, парков, окружающей среды
Скорее не удовлетворен (%)	30,2	39,5	37,6	57,4
Трудно сказать, удовлетворен или не удовлетворен (%)	25,4	24,9	24,8	25,7
Скорее удовлетворен (%)	44,2	35,4	37,4	16,9
Индекс удовлетворенности	114,0	95,9	99,8	59,5

* Альтернативы ответов «скорее удовлетворен» и «полностью удовлетворен», содержащиеся в анкете на данный вопрос, для удобства сравнения объединены в одну – «скорее удовлетворен», а варианты «совсем не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» – в вариант «скорее не удовлетворен».

людьми окружающей среды, состояния улиц, парков преобладает явная неудовлетворенность (табл. 3.24).

Безусловно, удовлетворенность населения жизнью в своем населенном пункте зависит от многих составляющих, в том числе в немалой степени от состояния здания, двора, окружающей среды, о чем достаточно рельефно говорят цифры таблицы 3.25: среди тех, кто скорее не удовлетворен состоя-

нием здания и двора, в котором они живут, неудовлетворенность жизнью в своем населенном пункте явно преобладает над удовлетворенностью, лишь среди неудовлетворенных состоянием территорий и окружающей среды в месте своего проживания доли удовлетворенных и неудовлетворенных жизнью в нем примерно одинаковы. Среди жителей, удовлетворенных благоустройством и санитарным состоянием своего здания, двора, окружающей среды, число удовлетворенных жизнью в своем населенном пункте в несколько раз превышает численность неудовлетворенных.

Неудовлетворенность конкретным состоянием дел влияет не только на общую удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью людей в своем населенном пункте, но и выступает существенным фактором миграционных настроений

Таблица 3.25

Зависимость удовлетворенности украинских граждан жизнью в своем населенном пункте от удовлетворенности благоустройством и санитарным состоянием здания, двора, улиц, парков, окружающей среды по месту их жительства (2010, N = 1800, %)

Удовлетворенность жизнью в своем населенном пункте	Удовлетворенность благоустройством и санитарным состоянием здания		Удовлетворенность благоустройством и санитарным состоянием двора		Удовлетворенность благоустройством и санитарным состоянием улиц, парков, окружающей среды	
	Скорее не удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Скорее удовлетворен
Скорее не удовлетворен	41,9	20,9	42,3	20,1	37,9	14,2
Трудно сказать, удовлетворен или не удовлетворен	25,9	19,7	26,5	20,8	26,0	17,8
Скорее удовлетворен	32,2	59,4	31,3	59,0	36,0	68,0

населения. Вредные для здоровья экологические условия наряду с желанием найти новое место работы (что объективно связано с существующими сложностями трудоустройства в современных условиях) являются на протяжении многих последних лет мониторинговых наблюдений основными причинами, способными побудить жителей Украины выехать со своего населенного пункта. Эти причины в 2010 г. назвали, соответственно, 16,7% и 19,9% опрошенных граждан.

Подытоживая анализ состояния здоровья, питания и экологической среды по самооценкам украинских граждан, логично вытекающий теоретический вывод о неудовлетворительном состоянии на сегодняшний день в украинском обществе каждой из этих важнейших сфер человеческой жизни, хочется еще раз подкрепить социологическими данными о «болевых точках» нашего населения. По результатам опроса «Общественное мнение в Украине – 2009» три четверти украинских граждан (75,8%), если бы имели возможность определить главные направления финансирования социальной сферы по месту своего проживания, имеющиеся средства направили бы прежде всего на улучшение медицинского обслуживания, а треть (34,6%) – на решение экологических проблем.

В целом же за годы независимости в Украине снизилась средняя ожидаемая продолжительность жизни, а распространенность ВИЧ-инфекции достигла наивысшего в европейском регионе уровня. При этом медицинское обслуживание, по мнению граждан, из года в год ухудшается. Снизилась общая оценка состояния системы здравоохранения в Украине (с 2,8 баллов в 2005 г. до 2,4 балла в 2009 г.). Более половины опрошенных считают, что и через 10 лет украинское государство в лучшем случае будет в состоянии обеспечить нынешний уровень государственной системы здравоохранения или же не сможет поддерживать даже его. На фоне посредственного состояния здоровья большинства населения только пятая часть состоит на медицинском учете. Наряду с этим зафиксированы и некоторые положительные тенденции в оценках здоровья гражданами Украины: увеличилась доля тех, кто оценивает состояние своего

здоровья как хорошее, сократилось число людей, страдающих хроническими заболеваниями, несколько снизился и впервые в 2008 г. достиг верхнего предела значений нормального уровня показатель тревожности. Улучшилась ситуация с приобретением продуктов питания: если до 2000 г. более половины населения ощущало их недостаток, то с 2006 г. возможности покупать самые необходимые продукты недостает только трети населения. Что касается экологической ситуации, то несмотря на значительное уменьшение степени негативизма в оценках состояния окружающей среды за период 2002–2010 гг., в целом она на территории Украины остается крайне напряженной. Неслучайно 8 из 10 украинских граждан считают вероятным и весьма вероятным в ближайшее десятилетие необратимое разрушение экологии в нашей стране.

3.4. Духовная жизнь общества: образование, наука, культура

Качество жизни населения в большой мере детерминруется уровнем развития (состояния) образования, науки, культуры. Собственно говоря, институционализация отраслевых дисциплин подчинена своеобразному закону неравномерности: одни отрасли возникают и получают развития раньше, другие позже. К первым можно отнести исследования социальной структуры, социальной мобильности, девиантного поведения, социальных организаций и др. Как правило, мощные ускорения им придавали ученые, работавшие в этой области.

Социологию образования вряд ли можно поставить в этот ряд. Она относится к тем дисциплинам, которые сформировались и институционализировались позже, когда накопленный груз практических дел и проблем стал требовать своего социологического осмысления. По сути дела социология образования и сейчас находится на стадии становления. Слишком уж различны привлекаемые в ней теории для выработки рутинизированного образа и норм его исследования. Не решены «пограничные» вопросы теоретического

разграничения с педагогикой, психологией, а также экономикой образования и демографией. Это относится и к развитию социологии образования в Советском Союзе и в постсоветской Украине.

Вопрос о вычленении образования как научного направления на стыке философии, социологии и педагогики в Украине актуализировался в период получения независимости и радикальной смены идеологических, политических и образовательных ориентиров. Стали актуальными проблемы, которые в рамках предыдущего общественно-политического строя жестко определялись коммунистической доктриной.

Сегодня говорят о всеобщем кризисе системы образования. Но специфика его вызревания в развитых странах и на постсоветском пространстве существенно различна [*Михальченко, 2001: с. 277–280*]. В развитых странах – это «органический» кризис, связанный с глубокими трансформациями при переходе от индустриального общества к постиндустриальному, информационному. То есть система образования отстает по темпам модернизации от общественных трансформаций. Это суть обычного кризиса, когда образование меняет свою форму и содержание в связи с общими цивилизационными изменениями. Тот же кризис, который переживает система образования в Украине, «вторичен» по отношению к общецивилизационным целям, поскольку стратегические цели образования в нашей стране мало отличаются от целей, выдвигаемых в экономически развитых странах. Специфические признаки «украинского» кризиса в этой сфере состоят в необходимости системы образования хотя бы на удовлетворительном уровне. Речь идет о поддержке того, что осталось, чтобы разрушение системы образования не стало необратимым. Поэтому философия образования в Украине одной из главных задач ставит показ общности судеб страны и системы образования. То есть, можно говорить о новой, «кризисной» философии образования.

В этой новой философии образования важно учесть не только изменения в общественных условиях жизни, попытки (и небезуспешные) коммерциализации и профессионали-

зации образования, но и серьезную утрату общественного интереса к этой проблеме в Украине. Общество, задавленное экономическими, политическими и духовными кризисами, вроде бы полностью отдало систему образования на откуп профессионалам. С одной стороны, это хорошо. Но с другой – вряд ли все это повышает качество жизни граждан, ибо имеют место очевидные опасности. Во-первых, система образования стала не приоритетной с точки зрения «социального договора» в гражданском обществе. По сути, она перестала быть предметом общенациональных дискуссий, всеобщего интереса, первоочередных задач государства. Во-вторых, всегда существует угроза узковедомственного подхода к образованию, не совпадающего со стратегическими интересами государства и общества. В-третьих, государственная система образования, пытаясь выжить за счет введения платного обучения, может отсечь от себя многочисленный слой бедных семей, не способных полноценно подготовить своих детей к школе, к поступлению в вуз и т.д. В-четвертых, узковедомственный подход может «игнорировать» идеологически и политически санкционированные обществом новые фундаментальные ценности в сфере экономики, политики, культуры.

Следует сказать, что реформы в данной сфере (или то, что называется реформами), как правило, носят внешний, формальный характер. Вроде бы много новых форм, инициатив, педагогических инноваций, а качественные показатели образования снижаются, качество жизни людей топчется на месте. Например, появилось много лицеев, гимназий, колледжей, университетов, академий. Но качество образования в них лишь кое-где изменилось в лучшую сторону. То есть, все обновление (изменение) свелось просто к переименованию, а дипломы этих учебных заведений (в большинстве случаев) не отвечают новым «пышным» амбициозным названиям.

Конечно, можно школы назвать гимназиями, институты – университетами. Но если не дается глубокое классическое, универсальное образование, то выпускники гимназии не выделяются из общей массы абитуриентов, а «бака-

лавры» и «магистры» являются всего лишь специалистами среднего и низкого уровня (за редким исключением). Образование по своему содержанию стало прагматичным, деловым, ориентированным.

Даже «коммерциализация» средних и высших учебных заведений (куда вроде бы «перетекают» лучшие педагоги) автоматически не обеспечивают высокого уровня образовательной подготовки, что никак не повышает качества жизни людей. Можно искусственно «расколоть» учебные заведения на «элитные» и «простые», но даже «элитные» школы и вузы без «тяги» к знаниям не смогут навязать их учащимся и студентам места, которые «купили» обеспеченные родители.

Необходимость решения «старых» и «новых» проблем диктует целый ряд направлений реформирования высшей школы, а именно: повышение ее престижа; ликвидация разрыва между наукой и образованием; изменения системы распределения ресурсов, принципов финансирования; демократизация системы управления высшей школы; переориентация содержания учебного процесса на развитие динамических свойств личности; культивирование принципов педагогики сотрудничества; изменение правил приема в высшие учебные заведения; открытость высшей школы для общественного контроля. Только кропотливая и настойчивая работа в этом направлении способна обеспечить престиж образования, его влияние на качество жизни людей.

Важнейшим направлением и необходимым условием успешности реформ в системе высшего образования является отказ от остаточного принципа его финансирования. Необходимо, наконец, осознать, что финансирование образования — более выгодно, нежели поддержка других отраслей экономики. При этом важно «перевести» это понимание в сферу конкретных решений. Для изменения данного принципа финансирования необходимо использовать все средства, в том числе и «лоббирование» на уровне высшей законодательной и исполнительной власти.

Ныне важнейшей задачей реформирования высшей школы является образование в системе высшего образования Украины нового (демократического) механизма управления

[Навроцький, 2000: с. 204–205]. Одной из сторон этого процесса является рост самостоятельности высших учебных заведений и их структурных элементов касательно к высшим в управленческой иерархии структурам. Другая сторона – развитие демократии и самоуправления внутри вузов, что существенно влияет на отношения между основными группами коллектива: преподавателями, студентами, научными сотрудниками, работниками аппарата управления, научно-вспомогательным и техническим персоналом. Реальное участие вышеупомянутых субъектов в управлении высшими учебными заведениями должно не только обеспечить защиту интересов различных категорий работников, но и способствовать формированию единого коллектива (на основе совместной управленческой деятельности), нацеленного на решение главной задачи – подготовки специалистов, отвечающей (по своему уровню) требованиям научно-технического и социального прогресса, потребностям личности.

Теоретические и практические аспекты демократизации управления в системах макро- и микроуровня всегда вызвали большой интерес обществоведов. Общепринятым и достаточно обоснованным в теоретическом аспекте является понимание того, что управление и самоуправление две взаимосвязанные стороны единого процесса. Управление и самоуправление представляют собой разные стороны процесса взаимодействия субъекта и объекта управления, две стороны единого целого. К тому же, если в отношениях управления главной является тенденция к четкой дифференциации систем, которая управляет (и которой управляют), то развитие самоуправленческих отношений предполагает их взаимопроникновение и (в перспективе) слияние.

Важнейшим условием подъема образовательной системы Украины на качественно новый уровень выступает совершенствование механизмов управления учебными заведениями. Что касается дошкольных, средних и профессионально-технических заведений, то в управлении ими следует кардинально повысить роль родителей. На общих собраниях родителей и учеников данных заведений должен составляться договор с их директорами. Родительский комитет должен

получить право отслеживать его выполнение и разрывать сделку в случае существенных нарушений со стороны руководства заведения. Одновременно контрольные функции в сфере управления дошкольными, средними и профессионально-техническими заведениями должны сохранить за собой органы исполнительной власти и местного самоуправления. Такой двусторонний контроль даст возможность предотвратить злоупотребления (которые нынче весьма распространены) со стороны руководства заведений. Полагаем, что подобные меры повысят качество жизни граждан Украины.

Если говорить о высших учебных заведениях, то в них (как государственных, так и частных) необходимо создать общественные опекунские советы. Они должны взять на себя ответственность за формулирование и реализацию стратегии развития высшего учебного заведения, решение ключевых проблем финансирования его деятельности. Опекунские советы высших учебных заведений должны включать в себя в первую очередь авторитетных и заинтересованных представителей местной общественности. При этом данные советы могут стать важной составляющей инфраструктуры гражданского общества в Украине.

Очень серьезным условием (подспорьем) в решении актуальных проблем «образовательного поля» Украины является учет общественного мнения. Как свидетельствуют результаты мониторинга института социологии НАН Украины за 2009 г., лишь 11,3% опрошенных полностью удовлетворены уровнем своего образования, а 11,1% — полностью неудовлетворенны. При этом 19,0% респондентов считают, что характер их нынешней работы не отвечает их профессионально-образовательному уровню.

Удручающе выглядит динамика отношения респондентов к своему уровню образования за период 2008–2010 гг. (см. табл. 3.26).

Как это видно из таблицы, недовольных и скорее недовольных уровнем своего образования в 2008 г. было 34,9%, а в 2010 г. — 38,0%; соответственно довольных своим образованием в 2008 г. было 43,7%, а в 2010 г. — 39,5%. Наблюдается тенденция снижения уровня удовлетворенно-

сти своим образованием на фоне незначительного преобладания удовлетворенных им.

Среди тех, кто проживает в Киеве, 17,9% полностью удовлетворены уровнем своего образования. Вместе с тем в городах с населением более 250 тысяч таких лишь 9,3%. В небольших городах Украины полную удовлетворенность уровнем своего образования демонстрируют 13,0% респондентов, в селе 12,2%. Среди тех, кто проживает в городе, но за пределами Украины уровнем своего образования удовлетворены 4,1%, в селе — 9,4% опрошенных. При таком раскладе вещей не приходится говорить о значительном влиянии образования на повышение качества жизни нашей молодежи.

Пожалуй, единственным «реформаторским» шагом (если не считать попытку перехода к Болонской системе) в области образования является отказ от 10-летнего среднего образования. И следует сказать, что эта «реформа» воспринимается и оценивается гражданами Украины весьма неоднозначно. Довольно большая часть респондентов считают целесообразным возвращение к «старому» 10-летнему среднему образованию. Среди проживающих в Киеве таких 45,0%, в больших городах — 48,6%, малых городах — 40,0%, в сельской местности — 41,8%. Если посмотреть на проблему в «возрастном» аспекте, то увидим, что целесообразным возвращение к системе 10-летнего среднего образования считают 35,8% молодежи (в возрасте до 30 лет), 45,9% представителей среднего возраста (30–54 лет) и 44,7% людей старшего возраста (свыше 54 лет).

Очень интересным выглядит отношение респондентов к данному вопросу в зависимости от их образования. Так, среди респондентов с начальным и неполным средним образованием 38,7% считают целесообразным возвращение к 10-летнему школьному образованию. Среди обладателей среднего образования таких 41,6%, имеющих среднее специальное образование — 47,8%, бакалавров — 55,3%, а среди имеющих полное высшее образование 50,2%.

Становится очевидным, что если Украина не хочет лишиться интеллектуального потенциала, то она не должна упускать из виду ряд приоритетов [*Михальченко, 2001: с. 283*].

Во-первых, речь идет о бесплатном массовом образовании, ориентированном на хорошую подготовку специалистов для всех сфер трудовой деятельности, поскольку у нас нет резервов за счет пополнения «мозгами» из-за рубежа. Во-вторых, целесообразно продолжать курс на научную рациональность как главную определяющую (составляющую) современного образования. Введение в процесс образования иррациональных дисциплин (религии, астрологии) не находит серьезных оправдательных аргументов с позиции постиндустриальных и информационных стратегий современного развития, диалога современных мировых культур. В-третьих, приоритетной должна оставаться линия на интеграцию образования и науки. Можно спорить о приоритетности центра интеграции (университеты или специализированные научные учреждения). Но очевидным является тот факт, что интеграция науки и образования будет способствовать как научно-техническому прогрессу, так и внедрению достижений науки в образовательный процесс.

На наш взгляд, бесспорным является факт, что советская система образования (несмотря на определенные идеологические издержки в социальных и гуманитарных науках) была весьма эффективной, одной из лучших в мире. Накануне украинской независимости и после было предпринято ряд шагов по демократизации системы образования. Были приняты законы «О языке», «Об образовании», «О профессионально-техническом образовании», «О высшем образовании», направленные на поиски стратегических и тактических путей достижения соответствия системы образования новым задачам украинского общества.

При этом сокращалось бюджетное финансирование на систему образования, сеть профессиональных заведений. Одновременно повышалась нагрузка на преподавателей и воспитателей, сокращался объем государственного заказа на подготовку в вузах и техникумах. Это привело к резкому уменьшению контингента дошкольных учреждений, к перегрузке преподавателей, разрушению системы переподготовки кадров. Платное образование не смогло компенсировать потери «полураспада» образовательной системы.

Можно констатировать, что в Украине произошла некоторая либерализация системы образования. Но при этом ее непрерывность от низшего к высшему уровню значительно нарушена, снизилась доступность образования для значительной части молодого поколения. Руководство страны не смогло осуществить крупномасштабную реформу этой системы. И по этому показателю Украина отстает от Центральной Европы и Балтии, не говоря уже о более развитых странах.

Общество, которое в своем развитии стремится ориентироваться на либеральные модели, неизбежно сталкивается с их как позитивными, так и негативными последствиями и должно как бы заново изучать и оценивать возникающие конфликты и новые социальные механизмы.

Селекция, которую неизбежно предстоит изучать социологам, в таком обществе функционирует при помощи тонкого, замаскированного и тем не менее четко работающего механизма. Он состоит из разнообразных каналов подготовки учащихся, формальную и неформальную иерархию типов школ, открытые и латентные ценностные ориентации различных образовательных организаций, специфические критерии оценки успеваемости, «судей-педагогов», которые принимают должные правила игры. Без исследования этих механизмов сложно дать обоснованную оценку той или иной модели образования.

Развитие современной науки и ее взаимоотношение с обществом способствовало попыткам «ревизии» стандартной концепции науки. Сегодня в общественном сознании заметно усилились антиинтеллектуальные настроения, нападки на науку (особенно на представителей общественных наук), обвинение последней в неспособности давать обоснованные и эффективные рекомендации по важнейшим проблемам социально-экономических преобразований. В массовом сознании присутствуют эффект негативного восприятия ученых, недоверие к их компетенции, способности давать достоверные, реалистичные прогнозные оценки и рекомендации.

Это связано с целым рядом причин. Во-первых, сказывается негативный опыт их (ученых) деятельности — как

следствие неоправданных надежд на всемогущую науку. Масштабные ядерные катастрофы, экологический кризис, просчеты и ошибки в планировании и реализации социально-экономического развития – все это свидетельствует о том, что наука во многих случаях оказалась не на высоте своего положения. Такие негативные черты, как некомпетентность, конформизм (присущие значительной части деятелей науки) подрывали ее престиж, вызывали в массовом сознании «эффект разочарования». Немногим присуще понимание того, что наука – «часть» общества и «ощущает» на себе все его противоречия и деформации.

Во-вторых, до сих пор в обществе существуют стереотипы неуважительного отношения к умственному труду, недоверие к научной интеллигенции. Этот стереотип «родился» еще в 30-ые годы, когда в условиях жестокой классовой борьбы носители свободной творческой мысли причислялись к категории «вредителей» и «буржуазных прихвостней». В-третьих, идеологические и авторитарно-бюрократические догмы и запреты «создали» в массовом сознании «соглашательский» тип ученого, определили дальнейший разрыв между творческой познавательной деятельностью и деятельностью, направленной на административные возвышения по лестнице научной карьеры. В-четвертых, на уровне массового сознания не всегда имеет место четкое представление о роли ученых в общественном развитии, степени их профессиональной и гражданской ответственности за последствия реализации тех или иных изобретений, разработок и т.д., и в том плане многое зависит от средств массовой информации, их умения и возможностей достоверно и непредвзято показывать все проблемы и противоречия, с которыми сталкиваются ученые в своей деятельности. Американские социологи пришли к выводу, что хотя почти половина (49%) взрослого населения США проявляет интерес к науке и научной политике, лишь четвертая часть понимает информацию (поступающую из массовых источников) на минимально приемлемом уровне.

В Украине наука в концентрированном виде воплощена в национальной академии, которая в ноябре 2008 г. отметила

90-ю годовщину своей деятельности. Создание Академии наук в Украине стало возможным благодаря атмосфере активного национально-культурного возрождения в обществе XIX – начала XX веков, а также подвижнической деятельности отечественных деятелей науки, образования, культуры.

Украинская наука была важной и весомой структурной составляющей науки в бывшем СССР, вследствие чего и наследовала все достижения и «болезни» советской науки, в первую очередь академической. Кризисное состояние советской науки является общепризнанным фактом. Кризис стал следствием длительного господства в стране командно-административной системы, которая стремилась подчинить своим «высшим» интересам развитие науки. Определение приоритетов научной политики, оценка открытий в науке, формирование новых научных направлений, распределение ресурсов на их развитие монополизировались властью бюрократов.

Интеллектуальный и экономический застой, непомерная идеологизация всех сторон духовной жизни негативно влияли на развитие науки, на отношение общества к неординарным взглядам и открытиям отдельных ученых. Длительная политика изоляции от мировой науки, неоправданный режим повышенной секретности привели к нарушению целостной природы научного знания, появлению элементов псевдонауки.

В формах организации бывшей советской науки просматривались такие недостатки, как жесткость организационных структур, ведомственная разобщенность отраслевой науки, слабое стимулирование, отрыв от производства и т.п. В социологии науки давно установлено, что именно демократия создает наилучшие условия для развития науки. И это объясняется тем, что в условиях демократии возможно достаточно свободное функционирование механизмов саморегуляции науки, обеспечивающих ее автономию и свободу творческой деятельности.

Постсоветское бытие «ликвидировало» большинство иллюзий относительно оценки возможностей науки в СССР.

Длительное время из одного программного документа в другой переходило утверждение о том, что советская наука занимает передовые позиции в мире и имеет прекрасные перспективы. В роли аргументов обычно приводились успехи государства в решении «атомной» проблемы, военных программ, в фундаментальных науках в целом. Главным же аргументом были апелляции к тому факту, что в Советском Союзе больше научных работников, нежели в любой другой стране мира.

В 1991 г. высший научный институт Украины вышел из системы союзной Академии. За это время Национальная академия наук Украины внесла весомый вклад в дело построения независимого украинского государства, «создала» свой имидж в сознании населения страны. Итак, в какой же степени граждане Украины знакомы с деятельностью высшей научной институции страны, как они оценивают ее роль в современном обществе, вклад ученых в процесс трансформации украинского социума?

Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины (и посвященного 85-летию Национальной академии наук), 53,5% респондентов считают, что наука способствует позитивным изменениям в жизни общества, 21,1% — способствует в значительной степени. Вместе с тем знакомы с научно-практическими достижениями НАН Украины лишь 4,2% граждан нашей страны, 22,1% знакомы с достижениями Академии лишь частично. Одновременно 73,7% граждан не знакомы с научно-практическими достижениями ученых НАН Украины. В 1998 г. показатели составляли соответственно 4,0%, 37,0% и 51,0%. При этом 85% опрошенных считают, что общество не может существовать без науки (в 1998 г. этот показатель составил 50%). Таким образом, речь идет о том, что граждане Украины достаточно высоко оценивают роль науки в обществе в целом, но не «уважают» отечественную науку. Поэтому не случайно 94,1% респондентов не знают, кто возглавляет Национальную академию наук Украины (лишь 5,9% опрошенных назвали фамилию Б.Патона).

Статус отечественной науки в общественном сознании, безусловно, накладывает свой отпечаток и на жизненные планы граждан относительно научной карьеры. Так, 4,3% опрошенных ни в коем случае не согласны, дабы близкий им человек стал ученым, 7,7% скорее не одобрили бы такой выбор. Вместе с тем 39,5% соотечественников одобряют «научный» выбор своих близких, а 30,5% – скорее одобряют. Оценивая же сегодняшнее состояние нашей науки, 8,3% респондентов считают, что она находится преимущественно на мировом уровне. По мнению 37,4% опрошенных, украинская наука является мировым лидером лишь в ряде проблем, а 39,3% граждан Украины полагают, что она существенно отстает от передового мирового уровня.

Основная масса населения Украины склонна к поддержке интенсивного развития точных наук (такого мнения придерживаются 75,8% опрошенных). Лишь 3,0% респондентов видят целесообразным сокращение исследований в этой области. За развитие прикладных наук высказываются 82,3% граждан Украины, общественных наук – 62,1%, гуманитарных – 62,2%. Относительно достаточно новой в нашем обществе науки социологии приверженность высказывают 64,2% респондентов. При этом нельзя не отметить, что науку в целом (ее развитие) поддерживают 89,2% жителей всех регионов Украины.

Приведенные данные свидетельствуют, что в массовом сознании населения Украины сложился позитивный имидж Национальной академии наук. Но все же рост имиджа в большей степени будет зависеть от решения ряда проблем (устранения недостатков) в деятельности главной научной институции Украины.

Сегодня кризисная ситуация, в которой находится украинское общество, требует для своего решения принципиально нового подхода к использованию результатов науки во всех сферах деятельности. Одновременно необходим новый уровень подготовки научных результатов к практическому использованию, особенно в сфере общественных наук, экономики, социологии, а также экологии и других научных направлений. Однако это требует адекватного отношения общества и государства к науке.

Совершенствование всех сторон отечественной науки сегодня (финансирования, технической базы, информационного обслуживания организационных структур) имеет смысл и значимость лишь при условии одновременного улучшения системы подготовки, подбора и распределения кадров. Еще в советское время отмечалось, что кадровая политика в сфере академической науки не отвечает ни общественным потребностям, ни принципам научной деятельности [Пилипенко, 1991: с. 39–42]. Именно неэффективная кадровая политика в сфере науки рождает противоречие между интересами общества и интересами сообщества ученых и приводит к эмиграции научной интеллигенции, к «оттоку мозгов».

Послабить катастрофические последствия «оттока мозгов» могла бы оптимизация процесса подготовки и воспроизводства научных кадров, коренная перестройка кадровой политики в науке. Доминирующая в кадровой политике система «социальной очередности» ориентирована на стандарты «среднего уровня» — оплот бюрократов. Она (система «социальной очередности»), препятствуя конкуренции на вакантную должность, консервирует в науке статус-кво и блокирует всяческие изменения в ней.

Следует сказать, что весьма плачевным ныне является положение «верхушки» НАН Украины. О среднем возрасте академиков и членов-корреспондентов Академии говорить излишне. Но при этом происходит колоссальное сопротивление вхождению в НАН Украины более молодых, талантливых ученых, которые никак не уступают своими научными достижениями «зрелым» коллегам. Именно корпоративность НАН Украины в большей степени «способствует» появлению новых, общественных и отраслевых академий.

Нельзя не отметить и еще одно недоразумение (даже абсурдность), связанную с уставом Национальной академии наук Украины. Ведь по уставу членами академии являются лишь академики и члены-корреспонденты. Получается, что доктор наук, работающий в академическом институте, не является членом Академии, а член-корреспондент из какого-нибудь провинциального высшего учебного заведения такой «честью» может быть удостоен. Вряд ли при таком поло-

жении дел можно говорить о восхождении науки на новый качественный уровень.

К сожалению, не приходится говорить и о существовании серьезной, адекватной системы стимулирования и оплаты труда ученых. Уровень заработной платы научных работников является унижительным не только в сравнении с зарубежными аналогами, но и в пределах Украины. Причем даже те, достаточно ограниченные возможности для дифференциации оплаты ученых (которые существуют ныне в институтах НАН Украины) используются, мягко говоря, «неоптимально». И данная неоптимальность во многом связана с субъективизмом руководства институтов, неэффективностью аттестационных компаний. В условиях такого стимулирования трудно ожидать научного энтузиазма и оригинальных идей даже от ученых непенсионного возраста.

Кстати, 66,7% граждан Украины считают, что научные работники получают зарплату меньше, нежели они заслуживают. И лишь 2,9% респондентов придерживаются противоположной точки зрения. При этом 10,9% опрошенных думают, что выбирая профессию ученого, люди в нашей стране руководствуются размером «научной» заработной платы [Пилипенко, 2007: с. 156].

Имеют место и «объективные» причины, тормозящие развитие отечественной науки. Так, объем государственного финансирования науки настолько сократился, что речь идет именно о ее «выживании». И в ситуации такого «финансирования» проведение перспективных (в первую очередь фундаментальных) научных исследований становится практически невозможным. Сегодня академические научные учреждения не обеспечены (в должной мере) научными приборами, реактивами, другими видами материально-технических ресурсов. Сократились объемы поступлений научно-технической информации (в первую очередь иностранной научной периодики). Небезпроблемным стало дело издания научных трудов.

И все же Национальная академия наук Украины (как высшая научная институция) еще имеет достаточный потенциал, дабы при надлежащей поддержке государства обес-

печивать необходимое развитие фундаментальных наук, активно участвовать в процессе демократической трансформации украинского общества. Вместе с тем, отечественная академическая наука требует существенной реорганизации (решения проблем, о которых говорилось выше). Главной целью реформирования НАН Украины должно стать сохранение ее эффективной и результативной деятельности в условиях социального рыночного хозяйства.

Успешность реформационных процессов в современной академической науке неразрывно связана с преодолением структурного, морально-ценностного и духовного кризиса.

Структурный кризис («имперский») является следствием распада СССР. Но это и кризис «постмилитаристский» (обусловленный «военным» перекосом исследовательского потенциала). Интеллектуальный кризис коррелирует с непрестижностью научного труда, ее материальным «наказанием», резким снижением социального статуса ученого. Морально-ценностный кризис проявляется в несовершенной, извращенной системе оценки научной деятельности. Духовный кризис – «синтез» обозначенных выше проблем, ярким примером которого является массовая апатия, отсутствие вдохновения, внутренних стимулов к творчеству, научного и национального патриотизма.

Сегодня в Украине «ослаблены» когнитивная (производство нового знания) и социальная (сохранение научно-технического и социального прогресса, развитие экономики, медицины, образования и т.п.) функции науки. В результате наметилась тенденция деинтеллектуализации общества по всей вертикали от элит до люмпенов. Поскольку «рыночный» потенциал самой науки является низким в силу отсутствия реальной внутренней трансформации, реформы в управлении нею (наукой), то она переживает общий кризис во всех измерениях: когнитивном, функциональном, информационном, дидактическом и т.п.

Поэтому долгосрочные меры (стратегического характера) должны быть направлены на глубокую переориентацию и переструктуризацию всей академической системы с учетом новых политических и экономических условий и целей,

усиления национальной доминанты в развитии науки, повышения качества научного персонала, формирования действительной научной элиты. Именно последняя способна обеспечить органичное и полноправное вхождение Украины в мировое сообщество, придать интеллекту науки качества, адекватного современным требованиям цивилизации.

В триаде «образование — наука — культура» последняя занимает достойное место в плане влияния на развитие украинского общества на повышение качества жизни его граждан. Именно на экономику страны значительно влияет культура. И поведение населения в большой мере (особенно на этапе рыночных преобразований) определяется уровнем его культуры (и в не последнюю очередь экономической культуры).

В социологии культура рассматривается в аспекте, который непосредственно связан с регуляцией поведения человека, социальных групп, функционированием и развитием общества в целом. Основное внимание здесь уделяется исследованию культуры как символической, ценностной и нормативной системы, направляющей и регулирующей деятельность людей. Культура как ценностно-нормативный механизм регуляции социальных взаимодействий, обеспечивает целостность общества и социальный порядок.

Любое поведение индивида в обществе определяется его ориентацией на ценности. Ценности — главные элементы духовной культуры, играющие определяющую роль в регуляции социальных взаимодействий. Они появились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку упорядочить действительность и внести в ее осмысление оценочные моменты.

В механизме влияния культуры на общественную жизнь особенно важно то, что культура устанавливает системы ценностей и определяющие их критерии. Поведение человека определяется его потребностями, на основе которых формируется интерес. То есть, некоторым потребностям придается большое значение. Индивиды и группы должны постоянно выбирать способы удовлетворения своих потребностей. В таких ситуациях выбора вступают в действие ценности и критерии, определяющие шкалу ценностей.

На фоне декларативного невосприятия большинством населения Украины коммунистической идеологии и административной экономики очень низким остается уровень его компетентности и информированности в ключевых вопросах социально-экономических преобразований в стране. Если мы говорим о культуре, то непременно имеем в виду (что актуально и своевременно) экономическую культуру. Именно современная система экономического просвещения ставит своей задачей преодоление стереотипов экономического сознания, которые искажают восприятие и понимание рыночных преобразований в украинском обществе. Ведь именно эти стереотипы не исчезают даже под влиянием суровой школы «дикого капитализма». И, как свидетельствуют многочисленные социологические исследования, большинство населения Украины и сегодня пребывает в плену стереотипов, не дающих возможности освободиться и развиваться потенциалу свободного экономического роста общества.

Согласно социологу Е. Головахе, экономическое просвещение должно базироваться на таких принципах [*Головаха, 1996: с. 7*]:

1) экономическое просвещение населения должно способствовать осознанию индивидом приоритета экономического интереса над интересами государственной бюрократической машины;

2) приоритет формирования экономического просвещения должен принадлежать не государственным структурам, а гражданскому обществу и предпринимательским структурам, развитие которых непосредственно обусловлено уровнем экономической культуры последнего;

3) развитие системы экономического просвещения должно стать приоритетным заданием средств массовой информации;

4) система массовой информации должна быть дифференцированной, учитывая отличия в формировании экономического сознания разных категорий населения. Она должна учитывать как меру сопротивления новым тенденциям в экономике, так и потребность различных социальных групп в новой информации.

Опыт государств, достигших успехов на пути любых общественных преобразований и тем самым повысивших качество жизни своих граждан, показывает, что эти успехи достигаются благодаря опоре на национальную культуру, на особенности самосознания населения. Касательно каждой этнокультурной общности данные «точки опоры» качественно отличаются. Но обязательно должно быть что-то составляющее стержень культурных традиций, принадлежащее к базовым ценностям и адекватное по своей сути, пребывающим в процессе становления общественным отношениям, способное быть их опорой. Наличие двух этих условий является принципиально важным. В противном случае (если отсутствует один из обозначенных элементов) либо этнокультурная общность не сохранит то, что определяет ее особенности (не сможет остаться определенным специфическим образованием), либо не будут развиты общественные отношения, которые внедряются. Вышесказанное свидетельствует об актуальности изучения социально-культурных и психологических факторов как интегрального показателя качества населения.

Сегодня в нашем обществе одним из дефицитов является дефицит культуры. Становление новой, рыночной культуры происходит в противостоянии с последствиями административно-командной культуры. Ведь стереотипы экономического поведения не исчезают бесследно, а наследуются, передаются от бывших систем будущим. Именно поэтому такие черты советской экономики, как централизация, запреты, полуполюгальный характер предпринимательства и новаторства, сохранились и продолжают действовать в новых условиях, когда переход к социальному рыночному хозяйству набирает темпов.

Будущее культуры (и в первую очередь экономической) зависит не только от сдвигов в сознании и поведении людей, но и от институциональных условий. Речь идет о главных институтах общества — политике, праве, морали. Первым институциональным условием формирования новой культуры является политическая стабильность общества. При достижении политического согласия относительно главных направлений социально-экономических преобразований

будет время на становление рыночных отношений и рыночной культуры.

Вторым институциональным условием для формирования новой экономической культуры является переориентация старых управленческих структур на поддержание рыночных отношений, а также создание новых, действенных управленческих структур, способных обеспечивать такую поддержку.

Третье институциональное условие – создание правовых регуляторов, гарантирующих защиту различных форм собственности, безопасность новых экономических структур, возможность вложения капиталов. Только при условии опережающего развития правовых регуляторов можно ожидать полного доверия к рынку и массового распространения рыночных моделей поведения.

Наконец, четвертым институциональным условием является моральное оздоровление населения. Ведь в атмосфере аморализма и преступности формирование «нормальной» экономической культуры невозможно.

Очень трудно формировать экономическую культуру и в условиях отсутствия эффективной системы экономического просвещения населения, которая должна выполнять три главные функции: образовательную, воспитательную и идеологическую (идеологическое обеспечение реформ). Система экономического просвещения должна быть направлена на «производство» таких форм рынка, которые адекватны национальным традициям и культуре, воспроизводству этики труда. Необходима определенная система воспитания граждан, укрепление сознания того, что адекватная психологическая подготовка нации является непременным условием успешного проведения радикальных экономических преобразований.

Культура – многогранное явление как по своим характеристикам, так и по форме функционирования. Она охватывает всю совокупность достижений общества в материальной и духовной жизнедеятельности. Культуру важно вычленить как особую специфическую сферу образа жизни. Ее буквально пронизывают все сферы жизнедеятельности людей: труд, досуг, общение. При этом она в рамках

каждого общественного строя выступает проявлением его экономической и социально-политической эффективности. То есть, культура является одновременно одним из важнейших компонентов образа жизни и отображением его потенций в разнообразных сферах человеческой деятельности.

Если говорить о процессе формирования в украинском социуме рыночной экономической культуры, следует осознавать, что ныне продолжается мощный процесс деидеологизации экономического сознания. Люди уже не смотрят на экономическую жизнь сквозь призму научного коммунизма. Они начинают определять экономические позиции с учетом собственных жизненных интересов. Продолжает развиваться процесс адаптации людей к новым рыночным реалиям. Как свидетельствуют результаты мониторинга, важнейшим фактором влияния на формирование экономической культуры является обучение в школах, техникумах, вузах.

Социология культуры в своих эмпирических поисках использует как качественные, так и количественные методы. В частности, метод опроса дает возможность исследовать духовные потребности различных слоев населения и на этой основе «строить» типологию культурной деятельности, выделяя (как это делают, например, одесские социологи) максимально активных, средне активных и пассивных потребителей, а также носителей маргинальной культуры.

Собственно говоря, современная социология культуры выполняет функцию стыковой зоны между культурологией и социологией, рассматривая культурные аспекты социальной жизни и социальные аспекты культурной жизни. Этому способствует, с одной стороны, специализация наук о культуре, а с другой — потребность в синтезе научной информации в контексте решения проблем, связанных с изучением феноменов, которые изменяются под влиянием общественных факторов. Это означает, что потребность в новой социологии культуры в наше время не только существует, но и реализуется. При этом, не смотря на интенсивное накопление социологических знаний о культуре в последнее десятилетие, социологию культуры трудно считать устоявшейся научной дисциплиной.

Рассмотренные выше концепции, модели, атрибуты, показатели таких сфер общественной жизни как образование, наука, культура, безусловно во многих случаях подвергаются опасностям и рискам, стоящим на пути к повышению качества жизни населения Украины.

3.5. Опасности и риски в жизнедеятельности людей

Современный человек живет в мире опасностей – природных, технических, экологических и как показывает опыт нашей страны, социально-политических, если принимать во внимание социальные последствия происходящих политических изменений. Опасности часто взаимодействуют между собой и тем самым зачастую усугубляют свои последствия. Например, разрушительная сила землетрясения становится причиной массовых жертв, а это, в свою очередь, приводит к распространению опасных инфекций (Гаити, 2010 г.). В мире растет число аварий, пожаров, катастроф, наводнений. Катастрофические пожары в России летом 2010 г. оставили бездомными тысячи людей. В автокатастрофах в Украине в 2010 г. погибли порядка 5000 человек и получили травмы в результате автокатастрофы около 40000 человек. Список погибших дополняют всякого рода техногенные катастрофы. Под опасностью чаще всего понимается угроза природной, техногенной, социальной, военной, экономической или любой другой направленности, осуществление которой может привести к ухудшению состояния здоровья или смерти человека, а также нанести ущерб окружающей среде. Опасность – это явление, процессы, объекты, способные в определенных условиях нанести ущерб физическому здоровью или психологическому состоянию человека непосредственно или косвенно. По своим масштабам распространение опасности варьируются от угрозы отдельному человеку до опасности обществу, государству.

К основным показателям опасности относятся ее интенсивность и риск. Интенсивность опасности – это степень ее напряженности, которая выражается скоростью возможного

наступления угрожаемого события, его количественной и качественной характеристиками.

Риск — это мера ожидаемой неудачи, неблагополучия в жизнедеятельности человека, связанная с опасностью наступления неблагоприятных последствий для его здоровья и/или возникновения, материальных и/или духовных потерь. Естественно, чем меньше степень риска, тем выше уровень качества жизни человека.

В жизни мы ежедневно, сознательно или несознательно подвергаемся целому ряду рисков. Риск присутствует с нами практически везде — в транспорте, быту, на работе. Как можно оценить риск? Оценка риска — это анализ причин происхождения (возникновения) и определение масштабов риска в конкретной ситуации. В связи с этим, управление риском следует понимать как изучение рискованной ситуации, разработка и обоснование управленческого решения, часто в форме правового акта, направленного на минимизацию риска. В то же время, на практике достичь нулевого уровня риска невозможно.

Различают несколько видов риска: индивидуальный, технический, экологический, экономический, социальный. Индивидуальный риск характеризует опасность определенного вида для отдельного индивидуума. Он может быть добровольным и вынужденным. Технический риск является показателем надежности элементов техносферы. Экологический риск характеризует масштабы экологического бедствия, катастрофы, нарушения устойчивости экологических систем. Экономический риск определяется соотношением пользы и вреда, которые общество получает от рассматриваемого вида деятельности. Социальный риск характеризуется масштабом и тяжестью негативных последствий чрезвычайных ситуаций, часто выражающийся в числе погибших или пострадавших. Принимая во внимание обозначенные виды риска как целое, мы логически подходим к концепции приемлемого риска. Приемлемый (или допустимый) риск, характеризующий повышение уровня качества жизни, сочетает понятия обозначенных выше пяти видов риска и представляет собой компромисс между приемлемым уровнем безопасности и экономическими возможностями его дос-

тижения. Материальные затраты направленные на обеспечение безопасности, удорожая стоимость продукции или работ, связанных с каким-либо действием, в конечном счете ложатся на общество, ухудшая качество жизни населения (растет социальный риск). Таким образом, снижая все виды рисков, нельзя забывать, во что это обойдется обществу, и каким в результате окажется социальный риск. В итоге риск является приемлемым, если его величина (вероятность реализации) настолько незначительна, что ради получаемой при этом выгоды в виде материальных или социальных благ человек или общество в целом готовы пойти на риск.

Следует выделить четыре методических подхода к определению риска. *Инженерный* – опирающийся на статистику, расчет частот, вероятностный анализ безопасности, построение дерева опасности. *Модельный* – основанный на построении моделей воздействия вредных факторов как на отдельного человека, так и на социальные, профессиональные группы и т.п. *Экспертный* – определяющий вероятность различных событий на основе опроса опытных специалистов, т.е. экспертов. *Социологический* – основанный на опросе населения.

Сегодня активно развивается теория рисков, которая положена в основу нового научного направления – рискологии. Ее становление связано с появлением понятия качества жизни, со снижением безопасности жизнедеятельности человека в результате возросшей агрессивности среды его обитания. Система «человек-среда» является двухцелевой: первая состоит в достижении определенного эффекта в процессе деятельности; вторая – в исключении нежелательных последствий этой деятельности. Иными словами, окружающая нас природа рассматривается человеком с двух противоположных позиций. С одной стороны, для повышения качества жизни и нормального жизнеуществования нам необходимо обеспечивать стабильность всех факторов окружающей среды. С другой, жизнедеятельность человека невозможна без пагубного воздействия на природу. Различные загрязнения грунта, вод и воздуха, выделение большого количества тепла – это лишь небольшая часть «последствий» человеческой деятельности, которые в конечном итоге отри-

цательно влияют на повышение качества жизни человека. Именно в одновременности этих двух сторон состоит противоречие во взаимодействии человека с природной средой. Социальные последствия человеческой практики дают нам основание утверждать, что практически любая деятельность человека несет в себе потенциальную опасность для его среды обитания. И поэтому, несмотря на достижения научно-технического прогресса, значительное совершенствование технологии в производственных процессах, способствующее повышению безопасности, возникают новые виды опасностей, которые по своим последствиям превосходят ранее существовавшие.

Это обусловлено следующими обстоятельствами: структурными и технологическими сдвигами в экономике, связанными с развитием принципиально новых производств (микроэлектроники, робототехники, освоением космического пространства, нанотехнологий); ростом потребления всех видов энергии и природных ресурсов; глобальными изменениями природной среды (потепление климата, образование «озоновых дыр» в атмосфере); увеличением концентрации и возникновением новых загрязнителей и форм нарушения качества окружающей среды и продуктов питания, в частности, высокотоксичных химических соединений, мутагенных и канцерогенных органических веществ, генетически модифицированных продуктов (ГМО) и др.; информационным давлением на психику человека, приводящим к распространению большого числа психических расстройств; прогрессивным ростом новых заболеваний (наркомании, СПИДа и т.д.); усилением военного противостояния в локальных и межнациональных конфликтах и обострением криминогенной обстановки и пр. С середины 90-х годов прошлого столетия к этому списку добавились опасности, связанные с развалом СССР и переходом страны на капиталистический путь развития – падение уровня жизни большинства населения и беспрецедентный рост безработицы. Все это, несмотря на достижения человеческой цивилизации, увеличивает масштабы и количество рисков в жизнедеятельности людей и нередко ставит под сомнение повышение качества жизни. Поэтому управление рис-

ками становится одной из актуальных и сложных проблем современного мира.

Среди вышеобозначенного многообразия подходов к изучению риска в интересующем нас аспекте можно выделить два основополагающих: «технический» и «социальный».

Первый, «технический», имеет более продолжительную историю и рассматривается как атрибут технологических процессов. Абстрагируясь от субъективных ценностей он, как правило, сводится к количественной оценке вероятности определенного ущерба. При этом, для более точной оценки риска привлекаются результаты смежных, не технических наук, прежде всего психологии при оценке сбоев в системе «человек – машина» и позднее, социологии, при моделировании поведения населения в экстремальной ситуации. Таким образом, экономисты и психологи первыми проявили самостоятельность в изучении риска. Был сделан шаг за пределы круга сугубо «материальных» оценок потерь и признано, что социально-экономические и общекультурные издержки имеют для общества не меньшую значимость.

Второй подход, «социальный», ошутимо заявил о себе лишь в 60-е годы в контексте споров о социальных аспектах интенсивно развивающихся атомных технологий. Уже в те годы анализ социальных аспектов риска затронул многие обществоведческие дисциплины, а опыт последующих десятилетий продемонстрировал решающее значение «системного» видения проблемы. В отличие от первого, «технического», «социальный» подход усматривает непосредственную связь оценок риска с ценностями и нормами социального характера, с качеством жизни, и учитывает политические, этические, социологические, психологические, экономические и прочие аспекты, которые тесно переплетены между собой, так что невозможно, обращаясь к одному из них, не сталкиваться с другими. Вместе с тем технократические тенденции продолжают оставаться характерными для большинства управленческих решений и свидетельствуют об их недемократичности, этической слабости и недостаточной законности.

«Технический» и «социальный» подходы, как правило, противопоставляются друг другу. Термин «технические

аспекты риска» при этом характеризует механизмы, технические технологии, физические, химические и иные процессы в абстракции от людских ресурсов и «человеческого фактора», в то время как термин «социальные аспекты риска» — все, что не относится к промышленным технологиям (демонстрации и общественные движения, заболеваемость и удовлетворенность своей жизнью в целом, уровень жизни и уровень доверия к социальным институтам).

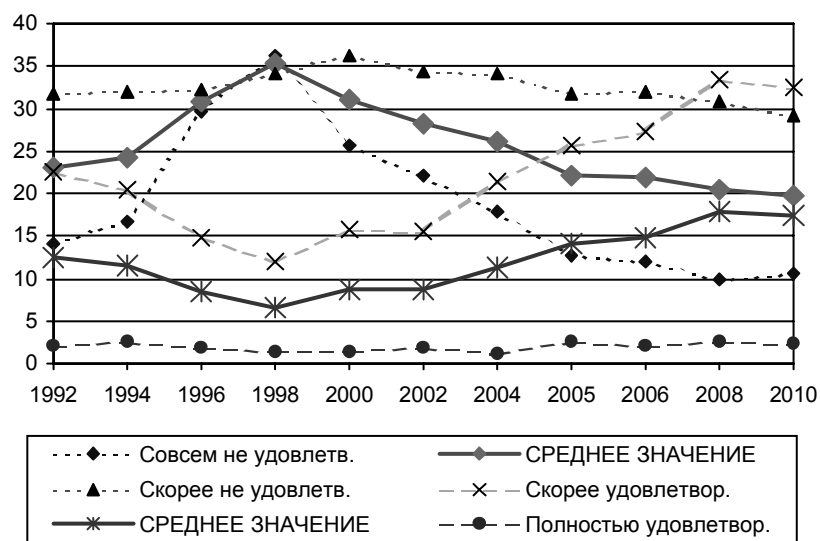
В исследованиях социальных аспектов риска экономический, политический и психологический подходы к пониманию риска недостаточны, так как если экономическая или политическая выгодность каких-либо мер вступает в противоречие с их социальными последствиями, то последние имеют безусловный приоритет и должны быть изучены и просчитаны. Но поскольку понятие «социальные аспекты риска» с позиции анализа социальных последствий включает в себя (как дополнительно привлекаемый материал, который иногда оказывается очень значимым) учет экономических, политологических, психологических, демографических и других факторов, то без социологии полноценный анализ рисков в жизнедеятельности людей невозможен.

Социологический подход в изучении риска показал, что когда измерение ведется в человеческих жизнях и объемах разрушений, то ответ на вопрос «что хуже», дается сравнительно легко. Но когда вопрос ставится — «что лучше» в общечеловеческом смысле, то появляется бездна неясностей, затрагивающая поле мотивов и желаний в сфере политических, экономических, психологических, культурных и других приоритетов.

Согласно данным мониторинга, проведенного в 2010 г. Институтом социологии НАНУ полностью удовлетворены своей жизнью только 2,3% жителей Украины и полностью не удовлетворены (крайние позиции в шкале) — 10,6%. В целом же, по шкале удовлетворенные/не удовлетворенные своей жизнью, результат имеет значение 35 : 40 %% соответственно. Следует подчеркнуть и обратить особое внимание на то, что за период с 2000 г., т.е. за десять лет, число совсем неудовлетворенных своей жизнью уменьшилось

Рисунок 3.1

Удовлетворенность своей жизнью в целом (%)

почти в три (!) раза (см. рис. 3.1). Из графика четко видно, что в конце XX столетия отмечается максимальное количество неудовлетворенных своей жизнью и в 1998 г. он достиг своего пикового значения. Парадоксально, но в этом (1998 г.) количество граждан обозначивших свою жизнь как «совершенно не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» практически совпали. Заметим, что при этом количество граждан Украины, которые «скорее не удовлетворены», т.е. кого можно отнести к умеренным в оценке своей жизни, практически не меняется на протяжении всего периода наблюдения. Аналогичная тенденция наблюдается и у тех, кто полностью удовлетворен своей жизнью.

Кто же они, эти две группы людей граждан Украины, которые в оценке своей жизни стоят на совершенно противоположных позициях? Как они оценивают некоторые показатели, характеризующие социальные аспекты риска в жизнедеятельности людей?

Прежде всего следует отметить, что из представленных для оценки 17-ти показателей опасности для жизнедеятельности граждан Украины первые три места в рейтинге получили: *рост цен* – 84,2%; *безработица* – 80,1% и *невыплата з/п и пенсий* – 73,8%. Ближайшие показатели к этой тройке: *рост преступности*, *угроза голода*, *угроза остановки предприятий*, *угроза заражения опасными для жизни инфекциями*, – не превышает 40 +/- 3%. Но анализируя эти важные для жизнедеятельности людей социальные аспекты риска через призму оценки удовлетворенности жизнью, можно наблюдать значимые различия (см. табл. 3.27).

Как видно из таблицы, люди неудовлетворенные своей жизнью в большей степени, чем удовлетворенные, опасаются некоторых из обозначенных аспектов социального риска. Учитывая, что таковых людей в Украине 40%, это обстоятельство можно рассматривать как в серьезную социальную проблему. Экономические составляющие жизнеспособности населения, которые мы в данном случае рассматриваем сквозь призму роста цен, безработицы, заработной платы и пенсии, волнуют всех, но особенно болезненно на них ре-

Таблица 3.27

Опасение граждан Украины некоторыми аспектами социального риска в зависимости от удовлетворенности своей жизнью (%)

	Опасение роста цен	Опасение безработицы	Невыплата з/п и пенсий	Опасение роста преступности	Опасение голода	Опасение остановки предприятий	Заражение опасными инфекциями
Неудовлетворенные своей жизнью	86,3	78,5	77,7	46,3	38,3	43,0	39,8
Удовлетворенные своей жизнью	78,7	76,2	72,5	36,0	31,5	43,4	29,4
Совершенно не удовлетворен	87,4	78,0	82,2	49,7	44,0	43,0	46,6
Полностью удовлетворен	73,2	73,2	73,2	34,1	34,1	41,5	21,9

агируют люди не удовлетворенные жизнью. И их, что вполне естественно, в большей степени волнует рост преступности, опасение голода, возможность заражения опасными болезнями. Учитывая то, что эта группа людей 12 лет назад (в 1998 г.) была практически в два раза больше (см. рис. 3.1), накапливаемое состояние тревожности (риска) привели к тому, что на эту группу (неудовлетворенных) приходится наибольшее количество людей с плохим настроением и плохим здоровьем (таблицы 3.28 и 3.29).

Таблица 3.28

Оценка респондентами своего настроения в зависимости от удовлетворенности своей жизнью (%)

	<i>Прекрасное настроение</i>	<i>Нормальное, ровное состояние</i>	<i>Испытываю напряжение, раздражение</i>	<i>Испытываю страх</i>
Неудовлетворенные своей жизнью	1,6	33,0	39,0	12,5
Удовлетворенные своей жизнью	14,5	58,0	13,0	4,4

Из таблицы видно как велика разница в показателях прекрасного настроения среди сравниваемых групп – в 9 раз! Для кого преимущественной составляющей в жизнедеятельности является чувство напряжения и страха, так это для людей неудовлетворенных своей жизнью.

Таблица 3.29

Оценка респондентами состояния своего здоровья в зависимости от удовлетворенности своей жизнью (%)

	<i>Очень плохое</i>	<i>Плохое</i>	<i>Удовлетворительное</i>	<i>Хорошее</i>	<i>Отличное</i>
Неудовлетворенные своей жизнью	6,7	27,9	54,8	9,7	1,0
Удовлетворенные своей жизнью	1,5	15,9	46,8	24,8	11,0

Из представленной таблицы 3.29 четко видно, насколько разнятся оценки состояния здоровья среди представленных групп: хорошее и отличное здоровье — это прерогатива людей удовлетворенных своей жизнью; очень плохое и плохое — это удел тех, кто не удовлетворен своей жизнью.

Представленные показатели, полученные социологическими методами, в итоге отражают качество жизни. Приведенные данные наглядно показывают, насколько трансформационные изменения в обществе, кардинально затронувшие промышленный потенциал страны (перераспределение ресурсов, перепрофилирование, закрытие заводов и т.п.) повлияли на самочувствие людей, на качество их жизни. Опасности и риски социального характера требуют от «властей» различных уровней (от руководителей страны до руководителей предприятия и его структурных подразделений) привлекать общественность в обсуждении проектов, влекущих за собой социальные риски. Трагедия чернобыльской АЭС и повторившаяся через 25 лет авария на фукусимской АЭС (Япония) показали, что «публичные слушания», «общественное инспектирование», «диспуты», «комментирование в средствах массовой информации», «просвещение населения» и т.д. это не пустые слова. Обычно в западной социально-политической литературе такие механизмы характеризуются с позиций их «демократичности», вовлеченности населения в принятие решений через «дискуссии», согласование позиций экспертов и населения, согласия и взаимоуважения между ними и т.д. Такой подход в диалоге с общественностью снижает социальную напряженность и уровень риска, минимизирует опасность принятия ошибочных действий со стороны властей и положительно влияет на повышение качества жизни. Недостаточное понимание в восприятии этого механизма связано исключительно с непросвещенностью, невежеством и иррациональностью индивидов и групп, принимающих управленческие решения. Необходимо понимать, что концептуальные составляющие рисков социального характера не могут просто сопоставляться, ибо относятся к различным *измерениям* и попытки свести различные показатели к одному основанию, искажают положение в социальной сфере и состоя-

нии качества жизни. Это требует от гуманитариев более глубокого изучения качественной стороны социальной действительности и ведет к новым ступеням междисциплинарной интеграции, к своевременным изменениям в практике принятия решений. В частности, наряду с учетом величины риска, необходимо придавать большее значение исследованию его *контекста*, отражающего социальные последствия, что в свою очередь, влияет на качество жизни.

3.6. Региональная специфика качества жизни населения Украины

Важным аспектом в изучении качества жизни населения является сравнительная характеристика региональных особенностей последнего, полученных из данных ежегодных статистических исследований. Основной целью такого сравнительного анализа должно стать выявление динамики изменений этих показателей и как вывод — определение регионов (в этом случае — областей) как благополучных, так и испытывающих трудности в таких сферах, как материальное благосостояние, занятость, здоровье, экология, образование. В ходе анализа будет сделана попытка проследить, как изменяются эти показатели (основные в характеристике качества жизни населения) в течение последних пяти лет, какие регионы отличаются наибольшей нестабильностью, а какие — максимальной стабильностью, которая в зависимости от конкретного показателя может иметь как положительные, так и отрицательные значения.

Наиболее весомым показателем в измерении региональной специфики качества жизни является *материальное положение*, которое напрямую связано с размерами доходов занятых в экономической сфере. В зависимости от минимального уровня последнего находится и размер пенсионного обеспечения в нашей стране. Размером материального обеспечения определяется и возможность получения различных социальных благ: от потребления большего количества товаров и услуг и повышения уровня образования до улучшения жилищных условий и состояния здоровья.

Заработная плата, не будучи единственной характеристикой материального положения индивида, является тем не менее наиболее измеряемым, четко фиксируемым показателем качества жизни, хотя обычно в экономической литературе материальный статус дополняется размером и типом собственности, а в нашей стране следует отметить значительную роль «натурального хозяйства» и неформальной экономики, количество занятых в которой в 2010 г. составляет 4,6 млн. чел., или 22,9% от общего количества занятого населения в возрасте 15–70 лет. При этом из числа занятых трудовой деятельностью сельских жителей страны практически каждый второй задействован именно в сфере неформальной экономики [*ukrstat.gov.ua*].

На протяжении последних лет в Украине сохраняется региональная дифференциация доходов населения, обусловленная прежде всего локализацией основных промышленных предприятий. Наибольшую зарплату в 2010 г. (как и в предыдущие годы) получали работники предприятий г. Киева и Киевской области, а также регионов, в которых сконцентрированы предприятия горно-металлургического комплекса: Донецкой, Днепропетровской, Луганской, Запорожской областей. Минимальны данные показатели — в Тернопольской, Волынской, Черниговской, Херсонской и Житомирской областях. Данная градация в отношении как максимальных, так и минимальных по стране значений в рассматриваемый нами период (с 2005 по 2009 гг.) носит стабильный характер. Кроме регионального аспекта необходимо отметить и разницу в размерах заработной платы в нашей стране при рассмотрении различных сфер экономической деятельности, которая оказывается более сильной, чем зависимость от профессионально-квалификационного уровня работников. Например, среди занятых в учреждениях образования и имеющих высокий квалификационный и профессиональный уровень, обеспеченный высшим образованием, по данным на конец 2010 г. лишь у четверти работающих зарплата составляла более 2500 грн. (среднемесячная номинальная заработная плата наемных работников в Украине в этом году — 2239 грн.), в учреждениях

здравоохранения и социальной помощи — лишь у 20,3% работающих. Вместе с тем, среди занятых в сфере финансовой деятельности упомянутая категория составляла более половины [*режим доступа: ukrstat.gov.ua*].

В 2009 г. среднемесячная номинальная заработная плата наемных работников в Украине составляла 1906 грн., в 2005 г. — 806 грн. В Киеве, Донецкой, Днепропетровской, Запорожской и Киевской областях уровень номинальной заработной платы в период с 2005 по 2009 гг. превышает средние показатели по стране; в остальных регионах он ниже общеукраинского. Тем не менее, из 26 рассматриваемых нами регионов к десятке областей с относительно высоким уровнем зарплаты в этот период можно также отнести Луганскую, Харьковскую, Одесскую, Полтавскую, Николаевскую. (Стоит отметить, что Одесская и Полтавская области, неизменно входящие в первую десятку наиболее высокого уровня зарплаты на протяжении 2005–2008 гг., теряют эти позиции в кризисном 2009 г.). Максимально низким ее уровнем стабильно отличается Тернопольская, Волынская, Черниговская, Херсонская, Винницкая и Житомирская области.

К группе областей со средним уровнем зарплаты относятся Крым, Львовская, Ивано-Франковская, Ровенская, Сумская, Черкасская, Закарпатская, Хмельницкая, Кировоградская, Черновицкая области. «Нестабильностью» здесь отличается Хмельницкая область, которая, будучи одной из последних по уровню зарплаты в 2005 и 2006 гг., улучшила показатели в следующие три года. Обратный процесс наблюдался в Херсонской области.

В изучении качества жизни не менее важной представляется субъективная оценка *материального положения* своей семьи, которую респонденты дают в социологических исследованиях. Среди работающих украинцев, согласно данным социологических исследований 2005 г., насчитывается 16,7% оценивших свое материальное положение как одно из трех низших по 10-балльной шкале; в 2008 г. на данных уровнях материального благосостояния видят себя 12,4% опрошенных; в 2009 г. — 19,1% опрошенных, занятых

в экономике страны. Общеукраинский показатель количества респондентов с минимальным материальным статусом в 2005, 2008, 2009 и 2010 гг. составлял соответственно 23%, 18,5%, 26,2%, 23% опрошенных. Среди работающих (и соответственно получающих зарплату) количество поставивших себя на первые ступени не намного ниже, чем в целом по выборке, где достаточно стабильное смещение респондентов в начало лестницы материального благосостояния может свидетельствовать не только о реально низком доходе, но еще и о высокой вероятности *стать* бедными. «При отсутствии действенной системы социальной защиты любое личное или социальное событие может вытолкнуть человека за черту бедности, поэтому даже довольно состоятельные люди с высоким уровнем текущего потребления и доходов причисляют себя к бедным слоям населения» [Балакірева, 2009: с. 226].

Анализ статистических показателей структуры денежных расходов домохозяйств показывает, что расходы на продукты питания во всех регионах страны превышают другие статьи расходов (хотя при этом возможность покупать необходимые продукты немного повышается, начиная с 2005 г., когда она принимала условно отрицательное значение в 93,9). В последующие годы индекс приобретает положительные значения – 106,6 в 2006 г., 115,3 в 2008 г. и 114,9 – в 2010 г. В случае с покупками непродовольственных товаров подобного не происходит: о невозможности удовлетворить свои потребности в них говорят более половины респондентов как в докризисном 2006 г. (57% опрошенных), так и в 2009 г., когда 61,9% опрошенных отметили уменьшение покупок одежды, обуви, других вещей. Возможности питаться в соответствии со своими вкусами в 2005 г. не хватало 63% опрошенных (хватало – втрое меньшему их количеству); в 2009 г. такой возможности не хватает 52,5% опрошенных (хватает вдвое меньшему количеству).

В оценке своего *социального положения* около четверти респондентов выбирают для себя две низшие (из семи возможных) ступени: в 2005 г. это 23,5% опрошенных, в 2008 г. – 21,1%, в 2009 г. – 30,1%. Среди работающих украинцев

этот процент немного ниже: в 2005 году он составляет 16,2%, в 2008 г. — 15,2%, в 2009 г. — 23,1%, что показательно для нашего общества: как и материальный статус, социальное положение работающие украинцы оценивают немного выше, чем неработающие, которые при переходе в этот статус часто вынуждены ограничивать свои социальные потребности.

В общей оценке социального самочувствия по 200-балльной шкале ни один из использованных индексов не принимает положительного значения (табл. 3.30).

Индекс удовлетворенности жизнью в целом оказывается наиболее высоким из всех, хотя также отрицательным (заметим, что в сравнительных европейских исследованиях уровень удовлетворенности жизнью среди украинцев — низший в Европе [режим доступа: *utro.ua.news*]). Индекс удовлетворенности положением в обществе на протяжении пяти лет также принимает отрицательные значения, однако наименьшим из трех является индекс уверенности в будущем. Очевидно, что абсолютному большинству опрошенных в целом по стране основательно не хватает уверенности в будущем на протяжении довольно большого промежутка времени.

Изучение качества трудовой жизни в регионах связано прежде всего с рассмотрением уровня *безработицы*. Уровень

Таблица 3.30

Динамика социального самочувствия
(индексы удовлетворенности жизнью в целом, положением
в обществе и уверенности в будущем) в 2005–2010 гг.

Индексы*	2005	2006	2008	2010
Индекс удовлетворенности жизнью в целом	83,9	85,6	95,3	95,1
Индекс удовлетворенности положением в обществе	72,9	71,2	74,9	74,8
Индекс уверенности в будущем	44,3	41,3	48,4	48,0

* Методика расчета индекса описана в сноске к таблице 3.1 (стр. 79)

Таблица 3.31

Уровень зарегистрированной безработицы и распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете характер изменений, произошедших в вашей жизни за последние 12 месяцев, в области гарантий занятости, обеспечения работой?» (2005–2010 гг.), %

	2005	2006	2008	2010
Уровень зарегистрированной безработицы	3,1	2,7	3,0	2,7*
Количество отметивших ухудшение гарантий занятости, обеспечения работой	25,3	32,7	35,9	52,0
Количество отметивших, что гарантии не изменились	65,5	60,1	55,4	45,0
Количество отметивших улучшение гарантий занятости, обеспечения работой	1,4	1,1	1,4	1,0

*По данным сайта ukrstat.gov.ua

официально зарегистрированной безработицы (процентное отношение количества зарегистрированных безработных к среднегодовому количеству населения трудоспособного возраста) в целом по стране в рассматриваемый промежуток времени с 2005 по 2009 гг. достигал максимума в 3,1% в 2005 г. (см. табл. 3.31) (заметим, что уровень безработицы населения трудоспособного возраста, по методологии МОТ, в 4 раза превышает уровень зарегистрированной безработицы) [ukrstat.gov.ua].

Несмотря на снижение официально зарегистрированного уровня безработицы в 2010 г. по сравнению с 2005 г., в социологических исследованиях негативная оценка респондентами изменений в данной сфере растет; за пять лет количество указавших на то, что гарантии занятости и обеспечения работой немного или значительно ухудшились, увеличилось вдвое, и происходило это за счет респондентов, занимавших ранее нейтральную позицию (см. табл. 3.31).

Минимальный уровень безработицы в течение этого времени чаще всего регистрируется в Киеве (от 0,3 до 0,6),

Донецкой (от 1,3 до 3,0), Одесской (от 1,2 до 2,1), Луганской (от 1,3 до 2,4) областях. Днепропетровская область, находясь на минимальном уровне зарегистрированной безработицы до 2008 г. включительно, в 2009 г. увеличивает показатели (от 1,6 до 2,5) до уровня Закарпатья и Львовщины. Максимальные по отношению к другим регионам значения на протяжении 2005–2009 гг. фиксируются в Тернопольской, Черкасской, Ровенской, Полтавской, Кировоградской, Житомирской, Винницкой, Сумской, Черниговской, Хмельницкой областях. По сравнению с 2005 г., в 2009 г. улучшение ситуации наблюдается по всем регионам страны, но наиболее резкие изменения в сторону понижения уровня безработицы происходят в 2009 г. в Тернопольской области (2,3%, тогда как четырьмя годами раньше эта цифра составляла 6,6%).

В социологических исследованиях, проводимых в тот же период времени, достаточно большому количеству опрошенных жителей страны не хватает подходящей работы, как и возможности иметь дополнительный заработок (см. табл. 3.32).

Трудности с поиском работы по специальности и с достаточным заработком, по данным мониторингов, испытывает подавляющее большинство жителей страны: в 2006 г.

Таблица 3.32

Распределение ответов на вопрос «Чего из приведенного Вам не хватает?» (2005–2010 гг.), %

	2005	2006	2008	2009	2010
Не хватает подходящей работы	45,9	43,0	37,0	42,0	46,5
Подходящей работы хватает	23,5	26,4	32,0	26,9	24,6
Трудно сказать	15,4	15,9	15,9	16,4	13,7
Не хватает возможности иметь дополнительный заработок	47,6	44,8	41,0	47,2	47,2
Возможности иметь дополнительный заработок хватает	16,7	18,9	23,8	17,7	17,6
Трудно сказать	16,9	18,2	16,8	16,8	16,6

их количество достигает 61,8% опрошенных, в 2008 г. — 74,5%, в 2009 г. — 77,6% опрошенных.

Для более полного описания ситуации в сфере занятости обратимся к такому показателю, как спрос на рабочую силу на зарегистрированном рынке труда (количество свободных рабочих мест, о которых сообщили предприятия и учреждения в государственную службу занятости). Спрос на рабочую силу в Украине в целом снизился со 186,6 тыс. в 2005 г. до 91,1 тыс. в 2008 г. и 65,8 тыс. в 2009 г. (т.е. за 5 лет сократился почти в 3 раза).

Спрос на рабочую силу за рассматриваемый нами промежуток времени уменьшается по всем областям. В Киеве, где этот показатель остается на наиболее высоком уровне по сравнению с другими регионами, он уменьшился с 33,9 тыс. чел. в 2005 г. до 27,1 тыс. чел. в 2009 году; в Донецкой области — с 34,8 тыс. чел. до 3,3 тыс. чел. (т.е. почти в 10 раз); в Днепропетровской области — с 18,2 тыс. чел. до 6,5 тыс. чел. (почти в 3 раза), в Харьковской области — с 12,5 тыс. чел. до 2,6 тыс. чел. (практически в 6 раз). Тем не менее, спрос на рабочую силу в этих регионах остается наиболее высоким по Украине. Также сравнительно высок он в Киевской области, Крыму, Одесской, Полтавской, Запорожской областях. Резкое падение данного показателя происходит в 2007 г. в Луганской области, и в следующие два года он не достигает уровня 2005 г.; позже подобное наблюдаем в Запорожской области. Такие «провалы» происходят в основном в промышленных регионах страны; в других областях спрос на рабочую силу, не будучи достаточно высоким в докризисный период, падает не настолько явно: в Черкасской области — от 1,5 тыс. чел. в 2005 г. до 0,3 тыс. чел. в 2009 г., а также в Тернопольской области, где спрос на рабочую силу в 2005 г. составляет 1,8 тыс. чел. (что является одним из трех наименьших по стране значений), в 2009 г. он падает до 1,0 тыс. чел., и область по этому показателю перемещается в начало третьей десятки (тот же показатель фиксируется в Николаевской области, в которой такое падение спроса было более резким и начиналось с 4 тыс. чел. в 2005 г.). Ивано-Франковская, Хмельницкая и Черновицкая области также

характеризуются минимальной по стране потребностью в рабочей силе в данный период (от 0,2 тыс чел. до 3,5 тыс чел).

На фоне общего падения спроса на рабочую силу закономерно увеличилась нагрузка на свободное рабочее место (по Украине в целом с 5 чел. в 2005 г. до 10 чел. в 2008 г. и 8 чел. в 2009 г.). Нагрузка на одно свободное рабочее место, вакансию в рассматриваемый нами период времени наименьшей является в Киеве (от 0,2 до 0,4 чел.); в Днепропетровской области она составляет от 3 до 5 чел. на место; в Харьковской области она, будучи одной из минимальных в стране в 2005 г. (4 чел. на место), к 2008 г. вырастает до 11 чел. на место, а к 2009 — до 12 чел. на место. В Донецкой области нагрузка на одно свободное рабочее место увеличивается с 2 чел. в 2005 г. до 13 чел. в 2009 г., в Луганской — с 4 чел. до 14 чел. в этот период.

В то же время в некоторых регионах этот показатель уменьшается (в Тернопольской области — с 24 в 2005 г. до 14 в 2009 г., в Херсонской — с 12 в 2005 г. до 7 в 2009 г. на одно свободное рабочее место), остается на прежнем уровне (7 чел. в АРК) или увеличивается незначительно (Волынь — с 11 до 13 чел., Киевская область — с 4 до 8, Одесская — с 6 до 8). Наиболее резкие ухудшения зафиксированы Черкасской, Ивано-Франковской и Хмельницкой областях (в Хмельницкой области показатель вырос с 9 до 61 за этот период; в Ивано-Франковской — с 17 до 81; в Черкасской — с 27 до 91 чел. на место).

Таким образом, регионами, испытывающими наибольшие проблемы в сфере занятости (исходя из трех приведенных показателей), будут названы Хмельницкая, Ивано-Франковская и Черкаска области, в которых, кроме наиболее высокого уровня безработицы, фиксируется наиболее низкий спрос на рабочую силу в 2005–2009 гг., а также одна из наибольших нагрузок на одно рабочее место.

Здоровье населения. Среди статистических показателей, характеризующих динамику численности и здоровья населения, наиболее важным является коэффициент природного прироста населения, или разница между общим коэффициентом рождаемости и общим коэффициентом смерт-

ности. В 2005 г. в Украине коэффициент природного прироста населения составлял -7,6 чел. (максимальное отрицательное значение в этом периоде); к 2010 г. он принимает значение -4,3. В то же время, по всем без исключения регионам наблюдаем некоторое уменьшение коэффициента отрицательного прироста населения в период с 2005 по 2009 гг.

В 2007 г. положительный прирост впервые был зафиксирован в Закарпатье (0,2 чел. на 1000 человек населения); в 2008 г. этот коэффициент составлял здесь 1,7. В Киеве и Ровенской области положительный прирост наблюдался в 2008 г. и составил 0,7 чел. Максимальные цифры отрицательного прироста в 2008 г. были зафиксированы в Черниговской (-12,2 чел.), Сумской (-9,6), Полтавской (-8,7), Луганской (-8,5), Кировоградской (-8,4), Черкасской (-8,4), Донецкой (-8,3) областях; годом раньше эти цифры колебались от -13,1 в Черниговской до -8,8 в Кировоградской области.

В 2009 г. положительный прирост наблюдается в Закарпатье (2,1 чел.), в Ровенской области (1,8), Киеве (1,5) и Волынской области (0,7). Наиболее отрицательный прирост – в Черниговской (-10,5), Сумской (-8,9) и Полтавской областях (-8).

Следовательно, лидерами по демографическому росту среди регионов являются Закарпатье, Ровенская область, Киев и Волынь (при этом ни в одна из областей не имеет постоянного положительного коэффициента рождаемости на протяжении всех пяти лет). Минимальные отрицательные значения фиксируются также в Ивано-Франковской, Черновицкой, Львовской, Тернопольской областях, Крыму и Одессе. Максимально отрицательные показатели – в Черниговской, Сумской, Полтавской, Луганской, Черкасской, Донецкой областях. Отметим, что из всех показателей качества жизни населения коэффициент природного прироста является наиболее стабильным, и резких колебаний по нему не зафиксировано ни в одной из областей.

Наиболее негативным аспектом в характеристике прироста населения в нашей стране является рост смертности среди трудоспособного населения, в особенности – мужского. Смертность населения в Украине является максималь-

ной среди всех стран европейского региона; ее уровень в 1,5 раза превышает показатель Евросоюза, а почти треть населения умирает в возрасте до 60 лет [Куценко, 2010: с. 85]. Такие значительные потери вполне можно было бы снизить за счет доступности медицинских услуг, в особенности для бедных слоев населения, которые в наибольшей мере подвержены риску преждевременной смерти. Однако в период с 2000 по 2008 гг. количество участковых больниц уменьшилось в нашей стране более, чем на треть, специализированных больниц — в 2,5 раза [Куценко, 2010: с. 88].

Наибольшее количество врачей (в расчете на 10 тыс. населения) в течение пяти лет, начиная с 2005 г. (87,6 в 2005 г. и 84,3 — в 2009 г.) приходится на г. Киев; за ним следуют Львовская, Черновицкая, Харьковская, Ивано-Франковская, Тернопольская области, где этот показатель колеблется от 48,7 в 2005 г. для Ивано-Франковской до 63,7 в 2009 г. для Черновицкой области. Минимален этот показатель в Киевской, Херсонской, Кировоградской, Николаевской и Сумской областях (от 32,8 в 2005 г. в Киевской области до 41,5 в 2009 г. здесь же).

Качество окружающей среды. По данным государственной статистики, рекордное количество выбросов вредных веществ в атмосферу в целом приходится на Донецкую (1862,9 тыс. т в 2005 г. и 1513,3 тыс. т в 2009 г.) и Днепропетровскую (1165,3 тыс. т в 2005 г. и 989,4 тыс. т в 2009 г.) области; при расчете на километр квадратный площади наиболее загрязненным является город Киев (275,6 т/км² в 2005 г. и 347,4 т/км² в 2009 г. Луганская, Ивано-Франковская и Запорожская области также относятся к регионам с наиболее неблагоприятной экологической обстановкой; в целом на Луганскую область приходится 593,6 тыс. т выбросов в 2005 г. и 592,3 тыс. т в 2009 г. (22,2 т/км² в 2005 и 2009 гг.); на Ивано-Франковскую — 252,2 тыс. т в 2005 г. и 271,8 тыс. т в 2009 г. (или 18,1 и 19,6 т/км²), на Запорожскую — 383,4 тыс. т в 2005 г. и 280,5 тыс. т в 2009 г. (или 14,1 и 10,3 т/км²). Регион с наименьшими показателями выбросов в атмосферу — это прежде всего Волынская область, где данные по двум показателям находятся на минимальном

уровне (2,5 и 2,8 т/км² и 50,4 и 57,1 тыс. т в 2005 и 2009 гг. соответственно). Относительно невысок уровень загрязнения окружающей среды в Херсонской, Житомирской, Ровенской, Кировоградской, Тернопольской областях: показатели здесь варьируются от 2,2 до 4,4 т/км² и от 47,7 до 84,1 тыс. т в 2005 и 2009 гг.

Следующим компонентом для анализа качества жизни современного человека является *возможность полноценного досуга*. Увеличение свободного от работы времени (как следствие сокращения продолжительности и тяжести труда) называют наиболее значимым элементом технического прогресса*. В социологических исследованиях о нехватке полноценного досуга говорит достаточно большое количество опрошенных жителей нашей страны (46,1% в 2005 г., 41,4% в 2006 г., 44,1% в 2008 г. и 45,7% в 2010 г.). При этом более половины респондентов три года подряд (2008–2010 гг.), а также в 2005 г. указывают на нехватку возможности полноценно проводить отпуск. В 2008 г. лишь 9,9 % опрошенных, причисливших себя к категории работающих, указали на улучшение условий отпуска. Данный факт может оказывать достаточно негативное влияние как на физическое здоровье человека, так и на его социальное самочувствие, тем более когда речь идет о неизменной стабильности данной ситуации на протяжении пяти лет.

Об ухудшении качества досуга населения Украины свидетельствуют статистические данные: посещаемость учреждений культуры и искусства (музеев, театров, концертных организаций, киносеансов) в нашей стране снижается, начиная с 90-х годов. В 1995 г. фиксируется падение посещаемости таких учреждений наполовину, однако, начиная уже с 2000 г., посещаемость музеев и театров постепенно рас-

* Некоторые современные исследователи настаивают на рассмотрении этого вопроса уже в ином ракурсе: в данный момент необходимым становится не столько увеличение продолжительности свободного от работы времени, сколько повышение его качества [Патрушев, 2004: с. 39]. Последний показатель может играть значительную роль в сравнительном анализе качества жизни людей современных обществ.

тет, и в 2007 г. в Винницкой, Донецкой, Запорожской, Кировоградской, Харьковской, Херсонской, Хмельницкой, Черкасской, Черновицкой и Черниговской областях посещаемость музеев превышает аналогичный показатель 90-х годов (чего, однако, не происходит с другими учреждениями культуры). В 2008 г. наибольшая посещаемость музеев наблюдается в Киеве (170 на 100 человек населения), в Крыму (138), в Черниговской (71), Львовской (65) и Черкасской (63) областях; наименьшая – в Волынской (12), Житомирской (15) и Сумской (19) областях. Связано это не столько со снижением интереса к культурным ценностям в обществе, сколько с проблемами финансирования подобных учреждений (каждый второй музей нашей страны требует капитального ремонта (наибольшее их количество приходится на Херсонскую область (78% помещений) и Крым (86%)). Из 138 театров страны (наибольшее количество которых действует в Киеве (31 театр), Днепропетровске (13) и Львове (11)) капитальный ремонт необходим 84-м, т.е. почти половине из них. Особенно же неудовлетворительным является состояние материально-технической базы библиотек, которые к тому же на протяжении длительного времени не комплектуются новыми изданиями книг и журналов [Куценко, 2010: с. 278].

Также в течение продолжительного времени в Украине наблюдается уменьшение числа клубных заведений, роль которых особенно важна для сельской местности. Наименьшее количество заведений клубного типа из расчета на 100 тыс. населения (по состоянию на 2008 г.) – в Днепропетровской и Донецкой областях, где их число составляет 18,8 и 15,4 единиц соответственно. В этих же регионах минимальны показатели количества мест в подобных заведениях: если в Хмельницкой области этот показатель составляет 23 места, то в указанных областях – по 5 мест на 100 чел. населения [Куценко, 2010: с. 288].

В странах с высоким уровнем жизни населения одним из приоритетных направлений государственной политики является *доступность образования*; о важности повышения

последнего говорит подавляющее большинство опрошенных в социологических исследованиях нашей страны (в 2009 г. 65,4% опрошенных отмечали для себя важность повышения образовательного уровня). Такие тенденции свидетельствуют о наличии потенциального стремления к непрерывности образования, вполне обоснованного жизненным опытом (рост качества жизни по мере повышения уровня образования подтверждается и данными Госкомстата: наличие хотя бы одного индивида с высшим образованием в составе домохозяйства вдвое снижает риск бедности), поэтому расходы времени и денежных ресурсов, необходимых для получения образования и профессиональной подготовки, необходимо рассматривать как инвестиции в человеческий капитал [Балакірева, 2009: с. 215]. К тому же необходимо отметить, что в нашей стране спрос на рабочую силу на места, не требующие профессиональной подготовки, падает: за последние два года он сократился практически вдвое [Трофімчук, 2010: с. 75].

Переподготовку и повышение квалификации работник в Украине проходит в среднем один раз за 13–15 лет, тогда как в развитых странах этот промежуток времени сокращен до 3–5 лет. Повышение квалификации кадров (обучение с целью углубления ранее полученных знаний, умений и навыков на уровне требований производства или сферы услуг) чаще всего происходит в Донецкой и Днепропетровской областях, а также в Киеве; минимальное количество повысивших свою квалификацию работников – в Черновицкой, Закарпатской, Тернопольской, Волынской и Черниговской областях.

Удовлетворенность уровнем образования изучалась в 2005, 2008 и 2010 гг.; при этом выяснилось, что повышение удовлетворенности своим образованием пропорционально повышению уровня последнего: среди респондентов с высшим (и первой степенью высшего) образования количество полностью и скорее удовлетворенных им достигает трех четвертей опрошенных. В региональном рассмотрении значительные отличия от других регионов по количеству вузов

(имеются в виду заведения III–IV уровней аккредитации) отмечены в Киеве, Харьковской, Донецкой, Львовской, Днепропетровской, Одесской областях (максимальное их количество – от 65 в 2005 г. и до 69 в 2009 г. в Киеве и 22 в Одесской области на протяжении этого времени); минимальны данные цифры в Черновицкой, Волынской, Житомирской областях (от 4 до 5). На г.Киев приходится не только наибольшее (максимальное по сравнению с другими регионами) количество вузов, что указывает на высокий научный потенциал региона, но и наибольший показатель подготовки специалистов с высшим образованием (бакалавров 6,3 и магистров 5,5 на 10 тыс. населения). Таким образом, количество вузов и студентов в них закономерно больше в наиболее экономически развитых регионах; однако это говорит лишь о большей пространственной доступности высшего образования для жителей данных областей.

Вместе с тем, в Украине складывается ситуация, когда не занятым в экономике остается большое количество молодежи (люди до 35 лет составляют до 41% состоящих на учете в службе занятости), при этом каждый третий из них имеет документ о высшем образовании [Куценко, 2010: с. 251]. Это свидетельствует как о неспособности государства использовать человеческий капитал (знания, навыки, готовность и способность к труду), так и о недостатках в системе образования, ее неадаптированности к изменяющемуся рынку труда и требованиям работодателей. Дополнительным наглядным примером может служить сравнительно большое количество вузов (III–IV уровня аккредитации) в Ивано-Франковской области (а также общего количества студентов этой области в вузах I–IV уровня аккредитации в 2009 г., сравнимого с количеством студентов в Донецкой области (442 и 450 соответственно)), но вместе с тем – первой в списке регионов с минимальным спросом на рабочую силу и имеющей вторую по стране максимальную нагрузку на свободное рабочее место (см. табл. 3.33).

В целом при рассмотрении региональных аспектов качества жизни мы выяснили, что сегодня в нашей стране такие составляющие данного понятия, как собственное материальное положение и социальный статус в обществе получают невысокие оценки респондентов в социологических исследованиях, т.е. рост заработной платы, который наблюдаем в статистических показателях в течение пяти лет по всем регионам, определенно не удовлетворяет потребностей по крайней мере пятой части опрошенных, ставящих себя на низшие ступени благосостояния и социального положения. К тому же, регионы с наиболее высоким уровнем заработной платы и сравнительно небольшим уровнем официально зарегистрированной безработицы (Донецкая, Луганская области) отличаются наиболее низкими показателями природного прироста и высоким уровнем выбросов вредных веществ в атмосферу, что является основным негативным аспектом в характеристике качества жизни населения данных областей. Кроме того, кризис последних лет, наиболее сильно затронувший промышленные регионы страны, привел показатели последних (спрос на рабочую силу) практически до уровня областей со средним уровнем развития промышленности. Равными становятся в 2009 г. показатели нагрузки на одно свободное рабочее место в таких областях, как Донецкая и Волынская (13 чел.), Луганская и Тернопольская (14 чел.), Запорожская и Черновицкая (25 чел.). Так, наибольшей нестабильностью отличаются показатели качества жизни, связанные со сферой занятости. Вместе с тем, демографический рост характерен для экономически наименее развитых регионов, имеющих достаточно негативные показатели в сфере занятости (Ровенская область, Закарпатье, Волынь), и такое положительное явление может в будущем оказаться достаточно серьезным испытанием для регионального рынка труда.

Региональная специфика по основным составляющим качества жизни приведена в нижеследующей таблице 3.33.

Таблица 3.33

**Основные показатели качества жизни населения:
регионы с минимальными и максимальными значениями
в период с 2005 по 2009 гг.**

Регионы с максимальным уровнем зарплаты (грн.)	Регионы с минимальным уровнем зарплаты (грн.)
г. Киев (1314–3161 грн.)	Тернопольская обл. (553–1412 грн.)
Донецкая обл. (962–2116 грн.)	Волынская обл. (591–1427 грн.)
Днепропетровская обл. (913–1963 грн.)	Черниговская обл. (602–1465 грн.)
Киевская обл. (811–1987 грн.)	Херсонская обл. (625–1482 грн.)
Запорожская обл. (860–1843 грн.)	Винницкая обл. (597–1511 грн.)
Луганская обл. (805–1873 грн.)	Житомирская обл. (602–1493 грн.)
Харьковская обл. (759–1804 грн.)	Хмельницкая обл. (584–1521 грн.)
Одесская обл. (769–1787 грн.)	Черновицкая обл. (621–1523 грн.)
Полтавская обл. (758–1733 грн.)	Кировоградская обл. (624–1537 грн.)
Николаевская обл. (744–1806 грн.)	Черкасская обл. (642–1532 грн.)
Регионы с минимальным уровнем зарегистрированной безработицы (%)	Регионы с максимальным уровнем зарегистрированной безработицы (%)
г. Киев обл. (от 0,3 до 0,6)	Тернопольская обл. (от 2,3 до 6,6)
Донецкая обл. (от 1,3 до 3,0)	Черкасская обл. (от 3,4 до 5,2)
Одесская обл. (от 1,2 до 2,1)	Ровенская обл. (от 2,7 до 5,2)
Днепропетровская обл. (от 1,6 до 2,5)	Полтавская обл. (от 3,4 до 4,7)
Луганская обл. (от 1,3 до 2,4)	Кировоградская обл. (от 3,0 до 4,6)
Крым (от 1,4 до 2,4)	Житомирская обл. (от 3,0 до 4,3)
Киевская обл. (от 1,6 до 2,6)	Винницкая обл. (от 2,7 до 4,3)
Запорожская обл. (от 2,3 до 3)	Сумская обл. (от 2,7 до 4,2)
Волынская обл. (от 2,1 до 4,1)	Черниговская обл. (от 2,7 до 4,7)
Львовская обл. (от 1,7 до 3,4)	Хмельницкая обл. (от 2,5 до 4,3)
Регионы с максимальным спросом на рабочую силу (тыс. чел.)	Регионы с минимальным спросом на рабочую силу (тыс. чел.)
г. Киев (от 24,1 до 36,2)	Ивано-Франковская обл. (от 0,2 до 2,0)
Донецкая обл. (от 34,8 до 3,3)	Черкасская обл. (от 0,3 до 1,5)
Днепропетровская обл. (от 18,9 до 6,5)	Хмельницкая обл. (от 0,3 до 3,5)
Харьковская обл. (от 12,5 до 2,6)	Черновицкая обл. (от 0,4 до 1,8)
Киевская обл. (от 7,4 до 2,1)	Тернопольская обл. (от 1,0 до 1,8)
Крым обл. (от 6,4 до 2,6)	Сумская обл. (от 0,7 до 2,6)
Одесская обл. (от 5,8 до 2,2)	Винницкая обл. (от 0,6 до 3,0)
Полтавская обл. (от 6,2 до 2,8)	Кировоградская обл. (от 0,6 до 3,8)
Запорожская обл. (от 7,2 до 1,1)	Закарпатье обл. (от 0,7 до 3,6)
Луганская обл. (от 9,3 до 1,3)	Ровенская обл. (от 0,7 до 3,6)

Продолжение таблицы 3.33

Регионы с минимальной нагрузкой на одно свободное рабочее место (чел.)	Регионы с максимальной нагрузкой на одно свободное рабочее место (чел.)
г. Киев (от 0,2 до 0,4)	Черкасская обл. (от 24 до 91)
Днепропетровская обл. (от 2 до 5)	Ивано-Франковская обл. (от 17 до 81)
Донецкая обл. (от 2 до 13)	Хмельницкая обл. (от 9 до 61)
Киевская обл. (от 3 до 8)	Винницкая обл. (от 14 до 48)
Харьковская обл. (от 3 до 12)	Тернопольская обл. (от 14 до 23)
Крым (от 3 до 8)	Черновицкая обл. (от 11 до 25)
Одесская обл. (от 5 до 10)	Сумская обл. (от 11 до 28)
Волынская обл. (от 5 до 13)	Ровенская обл. (от 8 до 25)
Черниговская обл. (от 5 до 17)	Львовская обл. (от 8 до 22)
Запорожская обл. (от 5 до 25)	Закарпатье обл. (от 6 до 21)
Регионы с положительным (наименьшим отрицательным) коэффициентом природного прироста населения (чел. на 1000 нас.)	Регионы с наибольшим отрицательным коэффициентом природного прироста населения (чел. на 1000 нас.)
Закарпатье обл. (от -0,6 до 2,1)	Черниговская обл. (от -14,1 до -10,5)
Ровенская обл. (от -1,7 до 1,8)	Сумская обл. (от -12,1 до -8,9)
Киев обл. (от -1,4 до 1,5)	Полтавская обл. (от -11,2 до -8,0)
Волынская обл. (от -3,2 до 0,7)	Луганская обл. (от -10,9 до -7,6)
Ивано-Франковская обл. (от -2,7 до -0,1)	Черкасская обл. (от -10,9 до -7,2)
Черновицкая обл. (от -3,2 до -0,7)	Донецкая обл. (от -10,3 до -7,1)
Львовская обл. (от -3,6 до -1,1)	Кировоградская обл. (от -10,5 до -6,7)
Регионы с минимальным уровнем выбросов вредных веществ в атмосферу (на км², т)	Регионы с максимальным уровнем выбросов вредных веществ в атмосферу (на км², т)
Херсонская обл. (от 2,2 до 2,9)	г. Киев (от 275,6 до 347,4)
Житомирская обл. (от 2,4 до 2,8)	Донецкая обл. (от 57,1 до 70,6)
Черниговская обл. (от 2,6 до 3,1)	Днепропетровская обл. (от 31,0 до 41,5)
Волынская обл. (от 2,5 до 3,3)	Луганская обл. (от 22,2 до 24,8)
Ровенская обл. (от 2,6 до 3,3)	Ивано-Франковская обл. (от 18,1 до 23,4)
Кировоградская обл. (от 2,5 до 3,3)	Запорожская обл. (от 10,3 до 14,1)
Николаевская обл. (от 2,8 до 3,6)	Львовская обл. (от 8,6 до 12,2)
Хмельницкая обл. (от 2,5 до 4,5)	Харьковская обл. (от 8,5 до 10,3)
Сумская обл. (от 3,3 до 3,7)	Винницкая обл. (от 6,8 до 8,9)
Тернопольская обл. (от 3,5 до 4,7)	Киевская обл. (от 6,0 до 10,3)

Продолжение таблицы 3.33

Регионы с максимальным количеством врачей (на 10 тыс. населения)	Регионы с минимальным количеством врачей (на 10 тыс. населения)
г. Киев (от 84,0 до 87,6)	Киевская обл. (от 32,8 до 41,5)
Львовская обл. (от 56,1 до 58,4)	Кировоградская обл. (от 35,0 до 36,1)
Черновицкая обл. (от 54,0 до 63,7)	Херсонская обл. (от 35,5 до 36,6)
Ивано-Франковская обл. (от 48,7 до 60,9)	Николаевская обл. (от 35,6 до 37,1)
Харьковская обл. (от 56,1 до 57,4)	Черниговская обл. (от 36,3 до 37,4)
Крым обл. (от 49,0 до 54,6)	Сумская обл. (от 36,5 до 39,5)
Регионы с наибольшим количеством вузов (III–IV уровня аккредитации)	Регионы с наименьшим количеством вузов (III–IV уровня аккредитации)
г. Киев (от 65 до 69)	Черновицкая обл. (4)
Харьковская обл. (37)	Волынская обл. (4)
Донецкая обл. (27)	Житомирская обл. (от 4 до 5)
Львовская обл. (от 24 до 28)	Винницкая обл. (5)
Днепропетровская обл. (от 22 до 25)	Николаевская обл. (5)
Одесская обл. (22)	Сумская обл. (5)
Крым (20)	Черниговская обл. (5)

Данные таблицы дают основания для выделения тех групп регионов, которые либо лидируют, либо отстают по отдельным составляющим качества жизни (от максимума до минимума – 5 градаций). Назовем некоторые из этих основных групп.

В материально-экономическом отношении (уровень зарплаты; занятость населения; спрос на рабочую силу; нагрузка на одно свободное рабочее место) в основном лидируют восточные, центральные и южные регионы (Киев, Донецк, Днепропетровск, Одесская область). Отмеченные регионы занимают *высшее* экономическое положение среди других регионов. В этом же отношении такие регионы, как Харьковская, Запорожская области, Крым занимают *высокое* положение, а Киевская, Луганская, Полтавская области – положение *выше среднего уровня*. *Ниже среднего* уровня в экономическом развитии общества оказываются Николаевская, Волынская, Черниговская области. Все остальные регионы занимают в материально-экономическом отноше-

нии *нижнее* место — преимущественно это западные, аграрные области, особенно Тернопольская, Ровенская, Черкасская, Ивано-Франковская области.

Образовательная активность присуща всем регионам Украины, и носит она в основном прагматический характер, что свидетельствует о подчинении основного мотива образования фактору материального благополучия. По этой причине образованность (образование) можно рассматривать как составляющую качества жизни лишь с определенной оговоркой, ибо прямая ее подчиненность материальному расчету в обход самодовлеющей ценности далеко не всегда вписывается в это понятие. В чисто же формальном отношении феномен образования совпадает с материально-производственным уровнем региона: чем выше этот последний, тем выше уровень образования его граждан (количество вузов в регионе).

Иначе выглядит картина обеспеченности врачами тех или иных регионов: здесь нет зависимости состояния здоровья их населения от материально-экономического уровня тех или других обществ. Отсталые в материально-производственном отношении регионы, такие, к примеру, как Черновицкая, Львовская, Ивано-Франковская области, лидируют в списке регионов с максимальным количеством врачей на 10 тыс. чел. Напрашивается вывод: во-первых, распределение выпускников медицинских вузов осуществляется без учета количества населения в этих регионах и, во-вторых, региональные власти в политике комплектования вузов исходят из потребностей только своих областей в определенных специалистах, а также из наличия преподавателей соответствующего профиля. Что же касается экологической (природной) составляющей качества жизни, то наиболее благополучными в этом отношении регионами являются Херсонская, Черниговская, Волынская и Хмельницкая области, т.е. те регионы, которые в материально-экономическом отношении значительно отстают от индустриальных. Этот факт свидетельствует о технико-технологической отсталости отечественной промышленности, до сих пор не принимающей в расчет выбросов вредных веществ в атмосферу.

Заключение

Качество жизни как социологическое понятие является интегральной характеристикой всей многогранной человеческой жизнедеятельности. Этот сложный, многокомпонентный конструкт отражает феномен, зависящий как от объективных факторов, и прежде всего, возможности удовлетворения человеческих потребностей в данных социально-экономических условиях, так и от разнообразных субъективных факторов: социально-психологических, социокультурных и пр. Одни и те же по сути потребности проявляются у разных людей по-разному, в различной форме и степени в зависимости от их менталитета, культуры, жизненного опыта и, как следствие, определяют разное восприятие качества собственной жизни. В этом смысле, считают авторы, качество жизни можно рассматривать как социальную (на уровне общества) и социально-психологическую (на уровне индивида) оценку уровня жизни, как показатель социальной, личностной комфортности осуществления жизнедеятельности. Такое понимание близко к «подходу потенциальных возможностей» А.Сена, согласно которому качество жизни измеряется способностью к достижению ценностных благ, т.е. того, что значимо для человека. Перечень параметров, относящихся к качеству жизни, фактически неограничен. Однако, ключевое значение при социологическом (экономико-социологическом) подходе к качеству жизни имеет понятие «уровень жизни». Именно его авторы исследования поставили на первое место в понимании качества жизни населения Украины.

В данной работе авторы исходили из трактовки *качества жизни* как структурного единства компонентов, расположенных в «горизонтальной» и «вертикальной» плоскостях человеческой жизни, где «горизонтальная» плоскость означает ее *разносторонность*, а «вертикальная» – *уровень общественного развития (социокультурных достижений)*.

Несмотря на всю заманчивость идеи создания интегральных показателей качества жизни, его не следует сводить к какому-то одному показателю, ибо качество жизни состоит из ряда невзаимозаменяемых элементов, характеризующих разнообразные потребности людей. Человеческая жизнь намного богаче и сложнее, чем конструируемые учеными схемы. Квалиметрический подход позволяет дать довольно полную картину

качества жизни населения. Однако анализ рассматриваемых индексов качества жизни необходимо дополнять экспертными оценками и данными, полученными с применением как количественных, так и качественных методов исследования.

Исследование категории качества жизни применительно к современному украинскому обществу показало, что, во-первых, на фоне его значительной отсталости от передовых стран мира наблюдаются некоторые сдвиги в положительную сторону; во-вторых, процесс развития качества жизни происходит неравномерно в разных регионах Украины. При этом усилия граждан направлены прежде всего на решение материально-экономических проблем, занимающих в настоящее время доминирующее место в жизнедеятельности страны. Вместе с тем следует признать необходимость интеграции всех сторон этой жизнедеятельности, в рамках которой экономика способна развиваться лишь тогда, когда развиваются во взаимодействии все составляющие качества жизни.

Несмотря на все большую адаптацию населения к капиталистическим отношениям, для большинства людей жизнь в нашей стране ухудшается, а не наоборот. По данным ESS, средний балл при оценке утверждения «для большинства людей в стране жизнь становится хуже, а не лучше» (по 6-балльной шкале от «1 – полностью согласен» до «5 – совсем не согласен») составил 1,95. По данным всеукраинского опроса «Общественное мнение в Украине – 2009», число тех, кто считает, что его жизнь за годы независимости Украины по сравнению с советским периодом ухудшилась, в 2,4 раза превышает количество граждан, чья жизнь улучшилась (43,7% и 18,0% соответственно). Более половины населения (59,8%) не может сказать, что в настоящее время живет многогранной, полноценной человеческой жизнью. Полноценная жизнь доступна только каждому пятому (21,1%). И это не удивительно, если проанализировать ответы людей о степени удовлетворения их жизненных потребностей. Общий уровень потребления людей в современной Украине (широких слоев населения за исключением незначительной доли состоятельных и богатых украинцев) очень низок, и по важным позициям потребности значительной части (от трети до половины) населения не удовлетворяются. Еще хуже уровень жизни украинцев выглядит по сравнению с ситуацией в других европейских странах. Комфортно на свой семейный доход в Украине живет около 1% населения. Мониторинговые исследования постоянно фиксируют ухудшение

разных сторон жизни населения, в частности материальных условий, медицинского обслуживания, условий отдыха и пр.

Поскольку уровень жизни человека определяется в основном его рабочим местом и заработной платой, качество трудовой жизни является важной составляющей качества жизни в целом. Однако радикальные институциональные перемены в экономической жизни украинского общества, завершение приватизации малых и средних предприятий сузили возможности восходящей социальной мобильности и существенного повышения качества трудовой жизни, а значит и качества жизни в целом для новых поколений граждан Украины. Большинству людей приходится полагаться лишь на собственные усилия как личностный ресурс социального роста.

Поэтому для повышения качества жизни каждого человека в отдельности и общества в целом государство должно обеспечить своим гражданам право на достойный труд и достойную оплату, неукоснительно выполняя 25 статью Всеобщей декларации прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., которая гласит: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам». Но в условиях украинских реалий эти благородные намерения остаются на уровне деклараций.

Таким образом, есть все основания утверждать, что украинское общество делает лишь первые шаги в направлении реализации этого важнейшего требования современной человеческой цивилизации. Ему еще надлежит пройти этап существенного подъема материального благосостояния во всем многообразии его проявлений — и в сфере удовлетворения материальных потребностей, и в сфере трудовой деятельности, и в сфере досуга. Кроме того, следует избавиться от тех кричащих дисбалансов и дисгармоний в развитии различных составляющих качества жизни, которые засвидетельствованы в наших исследованиях. Только соблюдение этих требований позволит украинскому обществу приблизиться к современным цивилизационным параметрам качества жизни.

Литература к первой главе

Алмакаева А. Категория «качество жизни» в научном и общественном дискурсе: опыт компьютеризованной веб-страницы Интернета // *А.Алмакаева // Социология* 4М. – 2006. – № 22. – С. 19–37.

Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях. – М. : Наука, 1985.

Бауман Зигмунд. Философские связи и влечения постмодернистской социологии / Бауман З. // *Вопросы социологии*. – 1992. – № 2. – С. 5–22.

Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Беляева Л.А. // Социс*. – 2009. – № 1. – С. 33–42.

Видович З. Социальное неравенство демократия и развитие / *З.Видович // Социологические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 10–19.

Готлиб А. Введение в социологическое исследование. Качественные и количественные подходы. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2002. – 422 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / *Кара-Мурза С.Г.* – М. : Эксмо, 2007. – 864 с.

Люблинский В.В. Трансформация общества и социальная политика в странах Запада: Вторая половина XX – начало XXI в. : [монография] / *В.В. Люблинский*. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – С. 262.

Людський потенціал: механізм збереження та розвитку. – Донецьк: НАНУ, 2008. – 468 с.

Качество жизни. Краткий словарь – М. : Смысл, 2009. – С. 167.

Маркович Д.Ж. «Глобальные проблемы и качество жизни» / *Маркович Д.Ж. // Социологические исследования*. – 1998. – № 4. – С. 129–132.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль / *Карл Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения*. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 101–155.

Основные показатели, отражающие уровень жизни населения [Электронный ресурс]. – 5 мая 2010 г. – Режим доступа : http://hrstudent.ru/mtd/osnovnye_pokazateli_otrazhayuszie_uroven_zhizni_naseleniya.print.

Права человека : сб. междунар. документов / [сост. и автор вступ. статьи *Л.Н. Шестаков*]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 232 с.

Маслоу Абрахам. Новые рубежи человеческой природы / *Маслоу Абрахам* – М. : Смысл, 1999. – 424 с.

Петрова А.Т., Канушенко Л.А., Рукосуева Т.В. Логические основы формирования индикаторов качества жизни / *Петрова А.Т., Канушенко Л.А., Рукосуева Т.В. // Философские науки*. – 2006. – № 11. – С. 125–137.

Плахова О.М. Якість життя населення України в умовах трансформації (соціологічний аналіз). Автореф. канд. дис. / *Плахова О.М.* – Харків : Вісник Харківського Національного ун-ту, 2005. – 20 с.

Прибыткова И.М. Качество и уровень жизни в концептуальных и прикладных измерениях / *Прибыткова И.И. // Методология, теория*

та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – Харків : Вісник Харківського Національного ун-ту, 2003. С 364–369.

Регіональні проблеми людського та соціального розвитку. Т. 1. – Донецьк : ДонДУУ, 2008.

Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / Семенова В.В. – М. : Ин-т социологии РАН, 1998. – 289 с.

Страус Ансельм, Корбин Джульетт. Основы качественного исследования // Страус А., Корбин Д. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 254 с.

Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. Культура в системе показателей категории «качество жизни» // Мониторинг общественного мнения 4(88). – М. : Вестник Российской академии наук, 2008. – С 26–36.

Тодоров А.С. Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций / Тодоров А.С. – М. : Мысль, 1980. – С 223.

Харрингтон М. Другая Америка / Харрингтон М. – М. : Иностранная литература. 1963. – 209 с.

Bell D. Cultural Contradictions Capitalism / Bell D. – N. Y. : Basic Books, 1976. – XXXVI, 301 p.

Crane D. A Dictionary of Canadian Economics / David Crane – Edmonton, Alberta : Hurtig Publishers, 1980. – IX + 372 p.

Crozier M.J. Crisis Democracy. Report on Governability Democracies to Trilateral Commission / Crozier M.J., Huntington S.P, Watanuki J. – N. Y. : New York University Press, 1975. – 220 p.

Easterlin R.A. The Worldwide Standard of Living since 1800 / Richard A. Easterlin // The Journal of Economic Perspectives. – 2000. – Winter. – P. 7–26.

Economic Standard of Living: Desired Outcomes [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.socialreport.msd.govt.nz/economic-standard-living/>. (s.a.)

Fontinelle A. Standard Of Living Vs. Quality Of Life [Electronic Resource] / Amy Fontinelle. – Mode of access : <http://www.investopedia.com/articles/financial-theory/08/standard-of-living-quality-of-life.asp>.

GDP and standard of living [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.spiritus-temporis.com/standard-of-living/>. (s.a.)

Hossein-Zadeh I. Putting the Brakes on Neoliberal Economics: Race to the Bottom [Electronic Resource] / Ismael Hossein-Zadeh. – Mode of access : <http://www.counterpunch.org/zadeh08302010.html>.

Human Development Report 1994. New Dimensions of Human Security [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1994/>. (s.a.)

Human Development Report 2010 – 20th Anniversary Edition. The Real Wealth of Nations : Pathways to Human Development [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/>. (s.a.)

Investment, Productivity and Standard of Living [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.esc.edu/ESOnline/Across_ESC/WritersComplex.nsf/web+view/5B2550E979A37DAE852569EC006B9118?opendocument. (s.a.)

- Macarov D.* Social Welfare: Structure and Practice / David Macarov. – Thousand Oaks, California : Sage Publications, 1995. – 325 p.
- Moskowitz M.* Standard of Living: The Measure of the Middle Class in Modern America / Marina Moskowitz. – Baltimore, Maryland : Johns Hopkins University Press, 2004. – 300 p.
- The Harper Dictionary of Modern Thought / Eds. Allan Boock, Stephen Trombley. – N.Y. : Harper & Row, Publishers, 1988. – XXVI + 916 p.
- Passell P.* Economic Scene: Rich nation, poor nation. Is anyone even looking for a cure? [Electronic Resource] / Peter Passell. – 1998. – August 13. – Mode of access :
- <http://www.nytimes.com/1998/08/13/business/economic-scene-rich-nation-poor-nation-is-anyone-even-looking-for-a-cure.html?pagewanted=print>. (s.a.)
- Petras J.* The Standard of Living Debate in Development Policy / James Petras, Henry Veltmeyer – Critical Sociology. – 2007. – Vol. 33. – P. 181–209.
- Pollin R.* Standard of Living Must Be Raised [Electronic Resource] / Robert Pollin. – May 18, 2009. – Mode of access : http://www.rollcall.com/features/MissionAhead-AmericanWorker-2009_2009/ma_worker_future/34938-1.html. (s.a.)
- Quality of Life Index 2011 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://nationranking.files.wordpress.com/2011/03/2011-qli2.png>. (s.a.)
- Sloan H.S.* Dictionary of Economics / Harold S. Sloan, Arnold J. Zurcher. – N.Y. : Barnes and Noble Books, 1970. – XII + 520 p.
- Steckel R.H.* A History of the Standard of Living in the United States [Electronic Resource] / Richard H. Steckel. – 2010. – January 2. – Mode of access : <http://eh.net/encyclopedia/article/steckel.standard.living.us>.
- Study Shows Wide Gaps In U.S. Standards Of Living [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.mgwashington.com/index.php/news/article/study-documents-wide-gaps-standards-of-living-in-us/1337/>. (s.a.)
- Van der Pijl K. A Lockean Europe? / Van der Pijl K. // New Left Review. – 2006. – № 37. – P. 619–637.

Литература ко второй главе

- Борода М.* Бенчмаркінг України за якістю життя / М.Борода, І.Газізуллін // Потенціал України та його реалізація. Аналітичний звіт Міжнародного центру перспективних досліджень. – К. : МЦПД, 2008. – С. 9–16.
- Борода М.* Якість життя напередодні кризи / М. Борода // Потенціал України та його реалізація. Аналітичний звіт Міжнародного центру перспективних досліджень. – К. : МЦПД, 2009. – С. 9–18.
- Київ признан самым грязным городом Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://novosti-n.mk.ua/Ukraine/read/?id=27773>. (s.a.)
- Теслюк Р.* Роль міграції в забезпеченні якості життя населення: регіональні аспекти / Р.Теслюк, М.Д.Спаскова. Соціально-економічні проблеми сучасного періоду України. – 2009. – Вип. 6(80). – С. 447–454.
- The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index [Electronic Resource]. – Mode of access : http://www.economist.com/media/pdf/guality_of_life.pdf. (s.a.)

Література к третьей главе

Головаха Є. Економічна просвіта в Україні: завдання, форми організації та основні принципи / Є.Головаха // Економічна свідомість населення України і економічна просвіта. – К. : Просвіта, 1996. – С. 29–38.

Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі : за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009 / Є.Головаха, А.Горбачик. – К. : Ін-т соціології НАНУ, 2010. – 118 с.

Головаха Є. Динаміка соціального самопочуття населення України : 1995–2006 // Українське суспільство 1992–2006 : Соціологічний моніторинг / Є.Головаха, Н.Паніна ; за ред. В.Ворони, М.Шульги. – К. : Ін-т соціології НАНУ, 2006. – С. 201–210.

Здоровый образ жизни. Что это такое? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zozh.org/80-что-такое-zozh/>. (s.a.)

Кастельс М. Інтернет-галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства / Кастельс М. ; пер. з англ. – К. : Ваклер, 2007. – 304 с.

Кастельс М. Інформаційне суспільство та держава добробуту. Фінська модель / М. Кастельс, П.Хіманен ; пер. з англ. – К. : Ваклер, 2006. – 256 с.

Куценко В.І. Соціальний вектор економічного розвитку / Куценко В.І. ; за ред. В.М.Данилишина. – К. : Наук. думка, 2010. – 736 с.

Мировая статистика здравоохранения 2010 год [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения, 2010 г. – 177 с. – Режим доступа : http://www.who.int/whosis/whostat/RU_WHS10_Full.pdf. (s.a.)

Михальченко Н. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? / Михальченко Н. – К. : Ін-т соціології НАНУ, 2001. – 440 с.

Навроцький О. Вища школа України в умовах трансформації суспільства / Навроцький О. – Харків : Основа, 2000. – 240 с.

Панина Н.В. Здоровье и самочувствие населения Украины: эпидемиологический мониторинг / Панина Н.В. // Избранные труды по социологии : у 3 т. Т. 1. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / [сост., ред., вступ. статья Е.И.Головахи]. – К. : Ін-т соціології НАНУ, 2008. – С. 116–130.

Патрушев В.Д. Свободное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) / В.Д.Патрушев // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 37–44.

Пилипенко В.Е. Социальная очередность или социальная справедливость? (О перестройке кадровой политики в академической науке) / В.Е.Пилипенко // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 3. – С. 23–36.

Пилипенко В.Є. Соціологія науки / В.Є.Пилипенко // Спеціальні та галузеві соціології. – К. : Фоліант, 2007. – 451 с.

Под председательством Президента состоялось заседание Общественного гуманитарного совета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.president.gov.ua/ru/news/18302.h>. (s.a.)

Положенко Д.В. Соціальна сфера України та її фінансове наповнення / Д.В.Положенко //

Продолжительность жизни в Украине на 11 лет меньше, чем в Европе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rodrobnosti.ua/print/health/2008/03/28/508939.html>.

Психическое здоровье – состояние благополучия. – Mode of access : http://wtwww.who.int/features/factfiles/mental_health/ru/index.html. (s.a.)

Ринок праці та зайнятість населення. – 2010. – № 2. – С. 7–11.

Рівень життя населення України / НАН України. Інститут демографії та соціальних досліджень, Державний комітет статистики України ; за ред. Л.М. Черенько. – К. : ТОВ «Видавництво “Консультант”», 2006. – 428 с.

Резнік В.С. Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії / Резнік В.С. – К. : ІС НАНУ, 2010. – 512 с.

Сергеева Л.Н. Анализ международного опыта определения показателя «качество жизни» / Л.Н.Сергеева, Е.А.Теряник // Бизнес-информ. – 2009. – № 6. – С. 11.

Соціальні індикатори рівня життя населення : стат. зб. – К., : Держкомстат, 2009. – 567 с.

Регіони України 2009 : Статистичний щорічник України . / за ред. О.Г.Осауленка. – К., Держкомстат, 2009. – 367 с.

Соціальні структури та особистість: дослідження Мелвіна Л.Кона і його співробітників / пер. з англ. за наук. ред. В.Є.Хмелька ; Київ. міжнар. ін-т соціології. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 559 с.

Соціологічний вимір соціально-економічних процесів в Україні / за ред. О.Балакіревої. – К. : НАНУ, Ін-т екон. та прогнозув. – 2009. 320 с.

Статистичний щорічник України за 2007 / Державний комітет статистики України ; за ред. О.Г. Осауленка. – 2008. – 567 с.

Трофімчук Т.М. Проблеми формування людського капіталу в галузях охорони здоров'я та освіти / Т.М.Трофімчук // Статистика України : наук.-інформ. журн. – 2010. – № 1. – С. 73–80.

Українці менше всіх доволни своєю життям [Електронний ресурс]. – Режим доступа : utro.ua/news/2007/05/18/47557.shtml. (s.a.)

Уровень заболеваемости туберкулезом в Украине уменьшается, но все еще остается эпидемией [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rus.newsru.ua/ukraine/24mar2010/moz.html>. (s.a.)

Шаптала О.С. Стан здоров'я виробничих сил і умови його підтримки та відновлення в Україні / О.С. Шаптала // Статистика України. – 2003. – № 4. – С. 65–68.

Чернецький Ю.О. Соціологія освіти / Ю.О.Чернецький // Спеціальні та галузеві соціології ; за ред. В.Є. Пилипенка. – К. : Фоліант, 2007. – 451 с.

Федорова Н.М. Качество жизни населения города в период социально-экономических трансформаций... дис. канд. экон. н. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : lib.ua-gu.net.

Якість життя населення пострадянських країн у соціологічному вимірі : [колективна монографія] / [В.С.Бакіров, В.Н.Ніколаєвський, О.І.Кізілов, О.М.Плахова, О.В.Чернявська, Л.М.Хижняк, В.І.Лукашук, А.І.Андрющенко] ; за ред. В.С.Бакірова. – Х. : ХНУ ім. В.Н.Каразіна, 2008. – 216 с.

GDP (per capita) (most recent) by country. – [Electronic Resource]. – Mode of access : www.nationmaster.com/graph/eco_gdp_percap-economy-gdp-per-capita. (s.a.)

Global Economic Prospects Summer 2010. – [Electronic Resource]. – Mode of access : Fiscal Headwinds and Recovery. – Mode of access : <http://siteresources.worldbank.org/INGEP2010/Resources/Gep2010Summer2010-ECAAnnex.pdf>. (s.a.)

Population Reference Bureau. – [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.prb.org/> (s.a.)

Наукове видання

**ЯКІСТЬ ЖИТТЯ НАСЕЛЕННЯ УКРАЇНИ
У ДЗЕРКАЛІ СОЦІОЛОГІЇ**

(російською мовою)

Наукові рецензенти:

І.М.Прибиткова, доктор економічних наук,

П.С.Ещенко, доктор економічних наук

Відповідальна за випуск: *Т.Загороднюк*

Комп'ютерна верстка: *О.Соколова*

Підписано до друку 08.06.2012 р. Формат 60x84¹/₁₆. Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Ум.др.арк. 13. Зам. № . Наклад 300.

Надруковано ТОВ "РПФ "Азбука".
04080, Київ-80, вул. Фрунзе, 19/21